

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды

На правах рукописи

ХОЛОДНЯК ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА

УДК 811.161.1'42 Максимович

СТИЛИСТИКА ПИСЕМ М.А. МАКСИМОВИЧА

Специальность 10.02.02. – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
СТАКАНКОВА Тамара Петровна

Харьков 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА	12
1.1. Эпистолярный текст в лингвистике текста и теории коммуникации	12
1.2. Эпистолярный в системе функционально-стилистических отношений	33
1.3. Типология эпистолярных текстов в лингвистической науке.....	48
Выводы к I разделу	58
РАЗДЕЛ 2. СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ М.А. МАКСИМОВИЧА	60
2.1. Типология эпистолярных текстов М.А. Максимовича.....	60
2.2. Оформление общетекстовых дискурсивных единиц в письмах М.А. Максимовича	64
2.2.1. Авторизированные повествовательные модели	64
2.2.2. Прямые и косвенные средства выражения просьб.....	101
2.2.3. Средства выражения субъективно-эмоционального настроения	119
2.3. Репрезентация этикетных формул в эпистолярной М.А. Максимовича	123
2.3.1. Формулы обращения и приветствия в письмах М.А. Максимовича	125
2.3.2. Оформление формул благодарности в эпистолярной М.А. Максимовича	147
2.3.3. Формулы извинения в письмах М.А. Максимовича	166
2.3.4. Формулы и средства завершения эпистолярного диалога в письмах М.А. Максимовича	174
2.4. Отражение языковой личности М.А. Максимовича в его эпистолярной ...	193
Выводы ко II разделу	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
ЛИТЕРАТУРА	211
ПРИЛОЖЕНИЯ	237

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке за текстом закреплен статус многоаспектного явления. Он рассматривается в рамках самых разнообразных направлений современной лингвистики и смежных с ней дисциплин: прагмалингвистики (Т. Ван Дейк [33; 34], И. Сусов [190; 191] и др.), психолингвистики (В. Белянин [22], А. Залевская [79; 80], Л. Сахарный [168; 169], Ю. Сорокин [186], Р. Фрумкина [205] и др.), теории коммуникации (М. Макаров [129], Е. Ковшикова [105], Е. Реферовская [163], В. Юганов [216] и др.), когнитивной лингвистики (А. Баранов [14], Т. Воронцова [45], В. Карасик [93] и др.) и других направлений. Для выяснения природы текста требуется привлечение множества понятий и самых различных сведений.

В последнее время значительный интерес у исследователей вызывают тексты, которые могут принадлежать одновременно различным сферам коммуникации. В этой связи одним из интереснейших объектов является письмо, обладающее рядом специфических – как собственно лингвистических, так и экстралингвистических – характеристик; демонстрирует множественность сфер применения (деловая, научная, публицистическая, бытовая, художественная сферы), неизменность структурных параметров (композиционная рамка) при содержательной вариативности (разнообразие тематики); имеет безусловную национально-культурную значимость.

Таким образом, письмо, представляя собой один из типов текста, может служить объектом исследования не только для лингвистики текста, как в работах Б. Нажуа [138], Т. Каировой [92], Л. Нижниковой [145], И. Паперно [152] и др., но и для других направлений лингвистической науки. Так, в лингвостилистическом аспекте эпистолярный рассматривают С. Антоненко [6], Т. Зорина [88; 89], И. Иванчук [90], Л. Кецба [100; 101], О. Братанич [30] и др.; в лингвопрагматическом аспекте – О. Гусева [60], Т. Ковалева [104], А. Найрулин [139] и др.; в социолингвистическом – З. Данкер [61], Д. Крюков [113] и др.; в аспекте теории коммуникации – Н. Белунова [18; 19; 20; 21],

А. Загнитко [78], Н. Ковалёва [103], А. Курьянович [115], О. Подъяпольская [156] и др.; в аспекте когнитивной лингвистики – Г. Даутова [62], А. Юнг [217] и др.; письмо как источник изучения истории русского языка – Е. Виденева [39], Т. Шейнова [211] и др.

Изучение особенностей эпистолярных текстов осуществляется, как показывает анализ вышеперечисленных работ, преимущественно на материале переписки выдающихся писателей, деятелей науки и культуры. На это обстоятельство указывает и Н. Белунова, отмечая, что обращение к эпистолярному наследию творческой интеллигенции является не случайным, поскольку это наследие имеет важное значение для современной культуры как в собственно языковом отношении, так и в культурно-историческом [19, 80]. Письма содержат личностный взгляд автора послания на общественную жизнь в различных ее проявлениях, а также отражают языковой стиль определенной эпохи, способы организации и употребления языкового материала – как общепринятые, так и особые, авторские, позволяющие воссоздать целостную картину индивидуального стиля и языковой личности того или иного представителя литературы, науки или публицистики.

Так, письма М. Ломоносова рассматриваются в трудах Н. Аникиной [5]; эпистолярное наследие А. Пушкина стало объектом пристального изучения С. Антоненко [6], И. Иванчук [90], В. Малаховского [130] и др. исследователей; письма А. Грибоедова анализируются И. Ильинской [91]; А. Чехова – В. Ляпуновой [127], Е. Захаровой [83], Л. Потапенко [158] и др.; М. Цветаевой – А. Курьянович [115]; переписка В. Виноградова – М. Кормилицыной [110]; А. Реформатского – Р. Лихтман [121] и др.

Однако все большее внимание ученых привлекают вопросы «субъективного фактора в языке, и в частности выявления того, как каждый конкретный субъект речи ведет себя в дискурсивном пространстве своей современности в зависимости от собственных коммуникативных интенций, фактора адресата, с учетом общих фоновых знаний социума, знаний об окружающей среде, языковой картине мира, репрезентируя личностное,

нередко и интимное, начало и т.д. Именно такой подход к изучению речи отдельных личностей породил новое направление лингвистических исследований – лингвоперсонологию, в рамках которой и описывают типы языковых личностей» [111: 10].

Наше исследование посвящено описанию наиболее ярких стилистических черт писем М.А. Максимовича, выявленных в процессе анализа его эпистолярия, и проявившихся в них особенностей языковой личности автора. Обращение к эпистолярному наследию историка, культурного деятеля, писателя обусловлено тем, что, во-первых, письма, как и другие разновидности эго-текстов (дневники, записки, автобиографии и под.), позволяют наиболее полно раскрыть внутренний мир их автора, отраженный в языковых знаках, отношении к адресату и обсуждаемому вопросу. Часто в письмах отражаются особенности обыденной, неподготовленной речи адресанта, которых в публичной коммуникации последний старается избежать. Во-вторых, различные виды писем демонстрируют и различные варианты поведения (в т.ч. речевого) адресанта в зависимости от типа и характера адресата и позволяют воссоздать значительный фрагмент языковой личности субъекта, восстанавливаемой по всему массиву существующих его произведений. В-третьих, несмотря на то, что наследие М.А. Максимовича описывалось в разных аспектах – его яркая личность привлекала внимание историков и философов (Н. Бойко [26; 27], М. Верховский [37], П. Голубовский [56], С. Ефремов [75], П. Клепацкий [102], М. Марченко [132], А. Ясь [219] и др.), биологов (И. Билоконь [25] и др.), фольклористов (П. Марков [131], В. Федас [197] и др.), языковедов и литературоведов (М. Драгоманов [70], М. Карпенко [97], Е. Кедайтене [99], С. Лахно [203], А. Лобода [122], А. Пархоменко [153], И. Сеница [175], Л. Фризман [203] и др.), этнографов (В. Горленко [57], В. Качкан [98], В. Науменко [141; 142] и др.), – письма М.А. Максимовича не были объектом отдельного специального исследования.

Значительную часть творческого наследия М.А. Максимовича составляет его переписка с известными русскими и украинскими деятелями науки и

культуры, писателями, такими как М. Погодин, П. Вяземский, С. Шевырев, О. Бодянский, Н. Барсуков, П. Лебединцев, С. Уваров, Е. Брадке, А. Кистяковский, В. Жуковский, Т. Шевченко, П. Кулиш, Г. Квитка-Основьяненко, С. Пономарев и многими другими.

Переписка занимала исключительно важное место в жизни М.А. Максимовича, а иногда, из-за болезни, становилась едва ли не единственным способом обмена информацией с внешним миром. Оторванный от научных и культурных центров, он вынужден был общаться со своими коллегами, друзьями и знакомыми преимущественно через переписку, этим же способом он излагал свои научные взгляды, результаты научных изысканий.

Эпистолярное наследие М.А. Максимовича представляет большой и разнообразный мир, оно охватывает широкий круг научных, историко-культурологических тем, вопросов и проблем, факты личной и общественной деятельности выдающегося мыслителя и прогрессивного украинского ученого XIX в., первого ректора Киевского университета. Вместе с тем значительное количество его писем до сих пор остаются неизвестным или малоизвестным достоянием отделов редких книг, архивных фондов Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, Центрального государственного исторического архива в г. Киеве, Государственного архива г. Киева, Российского государственного архива в Санкт-Петербурге и других архивов.

Существует небольшое количество работ, посвященных изучению эпистолярия М.А. Максимовича в культурно-историческом плане. Это, прежде всего, статьи одного из первых биографов и публикаторов писем М.А. Максимовича – С. Пономарева [157], а также В. Данилова [63], В. Науменко [141; 142], И. Стешенко [188], П. Филипповича [269], Н. Шугурова [275]. В современной науке письма М.А. Максимовича тоже рассматриваются, но преимущественно как материал для воссоздания биографии ученого и определения его научных позиций: С. Беленький [23], Н. Бойко [26; 27],

В. Замлинский [81; 258], Н. Карпанюк [96], В. Короткий [256; 257], С. Лахно [203], Л. Фризман [203], А. Ясь [219] и некоторые другие.

Однако письма М.А. Максимовича являются не только богатейшим иллюстративно-фоновым материалом для воссоздания биографии известного ученого, они, обладая жанровым и стилистическим своеобразием, также представляют собой важный объект исследования и для лингвистической науки.

Вместе с тем, эти письма не были предметом специального рассмотрения в лингвистике, что и определяет **актуальность и новизну** нашего исследования. **Актуальность** работы определяется также непреходящим интересом современной филологической науки к коммуникативным аспектам языка, в частности проблемам эпистолярного дискурса и проявляющейся в нем языковой личности автора. Исследование писем М.А. Максимовича в избранном аспекте соответствует современным лингвистическим подходам к изучению языка и речи в рамках антропоцентрической парадигмы.

Объектом исследования являются письма М.А. Максимовича 1823-1873 годов.

Предмет исследования – структура и стилистика писем М.А. Максимовича, а также лексические, грамматические и стилистические средства репрезентации в письмах языковой личности автора.

Материалом для исследования послужили 300 писем М.А. Максимовича различных типов и жанров. Иллюстративный материал из фонда Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского приводится с указанием единицы хранения. Орфография и пунктуация писем М.А. Максимовича воспроизводится в соответствии с текстами, приведенными в исследуемых источниках. Исключение составляет исправление механических опечаток и ошибок, а также замена букв, не используемых в современном русском языке: ъ на е, і на и, Ѡ на ф, буква ь в конце слов снимается.

Цель работы – установить характерные структурно-типологические и стилистические черты писем М.А. Максимовича и определить средства и

способы репрезентации языковой личности автора в его эпистолярном наследии.

Поставленная цель реализуется путем решения следующих **задач**:

- проанализировать признаки эпистолярного текста и выявить его специфические черты и место в соотношении с собственно текстом и дискурсом;
- определить стилистический статус эпистолярия в системе функционально-стилистических отношений;
- классифицировать письма М.А. Максимовича в соответствии со сферой общения, целеустановкой и характером отношений коммуникантов;
- выявить специфические структурно-стилистические особенности каждого типа писем, в частности, в употреблении и презентации этикетных формул, просьб, способов проявления субъективно-эмоционального настроения;
- охарактеризовать основные черты языковой личности М.А. Максимовича, отразившиеся в его эпистолярном наследии.

Специфика объекта, очерченная цель исследования и его комплексный характер обусловили применение общенаучных, лингвистических, интерпретационных **методов и приемов**. В процессе отбора материала исследования применялся метод сплошной выборки. Описательный метод использовался для общего анализа, описания и систематизации языкового материала; при характеристике отдельных лингвистических единиц и при создании классификации частично использовались элементы типологического, сравнительного и структурно-семантического анализа; характеризуя языковую личность М.А. Максимовича, обращались к методу дискурсивного анализа. В процессе исследования, кроме лингвистических, привлекались общепилологические, лингвокогнитивные и лингвокультурологические данные, необходимые для анализа исследуемых единиц с учетом национальной специфики русского и украинского языков.

На всех этапах исследования актуальными были общенаучные методы наблюдения, сопоставления и обобщения языковых фактов.

Научная новизна предпринятого исследования заключается в следующем:

1) впервые эпистолярное наследие М.А. Максимовича является объектом многоаспектного анализа с позиций лингвистики текста, коммуникативной лингвистики и лингвоперсонологии;

2) разработана классификация эпистолярных текстов М.А. Максимовича, в основу которой положена совокупность критериев, отражающих экстралингвистические характеристики коммуникативного акта, но при этом учитывались и некоторые лингвистические показатели, в частности наличие элементов, сближающих то или иное письмо с определенным речевым жанром;

3) предпринята попытка описания фрагмента языковой личности М.А. Максимовича по его письмам.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы И. Арнольд [7], Н. Арутюновой [10], М. Бахтина [15], В. Виноградова [40; 41], И. Гальперина [48; 49], Т. ван Дейка [33; 34], К. Долинина [68; 69], Ю. Караулова [94], М. Кожиной [107], В. Кухаренко [117], Е. Реферовской [163], И. Синицы [175], З. Тураевой [194] и др. Изучение синтактико-стилистической структуры эпистолярных текстов и их дискурсивно-коммуникативных характеристик обуславливает также обращение к работам ученых, посвященным этим аспектам: А. Акишиной [2; 3], Л. Азнабаевой [1], Н. Белуновой [18; 19; 20; 21], О. Воробьевой [44], Н. Ковалевой [103], Л. Нижниковой [145], О. Подьяпольской [156], Н. Формановской [3] и др.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты и выводы способствуют дальнейшей разработке теории языковых и речевых жанров, отдельных аспектов лингвистики текста и лингвоперсонологии. Полученные результаты углубляют представление об эпистолярном дискурсе как о многомерном лингвистическом объекте.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов при чтении лекционных курсов по теории языковых и речевых жанров, лингвистике текста,

лингвоперсонологии, на практических занятиях по стилистике и интерпретации текста, занятиях по лингвистике и лингвистическому анализу текста. Отдельные положения и выводы могут быть полезными при обучении школьников и студентов эпистолярному жанру как форме письменной речи, что, в свою очередь, будет способствовать формированию навыков культуры речи учащихся. Материал исследования может быть использован также для дальнейшего изучения языка ученого-энциклопедиста М.А. Максимовича и создания целостного описания его индивидуального стиля.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Диссертация связана с разработками кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды, выполнена в рамках государственной темы «Закономерности функционирования русского языка: динамический, прагматический и методический аспекты». Регистрационный номер 0112U002005. Тема диссертации утверждена на заседании ученого совета Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (протокол № 3 от 30 мая 2014 года).

Апробация работы. Отдельные положения диссертации обсуждались на занятиях научного семинара аспирантов, на заседаниях кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, а также излагались в виде докладов на международных научных, всеукраинских и научно-практических конференциях: Международной научно-практической конференции «Образование и наука без границ» (Белгород-Днепропетровск, 2004); Международной научной конференции «Актуальні проблеми функціональної лінгвістики» (Харьков, 2005); Международной научной конференции «Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодення» (Горловка, 2006); XV Международной научной конференции имени проф. Сергея Бураго «Мова і культура» (Киев, 2006); XVI Международной научной конференции имени проф. Сергея Бураго «Мова і культура» (Киев, 2007); XXXIII Международной научно-практической

интернет-конференции «Проблеми та перспективи розвитку науки на початку третього тисячоліття у країнах Європи та Азії» (Переяслав-Хмельницький, 2016); Международной научной конференции «Urgent Problems of Philology and Linguistics – 2017» (Будапешт, 2017); Всеукраинской научной конференции «Сучасні орієнтири філологічної науки» (Херсон, 2006); Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2005); Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2006); III Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2006); IV Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2007); V Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2008); VII Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2010); VIII Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2011); IX Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2012); X Научно-практической конференции молодых ученых «Методологія сучасних наукових досліджень» (Харьков, 2013).

Материалы диссертации нашли свое отражение в 20 публикациях, 7 из которых опубликованы в специализированных изданиях, утвержденных ВАК МОН Украины, а также 1 статья – в специализированном зарубежном научном издании, зарегистрированном в международных наукометрических базах, две статьи – в других научных изданиях Украины и десять тезисов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка использованной литературы (275 позиций) и четырех приложений. Общий объем работы – 267 страниц, основное содержание – 210 страниц.

РАЗДЕЛ 1. АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА

Прежде чем приступить непосредственно к анализу эпистолярного наследия М.А. Максимовича, необходимо выяснить, какие характерные черты присущи эпистолярному тексту как типу текста вообще, а также выявить специфические особенности, которые свойственны именно этому типу текста. В нашей работе представлен интегративный принцип анализа эпистолярного текста (ЭТ), в рамках которого письмо, как тип текста, рассматривается не только в русле традиционной лингвистики текста, где текст воспринимается как статический объект исследования, но и в рамках теории коммуникации, в которой текст представлен как явление динамическое, где учет ситуативного контекста, целей коммуникации играет доминирующую роль. Такой подход, на наш взгляд, позволяет глубже постичь грани сущностных характеристик ЭТ. Вместе с тем при изучении эпистолярного текста важную роль играет определение его стилистического статуса в системе функционально-стилистических отношений, а также типология писем и их систематизация.

1.1. Эпистолярный текст в лингвистике текста и теории коммуникации

В настоящее время текст является одним из главных объектов лингвистической науки. В силу своей концептуальности, ориентированности на коммуникативный процесс, прагматичности, информативно-смысловой сущности он также представляет интерес для других областей научного знания.

К исследованию текста учёные подходили с позиций лингвистики и прагматики (С. Гиндин [53], М. Макаров [129], И. Сусов [190; 191], З. Тураева [194], В. Юганов [216] и др.); психолингвистики (В. Белянин [22], Н. Жинкин [76], А. Залевская [79; 80], И. Зимняя [85; 86], А. Новиков [147; 148], Л. Сахарный [168; 169]; Ю. Сорокин [186] и др.); психологии (Т. Ушакова [196] и др.). Проведено немало исследований с точки зрения смысловой структуры текста (Р. Каримова [95], С. Куликов [114], И. Севбо [171] и др.).

Обзор теоретической литературы показал, что до сих пор не существует единой трактовки термина «текст», который в силу своей сложности и многогранности имеет большое количество определений, зависящих от целей и задач исследователей, а также угла зрения, под которым он рассматривается. Проанализировав наиболее важные признаки текста как самостоятельной единицы, которые берутся за основу, например, Н. Безменовой [17], Т. Дридзе [71], З. Тураевой [194] и другими, мы можем говорить о доминировании подхода к тексту как произведению речи, коммуникативному событию, которое фиксируется либо памятью, либо письмом. При этом признается, что текст как продукт речевой деятельности и носитель информации обладает характеристиками, присущими и речевой деятельности, и информации: посредством текста осуществляется обмен мыслями (сведениями), идеями; к тексту как акту коммуникации имеют непосредственное отношение коммуниканты, которые его порождают, воспринимают и интерпретируют. Таким образом, текст можно рассматривать как единство информационного, творческого и прагматического аспектов.

В рамках данной работы мы придерживаемся точки зрения тех лингвистов, которые выделяют коммуникативное задание текста (И. Арнольд [7], Н. Пешкова [154]); его назначение, цель (М. Храпченко [206]); его прагматическую установку или цель коммуникативного акта (Г. Бубнова, Н. Гарбовский [50], Е. Ядренкина [218]) в качестве доминирующего фактора существования текста. Выделенные элементы используются для обозначения прагматического аспекта текста, в основе которого лежит коммуникативная интенция говорящего.

Проводя исследование в указанном русле, Г. Бубнова и Н. Гарбовский приходят к выводу о том, что прагматическая установка текста определяет не только тактику, но и стратегию речевого взаимодействия, подчиняя себе систему как лексических, так и экстралингвистических средств коммуникации. Соответственно, авторы признают существование закономерных корреляций между целями и условиями коммуникации и вербальными формами их

выражения, подводя нас к понятию стереотипности речевого поведения коммуникантов: «в регулярно повторяющихся условиях коммуникации при аналогии целей регулярно повторяются одни и те же речевые формы» [50: 13].

Таким образом, с одной стороны, выбор тех или иных речевых форм предопределён основной целью высказывания, а с другой – жёстко обусловлен границами жанра, в рамках которого наблюдается повторяемость определённых лексических единиц и грамматических структур.

Объектом настоящего исследования являются письма – эпистолярные тексты (ЭТ) – «концептуально, информативно и прагматически значимые речевые произведения, посредством которых осуществляется письменный контакт между адресантом и адресатом, отличающийся наличием обязательных структурно-композиционных элементов (указание адресата, места написания, даты, обращения, подписи)» [115: 5].

Письмо (ЭТ) представляет собой единицу коммуникации, отличительной чертой которой является ее письменный характер. Поэтому нам представляется необходимым прежде всего остановиться на особенностях письменной формы языка.

По мнению М. Брандес, особенность письменной речи состоит в том, что она «является опосредованной формой речевого общения, которая строится в отсутствие собеседника, поэтому она максимально развернута, в ней синтаксическая расчлененность достигает своего максимума» [29: 89]. Письменная речь – это обработанная форма языка, она может быть продумана до мельчайших деталей, при ее создании возможен возврат к ранее написанному с целью что-то исправить, переделать. По справедливому замечанию К. Долинина, письмо (письменная форма речи) снимает спонтанность: «Пишущий человек, как правило, обдумывает заранее если не всю фразу, то хотя бы ближайший ее «блок», мысленно порождает несколько вариантов и фиксирует тот, который представляется наилучшим» [69: 244].

В качестве одной из наиболее характерных особенностей письменной разновидности языка И. Гальперин выделяет функциональную направленность,

то есть ориентацию на выполнение какой-то заранее намеченной цели сообщения. Поэтому, по его мнению, письменный текст, как и всякая речь, всегда прагматичен. «Но письменный текст не всегда столь прямолинейно и непосредственно раскрывает свою целенаправленность, как это имеет место в устной речи. Интонация, мимика, жест, самый тип общения (диалог) выявляют намерения говорящего с достаточной очевидностью, в то время как в письменной речи, в особенности в определенных типах текста, это намерение еще нужно распознать, прилагая некоторые усилия и привлекая накопленный опыт анализа разных типов текста» [49: 16]. Если признаком устной разновидности языка является диалог, то для письменной его разновидности, как считает И. Гальперин, характерен монолог. Подобной позиции придерживается и М. Львов, который отмечает, что в письменной речи преобладает монологическая речь, в устной – диалогическая [126: 129].

Как диалог, так и монолог могут выражаться разными языковыми средствами. Отличительными признаками этих форм являются «соответственно для диалога разговорная лексика и фразеология, краткость, эллиптичность, недоговоренность, непоследовательность, обрывистость, иногда одновременность обмена репликами, бессоюзие, широкое использование паралингвистических средств: вокальных, кинетических и некоторых других; для монолога – литературно-книжная лексика, распространенность высказывания, законченность, логическая последовательность, синтаксическая оформленность, развернутая система связующих элементов, средства графического выявления и ряд других» [49: 17].

Диалогическая речь предполагает обмен репликами. Композиция, содержание и языковой состав диалогической речи зависят от непосредственного, чаще – немедленного восприятия. «Как правило, реплики в диалоге не обладают самостоятельностью, законченностью, другими признаками монолога. ... Весь диалог или его части могут расцениваться как единый акт речи, целый текст. Он малопонятен в отдельных репликах, может быть адекватно понят только целиком или, как минимум, в составе пары

реплик. Структура диалога – обмен репликами» [126: 128]. М. Львов приводит примеры реплик, которые могут группироваться попарно в диалоге: а) вопрос – ответ; б) добавление к первой реплике или пояснение; в) согласие или возражение; г) формы речевого этикета, например, приветствие или отклик [там же]. Каждая реплика может рассматриваться как ступень к продолжению диалога и условие его продолжения.

Эпистолярная коммуникация в данном отношении проявляет яркое своеобразие. С одной стороны, являясь письменной формой коммуникации, эпистолярный текст имеет все признаки монологического высказывания. В первую очередь – это преимущественно литературно-книжная лексика, распространенность высказывания, его законченность, логическая последовательность. В то же время эпистолярный текст обнаруживает некоторые черты диалогического общения. Во-первых, эпистолярная коммуникация предполагает обратную связь. Адресат, отвечая на письмо, становится адресантом и наоборот. Во-вторых, каждое отдельное письмо может быть рассмотрено в качестве отдельной «реплики» в цепи опосредованного во времени и пространстве диалога в рамках переписки с отдельным адресатом. В-третьих, эпистолярный текст содержит иницилирующие, а также реагирующие реплики, не обладающие самостоятельностью и смысловой законченностью, что характерно для диалогического текста. Кроме того, между отдельными письмами в рамках переписки существует тематическая преемственность.

Помимо прочего, признаком диалогического общения в тексте письма выступают средства создания «иллюзии непосредственного общения», что сближает его с устной диалогической речью. К данным средствам относятся «обрисовка ситуации написания письма, описание вероятной ситуации получения и прочтения письма адресатом, ... самооценка написанного, предвосхищение реакций собеседника и моделирование диалога» [42: 16]. С помощью подобных средств корреспонденты стремятся преодолеть дистанцию, разделяющую их.

На это обращается внимание и в работе Т. Каировой, которая, исследуя

эпистолярные памятники Франции XVIII века, отмечает, что эпистолярным текстам свойственны такие признаки, характерные для письменных текстов в целом, как информативность, целостность и структурная оформленность, однако им присущ и целый ряд характерных особенностей, одной из которых является ярко выраженное стремление к коммуникации. «Если рассматривать письмо как монолог, то наличие адресата и вызванные этим лингвистические особенности придают ему диалогическо-монологический характер» [92: 87].

Данную точку зрения подтверждают и исследования О. Кустовой, которая считает, что основной текст письма может характеризоваться различной степенью выраженности диалогических отношений, и выделяет адресантно-ориентированные письма (с большей степенью монологичности) и адресатно-ориентированные (с большей степенью диалогичности). Предпосылкой возникновения адресатно-ориентированного письма является потребность в диалоге. В адресантно-ориентированных письмах автор сосредоточен на самом себе, «его «взгляд» как бы направлен вовнутрь и ищет не партнера для беседы, но в первую очередь отражения себя» [116: 79]. Данная разновидность письма реализуется в русле автокоммуникации (термин Ю. Лотмана [123]) и отражает момент самоанализа субъекта речи.

Таким образом, переписка проявляет черты как монологического, так и диалогического высказывания. В данном случае фактически происходит нейтрализация оппозиции «диалог – монолог», что позволяет говорить об особом положении ЭТ в ряду письменных текстов. Такие типы текстов условно можно назвать «пограничными», представляющими собой своеобразный дистантный «моно-диалог», совмещающий в себе черты и письменной и устной речи.

Эпистолярному тексту – прагматико-психолого-речевому образованию, как и любому другому типу текста, присуща система текстовых категорий. По своей природе текстовые категории специфичны и в определенной степени отличны от традиционно выделяемых языковых категорий (морфологических и синтаксических), так как они возникают по мере создания текста и отражают те

качества, которые свойственны ему как продукту речи, как принципиально особому единству, отличному от других языковых явлений (З. Тураева [194: 79], В. Кухаренко [117: 75], О. Сыщиков [192: 3]).

Как отмечает З. Тураева, категории текста отражают его наиболее общие и существенные признаки и представляют собой «ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [194: 80]. Категории текста универсальны по своей природе и обнаруживаются в любом тексте независимо от языка, на котором создан текст, и от типа текста [194: 81].

По мнению В. Кухаренко, количество и состав выделяемых категорий текста не всегда совпадают в разных исследованиях. Это объясняется как разносторонностью, многофункциональностью, недостаточной изученностью объекта исследования, так и разными конечными целями его изучения, в связи с которыми высвечиваются и рассматриваются не все, а лишь определенные свойства и качества объекта [117: 79].

Среди категорий текста, наиболее часто выделяемых разными лингвистами, для ЭТ характерны следующие: связность, определяемая терминами «когезия» (внешняя спаянность частей) и «когерентность» (смысловая внутренняя преемственность отрезков текста); цельность, адресованность, открытость, законченность (Н. Арутюнова [9: 358], О. Воробьева [44: 9], Т. Воронцова [45: 154], В. Кухаренко [117, 7], З. Тураева [195, 185], Е. Шендельс [212: 9] и др.).

Вместе с тем нужно отметить еще несколько категорий, которые, на наш взгляд, являются доминантными для этого типа текста.

К таким категориям следует отнести прежде всего категорию «диалогизации». Н. Белунова, рассматривая текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в., выделяет категорию диалогизации в качестве доминантной категории ЭТ, поскольку основным назначением его, основной функцией является функция общения, имеющая двусторонний характер (адресант – адресат), что наиболее ярко проявляется в переписке [21: 20].

В отличие от диалогичности, понимаемой в широком значении как адресованность речи вообще, т.е. учет адресата в языковых особенностях высказывания, а также «как фундаментальное свойство речи вообще, всеобщий ее признак, выступающий как речевая реализация коммуникативной и познавательной функции языка» [72: 47], диалогизация представляет собой высшую степень проявления диалогичности, поскольку отражает не только ориентированность речи на адресата (адресованность), но и ее «двуначалие, проявляющееся в виде вербального ответа на письмо адресата» [21: 19-20]. При этом двуначалие проявляется и в каждом отдельном письме, что эксплицитно выражено его ритуальными эпистолярными элементами: обращением, маркирующим адресата («Ты – сфера»), и подписью, маркирующей адресанта («Я – сфера»).

Диалогизация письма (ЭТ) связана с таким признаком жанра, как наличие коммуникативно-прагматической оси «Я – ТЫ», что выражено в тексте иерархией лингвистических средств, маркирующих адресата и адресанта. Диалогизация в данной работе, вслед за Н. Белуновой, определяется «как маркированность диалогичности в письменной речи, отражающая ее двуначалие (адресант – адресат), представленное системой синтаксических адресантных средств («Я – сфера») и системой синтаксических адресатных средств («Ты – сфера»), репрезентирующих факт лично ориентированного характера общения» [21: 36]. Основными адресатными синтаксическими средствами («ТЫ – сфера»), по мнению исследователя, являются: обращения, вопросительные предложения-высказывания, побудительные предложения-высказывания, высказывания с местоимениями 2-го лица и глаголами 2-го лица, оценочные и эмоционально-оценочные адресатные высказывания и др.. Основными адресантными синтаксическими средствами («Я – сфера») являются: высказывания с личными местоимениями 1-го лица и глаголами 1-го лица, оценочные и эмоционально-оценочные адресантные высказывания и др. [21: 20-22].

Таким образом, неотъемлемым свойством ЭТ является ориентация на адресата, то есть моделирование реакций адресата автором. Данное свойство текста было детально проанализировано в докторской диссертации О. Воробьевой, обозначившей его как «адресованность». Категория адресованности определяется исследователем как «определенное свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретационной деятельности» [44: 9].

Как видно из определения, адресованность отражает не только содержательный параметр текста (его направленность на адресата). Она, как отмечает Л. Азнабаева, «оказывает влияние и на форму речи, в частности, заставляя говорящего учитывать социальные, образовательные, профессиональные, личностные и другие параметры адресата» [1: 314]. Таким образом, категория адресованности представляет собой одну из ведущих категорий текстов эпистолярного жанра, которая определяет своеобразие их содержательных, композиционных, стилистических, а также функциональных характеристик.

Разделяя мнение О. Подъяпольской, мы признаем в качестве одной из доминантных категорий ЭТ категорию имплицитности. По мнению исследователя, «наличие имплицитно выраженной информации в эпистолярном тексте является следствием интимного характера эпистолярной коммуникации и отражает установку на персонального адресата, владеющего общим с адресантом фондом знаний (пресуппозиций), позволяющим опускать известную, а следовательно, в определенной мере избыточную информацию в тексте без ущерба для адекватного понимания написанного» [156: 47-48].

Имплицитность в ЭТ достигается за счет процесса компрессии информации, который проявляется в использовании имен собственных (иногда сокращенных до одной буквы), прозвищ; в упоминании реалий, понятий без какого-либо комментирования; в наличии аллюзий; в ответах на вопросы, содержащиеся в письмах партнера по коммуникации, без цитирования данных

вопросов; в различного рода реагирующих репликах.

На уровне текста информационная компрессия выражается при помощи имплицитов. Под имплицитами О. Подъяпольская понимает «компоненты текста, содержащие свернутую информацию, вследствие расхождения между тем, что вербально выражено на поверхностном, эксплицитном уровне текста, и тем, что подразумевается имплицитно и может быть восстановлено за счет пресуппозиций» [156: 49].

По представленности смысловой информации имплициты эпистолярного текста являются «поверхностными» [143: 254], то есть легко поддаются декомпрессии (восстановлению) персональным адресатом эпистолярного текста. Имплицитная информация в данном случае как бы «лежит» на поверхности, хотя и не является прямо выраженной в эксплицитной форме. Насыщенность поверхностными имплицитами обусловлена тем, что ЭТ предназначен для определенного адресата и рассчитан, следовательно, не на многозначность, двусмысленность прочтений (как, например, художественный текст), а на однозначную интерпретацию, максимально приближенную к авторской.

Ю. Лотман, рассуждая об образе аудитории и ее влиянии на особенности построения текста, обращенного «к лично знакомому адресату, к лицу, обозначаемому ... не местоимением, а собственным именем», замечает следующее: «Объем его (адресата) памяти и характер ее заполнения нам знаком и интимно близок. В этом случае нет никакой надобности загромождать текст ненужными подробностями, уже имеющимися в памяти адресата. Для актуализации их достаточно намека» [124: 57].

Иначе говоря, важнейшим условием декомпрессии имплицитной информации, как отмечалось выше, является наличие у коммуникантов общих пресуппозиций.

Под пресуппозицией понимаются «конвенциональные знания, единые для участников коммуникации и потому не нуждающиеся в выражении, эксплицитно не выраженные, составляющие фон речевого общения и

обуславливающие понимание сообщения» [155: 119]. При этом различными учеными предпринимаются попытки описать и классифицировать отдельные стороны пресуппозиции.

Например, Л. Лисоченко, О. Лисоченко в терминах когнитивной лингвистики говорят о лингвистической, экзистенциональной и логической пресуппозициях. Лингвистическая пресуппозиция соотносится с лингвистическими знаниями (знания особенностей языковых единиц, их вовлеченности в парадигматические и синтагматические отношения, знание их стилистической принадлежности, норм лексической и синтаксической сочетаемости). Экзистенциальная пресуппозиция формируется экстралингвистическими знаниями (социальными, историческими, медицинскими, культурологическими, филологическими («литературными» знаниями), прагматическими («знания особенностей языковой личности»), социально-политическими, социально-экономическими, знаниями событий и лиц). Логическая (операциональная) пресуппозиция представляет собой побуждение пишущего, направленное в адрес языкового сознания читающего, к установлению умозаключения как обязательного условия освоения смысла текста [120: 128-142].

Выделение лингвистической, экзистенциональной, логической пресуппозиций позволяет, на наш взгляд, представить конвенциональные знания, общие для участников коммуникации, как стройную систему, апеллирование к которой в процессе восприятия текста ведет к выведению нового знания и связывает тем или иным логическим отношением эксплицитное и имплицитное.

О. Подъяпольская выделяет следующие разновидности пресуппозиций, которые представляются ей наиболее релевантными для полноценного декодирования имплицитной информации, содержащейся в ЭТ: текстовые пресуппозиции, то есть пресуппозиции, восстанавливаемые из предшествующего текста (предыдущего письма адресанта или адресата, других текстов); пресуппозиции, отождествляемые через экстралингвистические

знания, которые в зависимости от характера содержащейся в них информации могут быть подразделены на энциклопедические и бытовые. Энциклопедические пресуппозиции включают в себя знания научного, культурного и эстетического характера. Бытовые пресуппозиции – это общее знание о лицах, предметах, событиях, связанных с повседневной жизнью, о ситуации общения и т.д. При этом Л. Нефедова отмечает, что граница между двумя данными видами пресуппозиций достаточно условна и их разграничение зависит от конкретного индивида, воспринимающего сообщение, и его личного опыта [143: 71].

Набор, а также характер пресуппозиций, лежащих в основе коммуникации посредством ЭТ, как отмечает О. Подъяпольская, формируется под влиянием нескольких факторов, каждый из которых в той или иной мере определяется установкой на конкретного адресата письма. Среди данных факторов необходимо отметить следующие: 1) продолжительность знакомства адресанта и адресата (в том числе непосредственного общения корреспондентов), что, например, определяет объем общих для корреспондентов бытовых пресуппозиций; 2) роль переписки в процессе коммуникации адресанта и адресата, то есть составляет ли переписка основу общения коммуникантов или же является лишь ее частью; 3) продолжительность и регулярность переписки, что определяет преобладание в письмах текстовых пресуппозиций [156: 52-53].

Однако следует отметить, что какие бы категории текста ни выступали в качестве доминирующих, реализация их в текстовом пространстве осуществляется благодаря смысловой, коммуникативной и структурной целостности между его единицами.

Среди наиболее часто выделяемых единиц ученые называют сферхфразовое единство (СФЕ) и абзац. Определяя СФЕ как «отрезок текста, который строится из серии предложений (редко из одного предложения), связанных между собой не только логически, семантически, но и формально, лингвистически» [163: 39], большинство исследователей считают его основной

единицей членения текста на смысловые отрезки, в то время как абзац понимается как композиционно-графическая единица членения текста (Т. Сильман [174], Н. Серкова [173], Н. Зарубина [82], Н. Левковская [119], Е. Реферовская [163], О. Таюпова [193]).

Например, Н. Зарубина, а также Н. Левковская, Е. Реферовская принципиально разграничивают СФЕ и абзац, полагая, что СФЕ содержит высказывание, образующее ограниченную микротему, а абзац, напротив, лишен данного признака. Н. Левковская указывает, что «СФЕ является единицей объективного членения, в основе которого заложена прагматическая установка текста. Поэтому оно в первую очередь характеризуется смысловой завершенностью, которая играет в СФЕ первостепенную роль, в то время как абзац является единицей субъективного членения текста, ... в результате абзац не всегда ... характеризуется смысловой завершенностью» [119: 75]. Таким образом, две единицы членения текста дифференцируются по смысловому критерию.

В некоторых случаях границы СФЕ и абзаца могут совпадать, как справедливо отмечает Е. Реферовская, «границы СФЕ и абзаца совпадают в тех случаях, когда объективному членению текста на отдельные микротемы отвечает субъективное отношение автора к содержанию создаваемого им текста, когда он хочет подчеркнуть ту или иную деталь, или, наоборот, соединить воедино два или более отдельных высказываний, каждое из которых обладает определенной законченностью» [163: 50].

Такое членение текста, при котором совпадают границы СФЕ и абзаца, по мнению исследователей, является нормативным для научных и официально-деловых текстов.

В качестве основной структурной единицы ЭТ целесообразно, на наш взгляд, рассматривать СФЕ, так как оно вычленяется из текста и семантически, и формально. Исходя из этого, нужно отметить, что для ЭТ характерна наибольшая частотность использования двучленных СФЕ (без концовки или зачина). Это объясняется особенностями эпистолярного жанра:

прерывистостью мысли, переходом от одной темы к другой, стремлением автора довести до адресата наиболее полно различную информацию, индивидуальным стилем автора письма, – которые влияют на структуру СФЕ в ЭТ. Показательными в этом отношении могут быть письма, соотносимые с разговорным и публицистическим стилями: здесь СФЕ более разнообразны по структуре, чем в письмах, соотносимых с официально-деловым стилем и научным, где границы СФЕ и текста нередко совпадают и часто имеют трехчленную композицию.

Исследуя структуру ЭТ, нельзя обойти вопрос об их композиции, так как при анализе писем многие исследователи обращаются именно к этому понятию. Например, А. Акишина и Н. Формановская предложили выделять три композиционные части письма: 1) зачин (обращение, приветствие); 2) информационная часть; 3) концовка (прощание) [3: 3].

Вместе с тем, авторами отмечается, что наполняемость семантических частей зависит от типа письма и его соотнесенности с определенным стилем.

Анализ каждого конкретного речевого объекта предусматривает наличие выполняемых им функций, которые наряду с другими параметрами отражают сущность явления.

Исходя из общепризнанного определения функции языка как роли (употребления, назначения) языка в человеческом обществе, мы в свою очередь считаем, что функциональное своеобразие ЭТ детерминируется назначением письма как специфической формы коммуникации, служащей заменой устного общения разделенных во времени и пространстве коммуникантов, а также прагматической установкой автора (целеустановкой) и сферой использования.

Ведущей функцией ЭТ, на наш взгляд, является коммуникативная функция, в рамках которой реализуются фатическая функция (функция установления, поддержания, прекращения контакта), информативная функция (функция передачи информации), а также апеллятивная функция (функция воздействия).

На каждую из перечисленных функций, в зависимости от прагматической

установки адресанта и сферы использования, в свою очередь, могут «наслаиваться» эмоциональная (функция выражения чувств говорящего), оценочная (функция оценки), эстетическая (функция обращения к эстетическому чувству), этикетная (функция отражения и реализации речевого этикета). Иными словами, любое речевое действие, обладающее той или иной целеустановкой (например, сообщение какой-либо информации), может сопровождаться оценкой (явно или неявно выраженной, эмоциональной или рациональной) через обращение к эстетическому чувству адресата, а также путем следования определенным этикетным правилам оформления высказывания. Рассмотрим вышеперечисленные функции письма несколько подробнее.

Фатическая функция связана с установлением, поддержанием или с прекращением контакта с адресатом. Существенная роль в реализации этой функции принадлежит обращениям и подписям.

Суть информативной функции, как отмечает К. Бринкер, состоит в следующем: «отправитель дает получателю понять, что он хочет передать ему какое-то знание, сообщить какую-то информацию» [220: 108]. Эксплицитно информативная функция может быть выражена в эпистолярном тексте при помощи перформативных формул с глаголами «сообщать», «информировать», «рассказывать», «извещать» и т. д.

ЭТ выполняет апеллятивную функцию, если отправитель дает получателю понять, что он хочет сформировать у него определенную точку зрения относительно какого-либо вопроса, подвигнуть его к совершению какого-либо вербального или невербального действия или запросить какую-либо информацию. К основным средствам апелляции в ЭТ относятся глаголы в форме повелительного наклонения, конструкции с модальными, перформативными глаголами, субстантивные конструкции с семантикой побуждения, вопросительные и побудительные предложения, а также несобственно-побудительные высказывания, апеллятивный характер которых восстанавливается из контекста.

Функция оценки проявляется в выражении отношения субъекта речи к предметно-логическому содержанию высказывания. Она реализуется в ЭТ разнообразными средствами. Это и различные предикаты мнения, оценочные прилагательные и причастия, то есть лексика, выражающая высшую степень отрицательной или положительной оценки, слова-интенсификаторы, усиливающие уже названное другим словом качество, а также подчеркивающие эмоциональный аспект оценочного отношения субъекта речи к содержанию своего высказывания.

Проявление эмотивной функции в ЭТ связано с отражением в тексте чувств и эмоций адресанта. Эпистолярный текст является примером одного из наиболее эмоционально насыщенных текстов. Эмотивная функция реализуется при помощи междометий и междометных слов, эмоционально окрашенной лексики, многочисленных синтаксических средств отражения эмоциональности высказывания (коротких, напряженных эмоциональных предложений, риторических вопросов и восклицаний, эмоциональных повторов, синтаксически выраженной эмфазой), повествовательно-восклицательных предложений.

Эстетическая функция – это установка говорящего на сам знак, обращение автора к эстетическому чувству адресата. В данном случае понятие «адресат» должно включать и самого адресанта, так как эстетическая функция свойственна высказыванию не только в процессе коммуникации с адресатом, но и в процессе коммуникации с самим собой. Эстетическое воздействие достигается в первую очередь использованием различного рода образных средства языка, игры слов, средств создания иронии, лексико-синтаксическими повторами. В ЭТ, принадлежащем перу выдающегося писателя, эстетическая функция проявляется наиболее ярко, что связано с высокой культурой владения словом, а также творческой натурой адресанта.

Говоря об этикетной функции ЭТ, нужно отметить, что понятие этикета является достаточно широким и включает как установившийся в обществе свод правил поведения вообще, так и определенные правила речевого поведения

(речевой этикет). В данном случае мы рассматриваем именно речевой этикет, так как имеем дело с речевой деятельностью.

Н. Формановская речевой этикет определяет как «систему устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга» [200: 413]. Как видно из определения, этикетная функция тесно взаимодействует с фатической, а также оценочной в смысле характеристики социально-ролевого статуса адресата посредством отбора стереотипных, устойчивых речевых формул.

Как отмечает Т. Каирова, этикетность, в большой мере свойственна ЭТ и обусловлена психологическими законами общения: автор письма вынужден думать не только о том, что сказать, но и том, как это будет сказано, чтобы создать благоприятные условия для развития переписки [92: 30].

Этикетная функция ЭТ реализуется в традиционном композиционном построении ЭТ, а также в выборе определенных устойчивых речевых формул, при помощи которых организуется и оформляется эпистолярная коммуникация: в этикетных адресных формулах, в формулах приветствия, в обращениях к адресату (в том числе при помощи «ты» или «Вы» – форм обращения), в своеобразных скрепах-клише, сигнализирующих о переходе от одной темы к другой, в этикетных формулах выражения просьбы, совета, благодарности, извинения, пожелания, поздравления, комплимента, в формулах прощания, подписи адресата и т. д., отбираемых адресантом в соответствии с коммуникативным статусом адресата, а также ситуацией общения.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что многие функции ЭТ тесно переплетены друг с другом и реализуются в письме совместно, что демонстрирует отличительное качество данной разновидности текста, а именно – его полифункциональность.

В рамках данной работы ЭТ рассматривается как единица коммуникации, используемая в различных сферах общения. Вследствие этого на основные

функции ЭТ могут наслаиваться дополнительные функции, которые актуализируются в письме в зависимости от сферы общения (деловой, научной, бытовой и т.д.), коммуникативной целеустановки и характера отношений коммуникантов.

Изучение текста с таких позиций, то есть смещение методов его исследования от внутрисистемного описания к анализу условий его функционирования в ситуации реальной коммуникации, характеризует одно из современных направлений науки о тексте, представленное в рамках теории коммуникации.

Процесс общения практически всегда несёт на себе отпечаток той экстралингвистической среды, для реализации нужд и целей которой он осуществляется, а следовательно, его актуализация невозможна без взаимного участия двух сторон – лингвистической и социальной. Так, например, А. Зиновьева отрицает существование изолированных текстов или высказываний, созданных вне коммуникативного контекста [87: 32].

Такой подход, при котором письмо (ЭТ) изучается в качестве единицы коммуникации с учетом особенностей ситуативного контекста, позволяет рассматривать ЭТ как дискурс, то есть как речевое высказывание, предполагающее автора, адресата, а также наличие у первого намерения повлиять на второго с помощью речевых средств [125, 33].

В рамках данной работы, вслед за Н. Арутюновой, дискурс определяется нами как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [8: 136-137].

Исходя из определения, трактовка эпистолярия как дискурса видится вполне обоснованной:

- ЭТ отличается прямой установкой на коммуникацию, диалог;

- смысловое развертывание ЭТ зависит от экстралингвистических условий общения:
 - фактора адресованности конкретному лицу;
 - замысла автора;
 - тематического содержания;
 - ситуативного контекста (конкретная ситуация, сфера общения);
 - пресуппозиции.

Характер, тон и содержание письма определяются изложением фактов объективной действительности. Факты объективной реальности могут быть определенным образом сгруппированы в модели дискурсных ситуаций. По мнению Т.А. ван Дейка, «ситуационные модели создают базу эпизодического знания для понимания дискурса. ... люди, слушая и читая дискурс, не только конструируют его смысл в виде базы текста, но и создают или извлекают из памяти модель, репрезентирующую то, что они думают относительно ситуации, которой посвящен дискурс» [34: 88]. Так, И. Сусов, считая необходимым учет личностных факторов в дискурсивных стратегиях и тактиках, отмечает, что «структуры дискурса соотнесены со структурами деятельности и структурами сознания», которые, несомненно, обусловлены экстралингвистическими факторами [190: 10].

Исходя из основных положений Т.А. ван Дейка, относительно ситуационных моделей, Е. Шапа также развивает идею о зависимости дискурса от ситуационного контекста и выдвигает гипотезу о существовании неких моделей дискурса, которые рассматриваются в качестве базовых структур для реализации когнитивной деятельности индивида. По справедливому замечанию ученого, «в процессе развертки дискурса выполняется одновременно обработка и сличение общих и частных когнитивных моделей на основе анализа поступающей по различным каналам полной или частичной информации. Характер взаимодействия частных и общих когнитивных моделей проявляется в гибкой взаимосвязи внешнеречевых систем текста (морфологических, синтаксических и лексических), контекстуальной информации, типов

социальных ситуаций и различных форм представления знаний» [209: 6]. Соответственно, если дискурс выступает как единство лингвистических и экстралингвистических знаков, а когнитивная модель служит основой субъективного членения коммуникантами окружающей действительности, то фиксацию всех вышеупомянутых знаков в пределах когнитивных моделей коммуникантов осуществляют стратегии дискурса. Коммуникативная стратегия представляет собой ядро дискурса, поскольку она отражает иллокутивные силы сообщения.

К исследованию коммуникативной стратегии в эпистолярной литературе обращается в своей докторской диссертации Н. Ковалева, определяя ее как «целеустановку сообщения, которую автор через текст письма передает своему читателю» и выделяет в ней «лингвистические параметры (речевая структура, лексико-семантические и грамматические средства, стилистические коннотации) и экстралингвистические параметры (иллокуции автора, факты действительности, типы ситуативных сообщений и режиссура автора письма, то есть организация фактов действительности в художественную систему)» [103: 186].

Таким образом, эпистолярный дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее и сам текст письма, и его экстралингвистические факторы: знания о мире, мнения, цели, интенции, необходимые для понимания текста, типы ситуаций и др.

Как уже говорилось выше, письма отражают личностный взгляд автора на общественную жизнь в различных ее проявлениях, а также характерные для определенной эпохи способы организации и использования языкового материала, следовательно, они являются значимым источником для реконструкции языковой личности (ЯЛ) того или иного автора. Эта мысль подтверждается современными исследованиями зарубежных и украинских ученых. Например, в докторской диссертации И. Синицы, посвященной языковой личности автора научно-гуманитарных текстов XIX в., как источник для анализа используются и письма научно-гуманитарного содержания [175].

О. Подъяпольская, характеризуя истоки адресованности в произведениях Ф. Кафки, обращается к характеристике его языковой личности по его письмам, поскольку именно в письмах, особенно к близким людям, проявляются наиболее естественные ее черты [156]. А. Загнитко, указывая, что для анализа языковой личности «особливо актуальним є студіювання практик епістолярного дискурсу, якому властива максимальна насиченість індивідуально виявленими смислами, замкнутістю на певного адресата» [78: 59], исследует фрагмент эпистолярия Ю. Шевелева и устанавливает основные коммуникативные стратегии и тактики адресанта в рамках лингвоиндивидуаций и лингвоиндивидуализаций. Таким образом, именно по письмам, как и по другим разновидностям эго-текстов, подробно охарактеризованных Т. Космедой в ее работе «Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу» [111], реконструируются такие фрагменты языковой личности, которые, будучи непроявленными в «открытых» текстах, текстах для всех, существенно дополняют целостное представление об их авторе и его языковой личности.

История понятия «языковая личность» восходит еще к работам Л. Вайсбергера в зарубежной лингвистике, продолжается разработками В. Виноградова о личности автора и личности персонажа [40; 41] в отечественном языкознании. Сам же термин «языковая личность» был впервые определен Г. Богиным, который подразумевал под ним человека «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [133: 18], а в активный научный обиход введен Ю. Карауловым [94], который подразумевал под ЯЛ совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им языковых произведений (текстов) [94: 27-29]. В структуре ЯЛ ученый выделяет 3 уровня: вербально-семантический (степень владения быденным языком); уровень, содержащий иерархию ценностей, единицы которого – понятия, идеи, концепты – формируют ту или иную картину мира индивида; прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки.

Наполнение этих уровней варьируется от одной личности к другой и зависит от множества факторов, определяющих индивидуальность каждой ЯЛ. В украинской лингвистике в структуре ЯЛ выделяют дополнительные уровни: лингвокультурологический, этнолингвистический и лингвоэмоциональный [78: 58-60], [111: 23-38], [175: 54-56], – которые учитываются в большей или меньшей степени при характеристике каждой отдельной ЯЛ и при разработке модели национальной ЯЛ. В нашей работе, придерживаясь приведенного выше определения, мы охарактеризуем лишь фрагмент ЯЛ М.А. Максимовича по его эпистолярно, основываясь на анализе использованных им способов оформления эпистолярного дискурса и языковых средств его наполнения.

Осмысление понятия эпистолярный дискурс также связано с проблемой определения стилистического статуса ЭТ в системе функционально-стилистических отношений, которой посвящен следующий параграф.

1.2. Эпистолярный в системе функционально-стилистических отношений

Проблема определения места эпистолярно в системе функционально-стилистических отношений возникла давно и привлекала многих исследователей (Л. Кецба [100; 101], Е. Елина [73], А. Григорьева [59], О. Седова [170], Н. Гайнуллина [46], Л. Нижникова [144, 145], С. Комарова [108], Н. Белунова [18; 19; 20; 21], Н. Ковалева [103], Э. Ветрова [38], О. Братанич [31] и др.). Несмотря на это, обращает на себя внимание отсутствие специальных теоретических исследований по эпистолярной проблематике, а отсюда и отсутствие у лингвистов единого взгляда по данному вопросу.

Проанализируем и систематизируем взгляды разных исследователей на определение стилистического статуса эпистолярно в системе функциональных стилей, а также на основании собственных наблюдений докажем правомерность отнесения частной переписки к эпистолярно жанру.

В современной лингвистике сложилось четыре подхода к решению вопроса о стилистическом статусе эпистолярно:

1. Представители первого направления: Л. Щерба [215], Ш. Балли [13], А. Ефимов [74], Л. Кецба [100], А. Григорьева [59], О. Седова [170], С. Антоненко [6], О. Рогоза [165], А. Найрулин [139], Л. Мацько [136], Э. Ветрова [38], О. Братанич [31] и др. – переписку трактуют как эпистолярный стиль.

2. Представители второго направления: Е. Земская [84], Е. Елина [73], О. Сиротинина [178], Д. Розенталь [166], М. Кожина [107] и др. – квалифицируют переписку как явление разговорного стиля.

3. Представители третьего направления: А. Гвоздев [52], И. Гальперин [48], Т. Зорина [89], О. Цыцарина [207], Н. Гайнуллина [46], Л. Нижникова [145], Е. Виноградова [42], Н. Белунова [21], О. Лаптева [118] и др. – соотносят феномен эпистолярия с понятием жанра как разновидности того или иного функционального стиля.

4. Представители четвертого направления: Н. Степанов [187], Е. Прохоров [159], О. Билецкая [24], С. Комарова [108], Н. Павлик [151] и др. – переписку рассматривают как синтез (соединение) различных функциональных стилей.

Трактовка эпистолярного стиля в качестве отдельного функционального стиля нам представляется неубедительной. В русской лингвистической литературе функциональный принцип выделения стилей был сформулирован Л. Щербой, который писал о том, что каждая разновидность речи «вызывается функциональной целесообразностью. Различия между этими разновидностями литературного языка определяются... их разной функциональной направленностью» [215: 21]. В соответствии с этим В. Виноградовым стиль понимается как «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [41: 73].

В настоящее время многие исследователи (М. Кожина [107], Н. Валгина [32] и др.) в основу классификации функциональных стилей кладут экстралингвистические факторы: сфера общения (сфера общественной деятельности), содержание, функция, цели, ситуация общения. При этом главным фактором в иерархической цепочке названных экстралингвистических факторов, по общему мнению, является сфера общественной деятельности. Именно в зависимости от того, какую сферу общественной деятельности обслуживает язык, вырабатывается та совокупность приемов отбора, сочетания языковых средств, которая осознается носителями языка как функциональный стиль и которая обеспечивает коммуникацию наилучшим образом. Вместе с тем соотношение функциональных стилей со сферами общественной деятельности обуславливает также тематическую ограниченность каждого стиля. На это обстоятельство указывает, в частности, и О. Сиротинина: «Использование каждого функционального стиля тематически ограничено» [179: 24]. Например, научный стиль ограничен научной проблематикой.

Эпистолярный же имеет настолько многообразную речевую реализацию (частная – дружеская и интимная переписка; коммерческая переписка, то есть письма как официальные документы делового общения фирм или частных лиц и пр.), что не позволяет, на наш взгляд, говорить о его тематической ограниченности.

Весьма убедительным в этом отношении представляется утверждение Н. Степанова о том, что «дружеское письмо редко бывает построено на однообразном материале, обычно в нем мозаика, пестрота разных тем, пластов материала и стиля» [187: 85]. Аналогичное мнение высказывает в своей работе и О. Билецкая. Она считает, что тематическое и стилистическое разнообразие исключает возможность отнесения писем к одной типологической единице. Неоднородность письма послужила поводом к тому, что эпистолярный стиль стал рассматриваться как более комплексное явление, вплоть до приписывания ему статуса функционального стиля. Однако последняя точка зрения, по мнению О. Билецкой, является ошибочной [24: 95]. Это замечание

исследователя представляется нам весьма существенным. Действительно, само понятие «функциональный стиль» возникло, как известно, благодаря действию фактора устойчивости. Однако следует отметить, что для современного этапа развития литературного языка характерны две тенденции, которые, по мнению Г.Я. Солганика, определяют статус и развитие современного русского литературного языка: с одной стороны, функционально-стилевое расслоение, дифференциация литературного языка, формирование относительно замкнутых систем средств выражения, с другой стороны, противоположно направленный процесс взаимодействия функциональных стилей, выражающийся в создании новых стилистических объединений (видов литературы и жанров) или в регулярном использовании единиц того или иного стиля в качестве маркированных в рамках другого стиля. Оба процесса диалектически взаимосвязаны (дифференциация предполагает последующий синтез, объединение) и определяют характер функционирования и развития современного литературного языка. При этом, если функционально-стилевое расслоение полностью принадлежит настоящему, то процесс синтеза, имея своим истоком современное состояние языка, только начинает развиваться [185: 153].

Похожие явления выделяет Н. Разинкина, рассматривающая функциональный стиль с точки зрения вариативных процессов, протекающих в нем. Исследователь указывает на наличие центростремительных и центробежных сил, обуславливающих постоянную динамику в развитии функционального стиля и позволяющих говорить о закономерностях языкового отбора, а не о явлениях, раз и навсегда данных [161: 114]. Вместе с тем исследователь отмечает, что функциональные стили, находясь в «живом соотношении и взаимодействии», являются одновременно и «сложными саморегулирующимися системами», сущность которых заключается в «поддержании – в допустимых пределах – параметров, являющихся существенно важными для сохранения той или иной системы» [161: 115]. В случае превышения «допустимых пределов» (а именно об этом свидетельствует

такая черта эпистолярного стиля, как «максимальная степень проницаемости», выделяемая Л. Кецбой [101: 169]), подобная относительно устойчивая система, какой является функциональный стиль, лишается своего стилевого статуса.

В лингвистической литературе встречаются также случаи классификации функциональных стилей в соответствии с функциями языка: общение, сообщение и воздействие (В. Виноградов [41: 6-7], Д. Розенталь [166: 21] и др.). Так, функция общения характеризует разговорный стиль, функция сообщения – научный и официально-деловой, функция воздействия – публицистический и художественный стили. Однако условность подобного разделения очевидна: в речевой практике данные функции перекрещиваются и взаимодействуют друг с другом, в результате чего конкретный текст выполняет, как правило, не одну, а несколько функций. При этом одной из характерных черт частного письма, как было указано в предыдущем параграфе, является полифункциональность.

Л. Кецба считает целесообразным выделить эпистолярный стиль в системе функциональных стилей на основании функции контакта (общения) как главного экстралингвистического фактора [101: 168]. Такой подход представляется нам неубедительным, так как, во-первых, при классификации функциональных стилей функция не рассматривается лингвистами как главный экстралингвистический фактор; во-вторых, частному письму, как отмечалось выше, присуща полифункциональность.

О. Седова указывает, что эпистолярный стиль может быть выделен в сфере личностной коммуникации с опорой на самосознание личности как одну из ступеней формирования общественного самосознания и определяет его в связи с параметрами акта коммуникации: вид отправителя, вид получателя, тип контакта, тема текста, отношение к контакту, функции [170: 58]. При этом отмечается, что как отправитель, так и адресат являются конкретными индивидуальными субъектами (или группой субъектов). Акт коммуникации осуществляется в условиях личного косвенного контакта.

На наш взгляд, критерии выделения эпистолярного стиля, предлагаемые О. Седовой, в большей мере соответствуют пониманию жанра, если последний

рассматривать не как разновидность функционального стиля, а несколько с иных позиций.

Л. Щерба, Ш. Балли не дают комментариев к выделению эпистолярного стиля. Так, Л. Щерба выделяет в качестве разновидности современного литературного языка также эпистолярные стили, характерные для различной переписки, дневников, писем [215: 21], а также отмечает наличие «множества вариантов у эпистолярного стиля в зависимости от социальных взаимоотношений корреспондентов» [215: 22]. Ш. Балли придает изучению эпистолярного стиля социолингвистическую значимость, указывая на важность различий в среде, к которой принадлежат отправитель и адресат сообщения: «Эпистолярный стиль ... лишний раз показывает, насколько двусмысленным является термин «письменная речь»; то, что письмо пишется, а не «говорится», не имеет решающего значения; главным фактором является среда, к которой принадлежит как отправитель, так и адресат» [13: 260]. Однако само понятие «эпистолярный стиль» остается нераскрытым в силу отсутствия убедительных лингвостилистических доказательств в пользу выделения переписки в самостоятельный функциональный стиль.

Точка зрения представителей второго направления, относящих переписку к разговорному стилю, на наш взгляд, также не совсем убедительна и, очевидно, может быть оправдана лишь по отношению к бытовым письмам.

Д. Розенталь, О. Сиротинина относят бытовые письма именно к разговорному стилю. С точки зрения Д. Розенталя, разговорный стиль находит свое выражение в письменной форме (реплики персонажей в пьесах, в отдельных жанрах художественной и публицистической литературы, записи в дневниках, тексты писем на разговорные темы) [166: 63]. Для О. Сиротининой бытовая переписка является письменной формой разговорного стиля, что позволяет говорить об эпистолярности в рамках разговорного стиля [178: 136].

Все лингвисты, занимающиеся проблемами разговорной речи и функциональных стилей, разграничивают звучащую и фиксированную формы

речи, а также указывают на разницу в их языковом воплощении (И. Гальперин [48: 27-28], О. Сиротинина [177: 378-381], О. Лаптева [118: 124] и др.).

Так, Т. Винокур, исследуя связь устной и письменной речи, отмечает, что для функционально-стилистических разновидностей одна из форм (устная или письменная) всегда является наиболее характерной, органичной, естественной. «И в этом смысле, например, для разговорной речи, безусловно, устная форма реализации – первичная, а письменная вторичная, отраженная, воспроизведенная...». Далее исследователь обращает внимание на то, что при передаче в частном письме разговора «несомненно, скажется желание пишущего быть лаконичнее и точнее, то есть сократится избыточная тавтология, может быть, исчезнет какая-то часть модальных оттенков, смягчится интонационно-синтаксическое дробление» [43: 15].

Разделяя мнение Т. Винокур о вторичности письменной формы разговорной речи, представленной в письме, мы также признаем, что письмо обладает некоторыми параметрами разговорности: непринужденностью, ситуативностью, которые при фиксации видоизменяются.

Вместе с тем, письменная форма речи, опосредованность общения являются в данном случае весьма существенными признаками, отличающими письмо от разговорной речи, для которой главными, определяющими факторами, по мнению большинства исследователей (Е. Земская [84: 17], О. Сиротинина [179: 18-19], О.А. Лаптева [118: 224-227] и др.), является устная форма речи и непосредственность общения.

Важное значение здесь имеет также социальный статус корреспондентов, обладающих разным уровнем речевой и эпистолярной культуры, и в разной степени проявляющих творческое начало в отношении к языку. Поэтому для письма характерен отбор языкового материала, организация эпистолярного текста в целом с ориентацией на определенного адресата. На нецелесообразность отнесения частных писем к разговорному стилю и разговорной речи указывает в своей работе Л. Нижникова, отмечая, что «... тематическая, стилевая, языковая неоднородность частных писем ...

свидетельствует о сложной природе частного письма, о невозможности рассмотрения всего массива частных писем в рамках разговорно-бытовой речи» [145: 9]. Следовательно, отнесение переписки к разговорному стилю или разговорной речи не вполне оправданно, и в данном случае можно говорить лишь об их интерференции.

Точка зрения представителей третьего направления, соотносящих переписку с понятием жанра как разновидности того или иного функционального стиля, может быть приемлема, по нашему мнению, лишь частично. Мы согласны с мнением Н. Белуновой, которая считает, что определенные типы писем можно рассматривать как жанр соответствующего функционального стиля, если учесть, что в различных типах писем актуализируются разные системы языка [21: 79]. Исходя из этого, исследователь отмечает, что «целесообразно рассматривать деловые письма как жанр официально-делового стиля, публицистические (письма в редакции газет) – как жанр публицистического стиля, художественные письма – как жанр художественной литературы, переписку ученых – как профессионально ориентированное письмо, то есть как жанр научного стиля; бытовые письма – как жанр разговорного стиля» [21: 80]. Основанием для выделения вышеперечисленных жанров являются те же экстралингвистические факторы, что и при классификации функциональных стилей, то есть в первую очередь – сфера общения.

Однако не все типы писем могут быть однозначно отнесены к определенному функциональному стилю. В связи с этим представители четвертого направления, рассматривающие разновидности частного письма, отмечают, что в стилистическом отношении данный вид эпистолярия представляет собой синтез нескольких функциональных стилей. Данный факт обусловлен политематичностью и полифункциональностью письма.

Так, О. Билецкая отмечает, что функционально-коммуникативная универсальность письма позволяет ему одновременно выполнять функции разных сфер общественной коммуникации, то есть выступать в качестве

синтетического или синкретического типа текста. Синтетические письма, по ее мнению, особенно характерны для корреспонденции выдающихся личностей: ученых, писателей, общественных деятелей [24: 96].

Наиболее радикально выглядит точка зрения Н. Степанова, утверждающего, что «ни конструкция, ни стиль письма не развивается в пределах какого-то одного ряда. Письмо живет чужими рядами, потому в пределах «эпистолярного жанра и стиля» часто имеем существование различных стилей и жанров» [187: 77].

Однако понимание жанра как разновидности функционального стиля является не единственно возможным. В контексте рассуждений о жанре обоснованным будет обращение к понятию речевого жанра как реальности языкового общения, получившему первоначальное обоснование в трудах М. Бахтина. В своей работе «Проблема речевых жанров» ученый определяет данное понятие следующим образом: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои устойчивые типы высказываний, которые мы называем речевыми жанрами» [15: 237]. Исследователь выделяет «первичные (простые) речевые жанры» и «вторичные (сложные) речевые жанры», которые «в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [15: 239]. Стиль (функциональный) М. Бахтин рассматривает в рамках жанра, так как считает, что языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определенные стили [15: 241].

Речевой жанр, в понимании М. Бахтина, не просто тип однородных (или одновидовых) речевых высказываний (устных или письменных), а реплика, целое высказывание в диалоге (даже когда имеется в виду роман, драма и т.д.). Таким образом, речевой жанр в аспекте речевого общения предстает как факт

социального взаимодействия людей, а не просто как речевые действия говорящих [15: 246-250].

Вместе с тем, необходимо отметить, что понятие речевого жанра как «относительно устойчивого типа высказывания» трактуется М. Бахтиным достаточно широко. К высказываниям относятся как реплики диалога, так и целые тексты [15: 237-238]. Такая трактовка жанра допускает двойное понимание термина: речевой жанр – типовая разновидность текстов (рассказ, письмо, роман) и речевой жанр – ситуативно-типовое высказывание (поговорка, реплика бытового диалога, военная команда, вопрос). На это обстоятельство указывает и Т. Матвеева, отмечая, что эта двойственность закрепляется в сфере языкознания: в литературоведении, теоретической журналистике жанр трактуется как класс текстов; в лингвистике жанр понимается то как типовое представление речевого акта, то как более крупная единица, чем речевой акт [134: 65].

В данном случае вполне правомерными, по нашему мнению, представляются размышления Т. Шмелевой, подчеркивающей, что «речевой жанр – это не текст, хотя в огромном количестве случаев жанр реализуется в тексте. Один и тот же жанр может быть воплощен в множестве текстов, а может, например, частично в словесном тексте, а частично паралингвистическими средствами (посмотрел умоляющим взглядом, отрицательно покачал головой, согласно кивнул)» [214: 60]. М. Федосюк обращает внимание на то, что «высказывание у М. Бахтина – это не некий речевой эквивалент предложения, а основная единица общения, обладающая смысловой завершенностью и отграниченная от других таких же единиц сменой субъектов речи» [198: 73]. При этом речевые жанры квалифицируются исследователем как относительно устойчивые, тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов (или, иначе, речевых произведений) [198: 75].

В коммуникативной перспективе речевые жанры, по мнению Ф. Бацевича, предстают как «закрепленные в общественном обращении схемы

речевых действий, принятые в определенных ситуациях и предназначенные для передачи определенного содержания типичные способы построения речи, модели межличностного общения, важной составляющей частью которых выступает интенциональность» [16: 30]. Рассматривая соотношение понятий дискурс и речевой жанр, исследователь отмечает, что «дискурс – это не просто совокупность речевых жанров, которые последовательно сменяют друг друга. На самом деле процесс коммуникации в пределах дискурса намного сложнее, что обусловлено следующими причинами: 1) границы между речевыми жанрами в реальном общении оказываются размытыми, а их ядерные и периферийные языковые средства далеки от полного описания; 2) четко отдельные друг от друга речевые жанры существуют только как идеальные типы, на самом деле они пересекаются своими периферийными зонами, то есть имеют смешанный характер; 3) механизмы перехода от одного речевого жанра к другому в реальном общении, где присущи сложные взаимодействия коммуникантов, детально не изучены» [16: 30].

Исследователи, связывающие понимание речевого жанра с речевым актом, в то же время подчеркивают их неидентичность.

Так, Т. Шмелева выделяет три фактора, свидетельствующие о различии данных понятий: во-первых, некоторые речевые акты не воплощаются в речевых жанрах (повтор, напоминание, переспрос и др.); во-вторых, речевой акт как более элементарное понятие не может быть использован для описания и противопоставления жанров одноактных и многоактных (например, беседа, ссора, спор и др.); наконец, теория речевых актов демонстрирует в отечественной русистике преимущественно внимание не к языковому воплощению различных речевых актов, а к семантике и, соответственно, проблемам толкования предикатов, их описывающих, то есть к метаязыковому аспекту, важному, но не исчерпывающему его [214: 59-60].

Ф. Бацевич отмечает, что наблюдения над коммуникативной организацией дискурсов и речевых жанров показывают, что «речевые акты выступают как собственно «иллокутивные силы», коммуникативные,

«энергетически-импульсные» имплицитные составляющие речевых жанров, которые продвигают последние в направлении развертывания коммуникативной стратегии говорящего, задавая ей определенную «траекторию». Говоря другими словами, речевой акт – это коммуникативный центр формальных составляющих речевого жанра, то есть тех фраз и их частей, которые представляют речевой жанр в пределах дискурса» [16: 31].

Исходя из вышеизложенного, нужно отметить, что в современной литературе, посвященной проблеме речевых жанров, еще не выработано единое понимание данного феномена, не принята единая типология речевых жанров, не решен вопрос о том, что является базовой единицей речи – речевой жанр или речевой акт (Н. Арутюнова [10], А. Вежбицкая [36], В. Дементьев [64], А. Демешкина [66], Л. Федорова [199] и др.).

Помимо вышеперечисленных подходов к определению понятия «жанр», существует также и третий, который рассматривает жанр как жанр текста, то есть как тип текста (Н. Бабенко [12], Н. Белунова [21], К. Долинин [69], А. Швейцер [210] и др.). Так, например, А. Швейцер оперирует понятием «жанр текста» («Textsorte»), заимствованным у немецких ученых К. Раиса и Х. Фермеера. «Жанр текста (Textsorte) – это класс вербальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникативных контекстах» [210: 37]. Н. Бабенко отмечает, что «теория жанров текста ... строится, прежде всего, на прагматических принципах. В комплексе признаков ведущими являются характер ситуации и коммуникативное намерение: определенное намерение должно реализоваться при определенных ситуативных условиях в специфических формах текста» [12: 12]. Намерения (интенции, действия) близки по своему содержанию к функциям. Это функции информации, убеждения, воздействия и др. Кроме функциональных параметров, существенными при выделении жанров текста считаются и другие признаки: 1) признаки, связанные с адресатом (например, наличие или отсутствие адресованности); 2) признаки, связанные с адресантом (например, обращение

от своего имени или от имени группы); 3) признаки, связанные с характером сообщения (абстрактность или конкретность, эмоциональность – безэмоциональность); 4) признаки, связанные с передачей информации (письменная или устная форма, монологическая или диалогическая). Далее важны объем текста, степень конкретности/неконкретности, степень образности/безобразности; обстоятельства, сопутствующие коммуникативному процессу [68: 64-67].

Интересной в данной связи нам представляется точка зрения Г. Насыровой, которая считает, что жанровая дифференциация предполагает наличие соотношения «сфера деятельности» – «язык текста», а категория типа текста определяет «изоморфизм когнитивных моделей, прагматического контекста, семантических и языковых репрезентаций» [140: 21]. Иными словами, жанровая дифференциация связана с базисной категорией стилистики – стилем, а основой типологических исследований является доминантная модель дискурса, составляющая основу тех или иных текстов. Одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, другой – к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях.

Данное разграничение является вполне обоснованным при традиционном толковании понятия жанра, однако в рамках теории М. Бахтина оно становится неприемлемым, поскольку речевой жанр объединяет и стилевой, и прагматический, и когнитивный моменты.

Исходя из сказанного, наиболее оправданным нам видится рассмотрение эпистолярного текста в качестве речевого жанра. В данном случае мы согласны с точкой зрения Н. Ковалевой, высказанной в докторской диссертации, посвященной русскому частному письму XIX века. Эпистолярный текст рассматривается автором в аспекте жанроведения и трактуется как «жанровая форма коммуникации, которая раскрывает в своей композитной структуре речевое представление авторского замысла и целеустановок в изложении

событий, фактов, мнений, побуждений и т. д., направленных конкретному адресату» [103: 5]. Кроме того, сам разработчик теории речевых жанров М. Бахтин относил письмо «во всех его разнообразных формах» к особому самостоятельному речевому жанру [15: 238].

Отнесение эпистолярного текста к речевому жанру, на наш взгляд, может быть обосновано тем, что существенной чертой речевого жанра в процессе его функционирования в речи является, как упомянуто выше, диалогичность, связанная со взаимодействием людей в ходе речевого общения и деятельности. Диалогичность и, более того, диалогизация как высшая степень проявления диалогичности, о чем говорилось в предыдущем параграфе, являются определяющими коммуникативно-прагматическими характеристиками эпистолярных текстов. На это свойство эпистолярных текстов указывает и Н. Ковалева, отмечая, что «частное письмо отражает диалогизм коммуникации между конкретным автором и конкретным читателем (одиноким читателем или кругом читателей, единомышленников или оппонентов). Оно связано с реальной ситуацией, событиями и фактами, обладает реально существующим местом и временем и отражает объективно-субъективированное изложение предмета описания, определяемое намерением автора, его целеустановками и стремлением добиться желаемого от своего адресата» [103: 24]. Кроме того, диалог представляет собой необходимое условие существования эпистолярного текста в рамках переписки. Отсутствие ответного письма (ответной реплики) адресата прерывает эпистолярный диалог. Вышеизложенное дает основание для рассмотрения эпистолярного текста в качестве особого речевого жанра.

Актуальной в данной связи становится проблема отнесения эпистолярного текста к первичным или вторичным речевым жанрам. Являясь письменной формой коммуникации, эпистолярный текст представляет собой более сложный вид высказывания, чем, например, реплика устного диалога, и может быть тем самым отнесен ко вторичным речевым жанрам, интегрирующим первичные речевые жанры (такие как обращение, приветствие, прощание, благодарность, соболезнование, пожелание, просьба, сообщение,

дискуссия, размышление и т.д.). При этом первичные речевые жанры, интегрированные во вторичный речевой жанр – письмо, могут быть различными по цели высказывания, то есть отражать различные интенции адресанта и выполнять, следовательно, различные функции, что детерминирует такие свойства письма, как полииллокутивность и полифункциональность. Полииллокутивность, в свою очередь, дает свободу тематическому разнообразию, а также стилистическим вариациям, обуславливая тематическую и стилистическую неоднородность письма как вторичной речевой формы.

Перечисленные признаки эпистолярного текста как вторичного речевого жанра несколько противоречат трактовке М. Бахтиным понятия «речевой жанр» как целостного единства тематического содержания, стиля и композиционного построения. Однако эти противоречия, на наш взгляд, могут быть оправданы, если принять во внимание то, что концепция М. Бахтина лишь наметила основные проблемы исследования речевых жанров и в достаточно общем виде определила данное понятие, которое должно быть уточнено. Кроме того, вторичные речевые жанры, интегрируя первичные речевые жанры и представляя собой, таким образом, синтезированный продукт, по-видимому, не могут в полной мере обладать вышеперечисленными качествами (единством тематического содержания, стиля и композиционного построения). Вместе с тем, в рамках речевого жанра «письмо» могут быть выделены определенные разновидности, обладающие единством тематического, композиционного и стилистического компонентов в наиболее обобщенном виде.

Таким образом, отнесение эпистолярного текста к эпистолярному жанру возможно при понимании жанра в значении речевого жанра, при этом письмо определяется нами как сложное речевое высказывание, в котором в зависимости от сферы использования, коммуникативных установок автора, социального статуса адресанта и адресата проявляются элементы того или иного функционального стиля, а иногда и нескольких одновременно, что обусловлено такими его характеристиками, как политематичность,

полииллокутивность и полифункциональность. Перечисленные характеристики обуславливают синтетизм эпистолярного жанра.

Широкая вариативность ЭТ неизбежно ведет к попытке выделения различных типов писем и проблеме создания некой универсальной типологии данного вида текстов, которая является предметом рассмотрения в следующем параграфе.

1.3. Типология эпистолярных текстов в лингвистической науке

Анализ литературы, посвященной эпистолярию, показал, что в настоящее время не существует единой классификации эпистолярных текстов. Этот факт обусловлен, прежде всего, общей тенденцией типологических исследований, где отсутствует единая, универсальная типология текстов, а частные классификации строятся на основе различных критериев.

Так, к наиболее известным классификациям следует отнести традиционную лингвистическую классификацию текстов согласно выделяемым функциональным стилям (М. Брандес [29], Э. Ризель [164]). Функциональный критерий (критерий доминирующей текстовой функции) положен в основу классификаций немецких ученых Э. Гроссе [221] и К. Бринкера [220]. Коммуникативное намерение адресанта выступает в качестве типологического критерия в классификациях М. Городниковой, Н. Супрун [58], Б. Совински [223]. Е. Шендельс разрабатывает свою классификацию на основе нескольких критериев, среди которых можно отметить вид языковой коммуникации, коммуникативное намерение, наличие партнера по коммуникации, форма текста [213]. Вышеперечисленные классификации охватывают функциональные, структурные и коммуникативные признаки текстов.

Кроме того, проблематичность создания единой классификации эпистолярных текстов, по нашему мнению, связана с их огромной вариативностью, отражающей разнообразные по своему характеру отношения корреспондентов, а также с такой характеристикой письма, как

полифункциональность.

В современной лингвистической науке нет специальных работ, посвященных классификации писем в функционально-стилистическом аспекте и исследованию их системы. При этом ученые исследуют различные типы писем, квалифицируя их то в качестве жанра как разновидности эпистолярного стиля (Л. Кецба [100], С. Антоненко [6] и др.), то в качестве жанра как разновидности того или иного функционального стиля (А. Гвоздев [52], И. Гальперин [48], Т. Зорина [89], О. Цыцарина [207], Н. Белунова [21] и др.), то в качестве речевого жанра в лингво-прагматическом аспекте (Н. Ковалева [103] и др.).

Рассмотрим вышеперечисленные подходы к классификации ЭТ несколько подробнее.

Л. Кецба, анализируя структуру эпистолярного стиля (ЭС), выделяет два подстиля: личная переписка с разновидностью интимно-бытовых и художественных писем; и официально-деловая переписка с ее разновидностями (коммерческая, дипломатическая) [100: 95]. В своем диссертационном исследовании С. Антоненко также указывает на расслоение жанров или подстилей внутри ЭС. Она связывает это, прежде всего, с тем, что «есть собственно письма, адресованные реальным лицам, есть вымышленные письма, лишь использующие языковой инвентарь ЭС, есть письма, написанные писателями, существенно отличающиеся от предыдущих» [6: 21]. Исходя из этого исследователь выделяет следующие жанры ЭС:

- жанр собственно письма: частное официальное письмо и частное неофициальное письмо;
- жанр письма писателей: частное официальное и частное неофициальное письмо;
- литературный жанр (стилизованные письма): частное официальное письмо и частное неофициальное письмо [6: 22].

Однако классификации Л. Кецбы и С. Антоненко не могут считаться, на наш взгляд, основополагающими прежде всего потому, что они не отображают

всего многообразия эпистолярных текстов, а также вследствие того, что в данной работе эпистолярный не рассматривается в качестве отдельного функционального стиля.

Основным критерием классификации эпистолярных текстов у исследователей, рассматривающих переписку как разновидность того или иного функционального стиля, выступает сфера деятельности. Так, Н. Белунова, обобщая имеющиеся исследования эпистолярных текстов, приводит наиболее подробную классификацию эпистолярных текстов, в которую входят официально-деловые письма (юридические, коммерческие письма и др.); профессионально-ориентированные письма (переписка ученых); публицистические (письмо в газету); художественные письма (роман в письмах); частные неофициальные (не предназначенные для публикации) письма [20: 37].

Данная классификация, как нам кажется, является наиболее удачной, так как в ее основу положен один из самых важных экстралингвистических критериев – сфера деятельности, что максимально охватывает все разнообразие эпистолярных текстов.

Н. Ковалева, трактующая переписку в качестве речевого жанра, отмечает, что «видовая систематика письма в его коммуникативных, жанровых и речевых свойствах тесно связана с корреляцией авторского и читательского статуса, их взаимоотношениями, тематикой, структурой, прагматикой, языковой (лексико-фразеологической и грамматической) и стилистической спецификой, то есть теми параметрами, которые выявляют релевантные особенности типа эпистолярный» [103: 72]. В связи с этим исследователь, рассматривая частные письма XIX века, выделяет следующие их виды: 1) дружеское в его основных разновидностях (литературно-дружеское и дружески-деловое); 2) семейное (супружеское, собственно семейное, дружески-семейное (семья и близкие к семейному кругу лица); 3) салонное; 4) интимное; 5) частно-деловое (или официально-деловое письмо литератора) и др. [103: 72-73].

Преимущество классификации Н. Ковалевой, по нашему мнению, состоит

В том, что в ее основу положена совокупность нескольких экстралингвистических и интралингвистических факторов, что позволяет выделить более частные разновидности эпистолярных текстов. Вместе с тем, недостатком классификации, на наш взгляд, является ограничение материала исследования определенными временными рамками (эпистолярное наследие писателей XIX века), то есть эта классификация может быть использована только для описания эпистолярных текстов данного промежутка времени, так как «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры,.. (определенные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, семейно-бытового, общественно-политического, философского и др.)» [15: 256]. Это обстоятельство ограничивает применение результатов исследования к общезыковому материалу.

В. Ляпунова, на основе анализа эпистолярного наследия А.П. Чехова, в зависимости от отношения к адресату и целеустановки ЭТ, считает возможным выделить следующие типы писем: а) официально-деловые; б) дружеские; в) бытовые и интимные [127: 33].

Исходя из признания многотемности частного письма, Л. Нижникова выделяет 5 групп эпистолярных текстов Т. Харди на основе доминирующей тематики. Те, что ограничены рамками дома, семьи, дружеских или личных контактов, образуют собственно личные письма: 1) интимно-дружеские; 2) деловые. Письма с общественно значимой проблематикой подразделяются на: 3) философские; 4) общественно-политические; 5) литературоведческие [144: 2].

Данные классификации построены на анализе конкретного языкового материала (эпистолярного наследия А.П. Чехова и Т.Харди) и не всегда могут быть адекватны применительно к изучению эпистолярного наследия других писателей.

В своих исследованиях Б. Нажуа опирается на теорию текста. Текст, по ее мнению, представляет не только сложное единство: смысловое, стилистическое и грамматическое, – но и вид речевого общения. В связи с этим автор выделяет

следующие виды текстов:

1. Тексты – сообщения (информативные). Этот тип текстов строится по типу: передача – прием информации.

2. Анализирующие (познавательные) тексты, которые содержат описание фактов, явлений, логических операций с учетом причинно-следственных отношений между ними.

3. Побудительно-активизирующие, а также контактоустанавливающие, которые относятся к сфере регуляции поведения.

4. Эмоционально-оценочные тексты, которые детерминируют эмоциональную жизнь человека.

Письмо, как и любой текст, представляет вид речевого общения. Исходя из этого, исследователь, опираясь на общую классификацию текстов, выделяет следующие подтипы эпистолярных текстов: 1) информативные письма; 2) побудительные письма; 3) контактоустанавливающие письма [138: 8].

А. Акишина разграничивает несколько типов писем в зависимости от ситуации общения, от целевой установки текста и от степени его стандартизации, отмечая, что «разные ситуации общения приводят к разным видам писем» [2: 58], и выделяет три типа общения. Первый тип общения – «один – один». Это переписка двух лиц, которую в практике письма называют частной перепиской. В зависимости от отношений корреспондентов такая переписка может быть: официальной, если корреспонденты незнакомы, малознакомы или находятся в субординационных отношениях; неофициальной, если переписываются друзья, родственники т. д.; нейтральной, если переписываются знакомые, не находящиеся в дружеских отношениях, если партнеры по социальному, возрастному положению равны.

Второй тип общения – «много – много». Это переписка учреждений, предприятий, государств. Такой тип письма называют деловым письмом. Оно предполагает только официальный тип отношений, а с учетом служебной сферы может быть классифицировано на дипломатическое, коммерческое и промышленное.

Третий тип общения – «много – один» и «один – много». Это переписка частного лица с учреждениями, предприятиями и т. п., которая представлена частным деловым письмом.

В зависимости от целей написания и с учетом функций языка письма, по мнению А. Акишиной, могут быть классифицированы следующим образом:

- письма-повествования (описательные): письма-сообщения, письма-извещения, письма-подтверждения, письма о жизни, делах и т. п.;
- побудительные письма: письма-приглашения, письма-просьбы, письма-требования и т. п.;
- убеждающие письма: письма-согласия и несогласия с мнением адресата, письма-опровержения и т. п.;
- эмоционально-оценочные письма: письма-жалобы, письма-упреки, письма-соболезнования и т. п.;
- этикетные письма: письма-поздравления, письма-благодарности, контактоустанавливающие письма и т. п.

С точки зрения степени стандартизации, клишированности исследователь подразделяет письма на три группы:

1. «Жесткие» виды писем, имеющие клишированный набор фраз и постоянную, бланкированную композицию. Это деловые, особенно коммерческие и промышленные письма.

2. «Полужесткие» письма, в которых наблюдается жесткая постоянная последовательность, но выбор фраз зависит от пишущего. Такими являются письма-соболезнования, письма-извинения и т. д.

3. Относительно свободные письма, которые сохраняют стандарт начала и конца, а в основной части являются свободным повествованием. Это частные неофициальные письма, особенно описательного и эмоционально-оценочного типа [2: 58-59].

Классификации ЭТ Б. Нажуа и А. Акишиной также, на наш взгляд, не вполне убедительны, поскольку отличительной чертой эпистолярных текстов, как уже отмечалось, является их полифункциональность, что позволяет

говорить о том, что некоторые типы писем могут содержать в себе элементы различных видов писем.

В основу классификации Н. Кручининой положен такой критерий, как степень близости писем к формам устно-разговорной речи. Исходя из него, письма подразделяются на три группы:

1) письма официально-деловые, политические, философские, литературно-критические, как правило, почти не проницаемые для элементов разговорного синтаксиса;

2) письма мнимо-бытовые (литературные мистификации) и бытовые – дружеские, семейные – с дополнительной литературной функцией, ориентированные на разговорную речь, но отражающие ее лишь в известных пределах, в соответствии с идейным замыслом писателя и методом его творчества;

3) письма собственно бытовые, в которых разговорная речь очень часто оказывается представленной уже не «сигналами», а именно «сплошной манерой говорения» [112: 28-29].

Следует отметить, что критерий степени близости писем к формам устно-разговорной речи отражает одну из характерных черт эпистолярных текстов, однако структурные, тематические, функциональные характеристики остаются нераскрытыми, в связи с чем в одну группу могут быть объединены письма различной тематики, функциональной направленности и т. д., – что не дает возможности рассматривать данную классификацию в качестве универсальной.

Е. Прохоров в статье «Издание эпистолярного наследия» выделяет «... письма как произведения литературно-художественного («Бедные люди» Ф.М. Достоевского) или критико-публицистического ... жанра, ... письма как деловые документы, отражающие не личные, а лишь служебные и официальные отношения лиц (письмо Н.В. Гоголя к наследнику от августа – сентября 1850 г., письма А.С. Пушкина к Бенкендорфу), ... письма, имеющие все признаки личного послания, но рассчитанные на опубликование или, как минимум, на распространение в рукописном виде (письмо В.А. Жуковского к

С.Л. Пушкину о последних днях поэта), наконец, ... письма, являющиеся документами частного письменного общения конкретных лиц» [159: 18-19].

Однако нужно обратить внимание на то, что данные типы писем лишь названы автором – без указания принципов их выделения, без соответствующих комментариев.

Таким образом, выделение учеными тех или иных типов эпистолярных текстов связано, прежде всего, с различием подходов к изучению эпистолярия, а также с различием критериев, которые кладутся в основу их классификаций.

Анализ текстовых категорий и других характеристик, присущих письму (ЭТ), как и любому типу текста, а также его особое положение в системе функционально-стилистических отношений позволяют, на наш взгляд, отметить, что внутритекстовые характеристики эпистолярного текста (структурные, функциональные, тематические, стилистические и др.) не могут быть применены в качестве классификационных, так как большинство из эпистолярных текстов отличается политематический, полифункциональный характер, стилистическое и структурное разнообразие. Поэтому мы считаем, что в основу универсальной классификации эпистолярных текстов должна быть положена совокупность критериев, таких как сфера общения, целеустановка и характер отношений коммуникантов, отражающих экстралингвистические характеристики коммуникативного акта, лежащего в основе эпистолярного диалога. Поэтому наиболее полной на данный момент нам представляется приведенная выше классификация Н. Белуновой [20], в рамках которой может быть проведена более детальная характеристика той или иной разновидности эпистолярия.

Проанализировав языковой материал, мы пришли к выводу, что в зависимости от сферы общения, целеустановки и характера отношений коммуникантов, можно выделить следующие типы писем:

1) официально-деловые письма: письма-просьбы, уведомления, благодарности и др.;

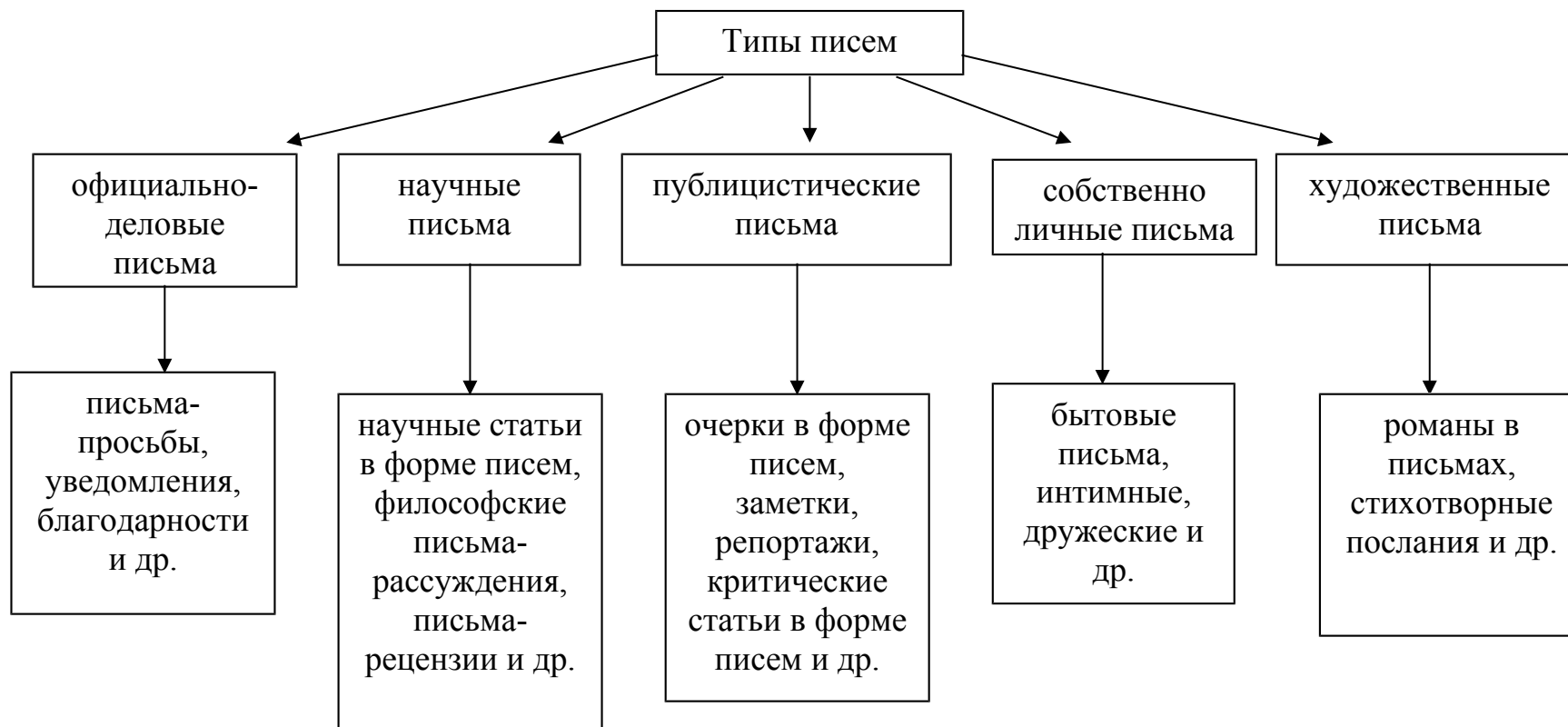
2) научные письма: научные статьи в форме писем, философские письма-рассуждения, письма-рецензии и др.;

3) публицистические письма: очерки в форме писем, заметки, репортажи, критические статьи в форме писем и др.;

4) собственно личные письма: бытовые письма, интимные, дружеские и др.;

5) художественные письма: различные художественные произведения в форме писем (например, романы в письмах, стихотворные послания и др.).

Типологию эпистолярных текстов можно представить в виде схемы:

Схема 1.**ТИПОЛОГИЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ**

Выводы к I разделу

1. Состояние лингвистических исследований на современном этапе позволяет использовать для анализа любого языкового явления интегративный принцип, заключающийся в одновременном использовании методологических баз различных направлений для достижения максимального раскрытия существенных характеристик изучаемого объекта.
2. Являясь одной из единиц коммуникации и представляя собой многогранное воплощение человеческой интенции, письмо (эпистолярный текст) обнаруживает себя в качестве объекта изучения в рамках лингвистики текста и теории коммуникации.
3. Переписка представляет своеобразный «моно-диалог», имеющий черты и письменной, и устной речи.
4. Эпистолярный текст характеризуется системой общих текстовых категорий (связность, цельность, открытость, законченность и др.), а также специальными категориями (диалогизация, адресованность, имплицитность, коммуникативность), которые являются доминантными для этого типа текстов.
5. Письмо представляет собой конвенциональное, то есть закрепленное временем и традицией, структурно-семантическое единство композиционных элементов: зачина (обращения, приветствия), информационной части и концовки (прощания).
6. В качестве основной структурной единицы ЭТ рассматривается СФЕ, вычленяющееся из текста семантически и формально.
7. Функциональное своеобразие эпистолярного текста определяется назначением письма как специфической формы коммуникации, служащей заменой устного общения, а также целью осуществляемой посредством эпистолярного текста коммуникации.
8. Ведущей функцией эпистолярного текста является коммуникативная, предполагающая специфический набор производных функций: фатической, информативной, апеллятивной, эмоциональной, оценочной, эстетической,

этикетной, – которые реализуются в переписке в зависимости от прагматической установки и сферы общения.

9. Письмо как сложное коммуникативное явление, отражающее вербализованную речемыслительную деятельность, с одной стороны, а также совокупность процесса и результата, с другой, представляет собой эпистолярный дискурс, включающий и сам текст письма, и его экстралингвистические факторы: фактор адресата, замысел автора, тематическое содержание, ситуативный контекст, пресуппозиции.
10. В связи со своим особым характером ЭТ может служить для реконструкции фрагмента языковой личности автора, как раз и определяющей тип, структуру, языковое оформление той или иной разновидности ЭТ.
11. Определяющая коммуникативно-прагматическая характеристика письма – диалогичность, обуславливает возможность определения эпистолярия в системе функционально-стилистических отношений в качестве эпистолярного жанра, исходя из понимания жанра в значении речевого.
12. Проведенное исследование позволило установить, что эпистолярный текст характеризуется такими признаками, как полииллокутивность, полифункциональность, тематическая и стилистическая неоднородность, которые придают письму статус вторичного речевого жанра.
13. В качестве классификационного критерия для построения общей типологии эпистолярных текстов наиболее оправданным видится использование совокупности экстралингвистических факторов, таких, как сфера общения, целеустановка и характер отношений коммуникантов, отражающих экстралингвистические характеристики коммуникативного акта, лежащего в основе эпистолярного диалога.
14. Проведенное исследование позволило создать общую типологию ЭТ с выделением их разновидностей.

РАЗДЕЛ. 2 СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ М.А. МАКСИМОВИЧА

Эпистолярное наследие М.А. Максимовича представлено довольно большим количеством ЭТ. Поэтому, прежде чем приступить к их лингвостилистическому анализу, считаем необходимым систематизировать эти письма в соответствии с представленной нами в предыдущей главе типологией ЭТ.

2.1. Типология эпистолярных текстов М.А. Максимовича

В эпистолярном наследии М.А. Максимовича, как и в переписке многих других выдающихся личностей, обнаруживаются черты различных функциональных стилей, а иногда и нескольких одновременно, что позволяет говорить о жанровом и стилистическом разнообразии и полифункциональности его эпистол. Данный факт обуславливает некоторые трудности создания их типологии. Это отмечает и В. Короткий, характеризуя эпистолярное наследие М.А. Максимовича: «Деловое и дружеское, письмо-просьба, благодарность, поздравление с использованием канцелярского и неофициального стилей, письмо, которое отражает форму научного трактата или статьи, хотя и ориентированного на конкретного адресата и рассчитанного на публикацию, – все это различные группы писем, которые тяжело объединить по определенным жанровым признакам...» [256: 17]. Но согласно нашей классификации, в основу которой положен комплекс таких экстралингвистических факторов, как сфера общения, целеустановка и характер отношений коммуникантов, отобранные нами для анализа 300 писем М.А. Максимовича вполне укладываются в стройную систему.

Анализ показал, что наибольшее количество составляют собственно личные – бытовые письма, интимные, дружеские и др. (166 писем). Это письма к жене Марии Васильевне Максимович, родственникам (брату – Василию

Ильичу Тимковскому, дедушке и бабушке – Максимовичам Ивану Ивановичу и Елене Васильевне), друзьям (П.А. Вяземскому, Г.П. Данилевскому, В.А. Жуковскому, О.М. Бодянскому, С.П. Шевыреву, Т.Г. Шевченко, П.Г. Лебединцеву, П.А. Кулешу и др.).

Значительное количество текстов – публицистические письма автора, которые, несмотря на то, что были адресованы конкретным лицам, имели более обобщенный характер. Это очерки в форме писем: С.П. Шевыреву – «Автобиография», П.И. Бартеневу – «О путешествии в святую землю Московскую священника Иоанна Лукьянова», князю П.А. Вяземскому – «Воспоминание о Тавриде» и др.; заметки в форме писем: А.С. Уварову – «Заметки о некоторых летописных названиях местностей», Н.А. Маркевичу – «Заметка о первых гетманах козацких и первых полковниках Прилуцких», С.М. Соловьеву – «Заметка о козацких гетманах» и др.; критические статьи в форме писем: М.П. Погодину – «О происхождении Варяго-Руссов», Г.П. Галагану – «Об историческом романе г. Кулиша «Черная Рада», П.Г. Лебединцеву – «О Киевском Синописе и о некоторых урочищах древнего Киева, упоминаемых в описании Киева Закревского» и др. (всего 76 писем).

М.А. Максимович, как видный общественный деятель, ученый, ректор Киевского университета, вел переписку с официальными лицами: министром Народного Просвещения С.С. Уваровым, попечителем Киевского Учебного Округа Е.Ф. Брадке, редакторами журналов К.С. Сербиновичем, П.Г. Лебединцевым и др., а также с официальными учреждениями: Советом Императорского Университета Св. Владимира, Киевским Цензурным Комитетом и др. (25 писем). В связи с этим естественным является наличие в его эпистолярном наследии официально-деловых писем, адресованных конкретным официальным лицам, и писем, написанных в официальные учреждения, адресатами которых являются группы руководящих лиц.

Среди анализируемых писем выделяются также научные письма М.А. Максимовича (25 писем). В. Короткий отмечал, что М. Максимович по праву может считаться основоположником своеобразного и нового для

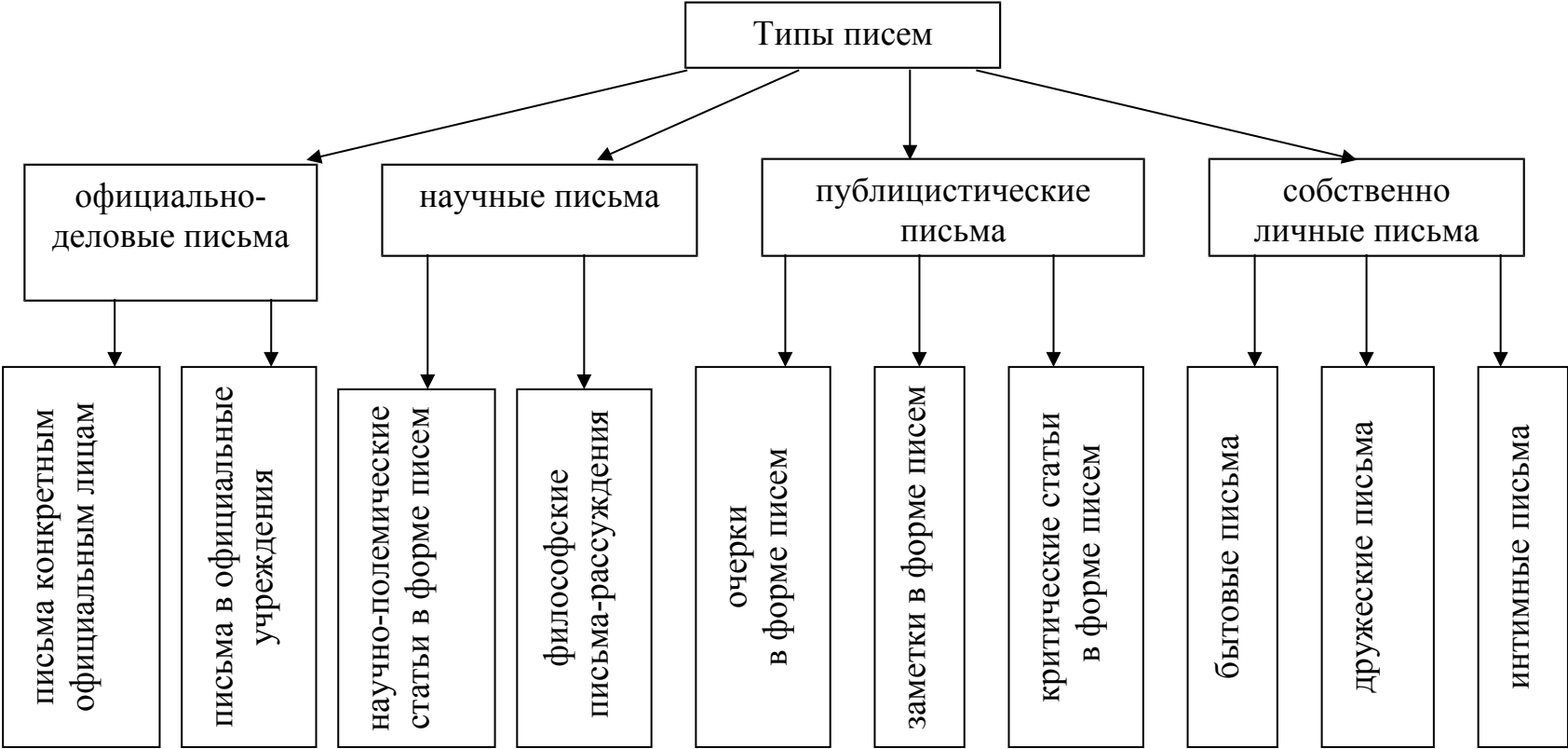
тогдашней Украины направления эпистолярной традиции – общение в форме научных статей, посланий, приуроченных конкретным событиям и адресованных конкретным корреспондентам, но опубликованных в периодических изданиях и рассчитанных на определенную общественную реакцию [256: 16]. Это научно-полемические статьи в форме писем, например, письмо Г. Квитке-Основьяненко «О правописании Малороссийского языка», и целые научные полемические циклы – «Филологические письма», «Ответные письма» и «Новые письма» к М. Погодину, а также философские письма-рассуждения, например, «Письмо о философии» к Е. Юсуповой.

Проведенный анализ писем М.А. Максимовича позволил установить следующие их типы писем:

- 1) официально-деловые письма, написанные официальным лицам и в официальные учреждения;
- 2) научные письма: научно-полемические статьи в форме писем и философские письма-рассуждения;
- 3) публицистические письма: очерки, заметки и критические статьи в форме писем;
- 4) собственно личные письма: бытовые, интимные и дружеские письма.

Кроме того, в эпистолярной М.А. Максимовича были выделены письма синкретичного характера (8 писем, например, письма министру Народного Просвещения С.С. Уварову, содержащие элементы официально-делового и публицистического стилей одновременно, а также письмо редактору «Киевских Епархиальных Ведомостей» П.Г. Лебединцеву, в котором ярко проявляются элементы разговорного и публицистического стилей). По преобладающим чертам мы их относим к одному из выделенных выше типов.

ТИПОЛОГИЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ М.А. МАКСИМОВИЧА

2.2. Оформление общетекстовых дискурсивных единиц в письмах М.А. Максимовича

Учитывая приведенную выше классификацию, охарактеризуем жанровые и структурные типы ЭТ М.А. Максимовича в зависимости от коммуникативных и прагматических задач, типа адресата, языковой компетенции автора, а также основные дискурсивные единицы, способствующие эффективности коммуникации посредством письменного текста.

Характеризуя дискурсивные единицы мы опираемся в своем исследовании на их типологию и дефиниции, представленные в диссертации и в монографии Н. Павлик, изучавшей украинский эпистолярный дискурс в различных аспектах [150; 151]. Исследователь выделяет 9 их типов. К общетекстовым принадлежат: «директивные высказывания; авторизованные нарративные модели; средства выражения эмоционального состояния; вопросительные и восклицательные предложения в роли дискурсивных единиц; маркеры социального статуса. Среди специфических дискурсивных единиц выделяются: средства инициализации; средства завершения эпистолярного текста; стандартизованные формулы обращения, приветствия; стандартизованные формулы пожелания, поздравления, почитания, извинения, благодарности, приглашения» [150: 8].

Каждая из этих единиц, естественно, имеет стандартизованные и индивидуальные черты, определяемые особым авторским стилем, идиолектом, его языковой личностью. Обращаясь к эпистолярным текстам М.А. Максимовича, охарактеризуем наиболее релевантные им дискурсивные единицы и их особенности согласно жанровой принадлежности эпистол.

2.2.1. Авторизованные повествовательные модели

Эти дискурсивные единицы определяются как «рассказ о некоей последовательности происходящих событий» [146: 36], причем эти события могут происходить в абсолютно любой сфере жизни – как реальной, так и

ментальной. Главное, чтобы при их описании ощущалось авторское начало, обозначенное личными местоимениями, глагольными формами, субъективными оценками и т.д. Естественно, наличие или отсутствие нарративных элементов, их большая или меньшая представленность зависят от типа и характера текста, коммуникантов. Рассмотрим различные типы писем М.А. Максимовича с этой точки зрения.

Из общего массива ЭТ М.А. Максимовича выделено 25 писем **делового характера**, написанных автором на русском языке в разные периоды жизни.

Для официально-деловых писем М.А. Максимовича, как и для других типов писем, характерны политематичность, полииллокутивность и полифункциональность, то есть данные типы писем содержат одновременно просьбу, сообщение, благодарность высокопоставленному лицу или другие сведения. В зависимости от типа адресата они четко делятся на две группы:

1. Письма, адресатами которых являются конкретные лица (министр Народного Просвещения С.С. Уваров, попечитель Киевского Учебного Округа Е.Ф. Бадке, редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» К.С. Сербинович и др.).

2. Письма, написанные в официальные учреждения (в Совет Императорского Университета Св. Владимира, в Киевский Цензурный Комитет и др.), получателем которых является коллективный обобщенный адресат (Совет Университета или Цензурный Комитет и др.).

Для выявления особенностей ЭТ официально-делового характера рассмотрим структурную организацию нескольких писем.

Все официально-деловые письма М.А. Максимовича к конкретным официальным лицам содержат зачин-обращение: *«Ваше Превосходительство!»*, *«Милостивый Государь Константин Степанович!»*, *«Милостивый Государь Князь Сергей Иванович!»*. В письмах, написанных в официальные учреждения, в зачине содержится не обращение, а четкая информация с названием коллективного адресата и указанием автора: *«В*

Совет Императорского Университета Св. Владимира от Профессора Максимовича».

В информационной части обоих видов писем излагается суть того или иного вопроса, просьбы, благодарности, с которыми автор обращается к разным официальным адресатам:

«Честь имею препроводить вторую статью мою для Журнала Министерства Народного Просвещения и мое обозрение органологии растений. Я желал бы знать: угодно ли редакции иметь меня постоянным сотрудником сего журнала, для коего я стал бы трудиться гораздо охотнее, чем для прочих? Тогда бы я расположил статьи свои в такой последовательности, что читатели оногo впоследствии получили бы из него довольно полное обозрение растительного и животного царства, для системы коих у меня много заготовлено материалу. При том, я покорнейше прошу уведомить меня: такого ли объема статей желаете Вы, или они должны быть сокращеннее и так сказать результативнее? Извините меня, есть ли я несколько замедлил с моею второю статьею; впрочем, по моему расчету, она кажется еще не весьма опоздала» [249: 232];

«В нынешнем месяце я имел радость и честь получить диплом на звание почетного члена Университета Св. Владимира и уведомление Совета сего Университета от 10 ноября об избрании меня в это достоинство. Приношу глубочайшую благодарность Юридическому Факультету и всему Совету за оказанную мне почесть, в которой нашел я приятнейшую награду себе за мое давнее служение Университету Св. Владимира. От него я не отрывался мысленно и в продолжение истекшей четверти века; а ныне, привязанный и причисленный вновь к его составу, я почел бы себя счастливым, если бы и на исходе моих лет мог еще хотя чем-нибудь послужить на пользу сего святилища наук и просвещения» [229: 32].

Как видим, первый фрагмент имеет чисто деловой характер, нарративные элементы в нем передают ментальные события – рассуждения адресанта по поводу целесообразности и системы его работы в журнале, а во втором это

сообщение о некоем событии и чувствах автора по этому поводу. Авторское начало поддерживается личными и притяжательными местоимениями первого лица, соответствующими глагольными формами сослагательного, изъявительного и повелительного наклонений, словами с экспрессивно-эмоциональной окраской, передающими чувства и ощущения автора.

Концовка деловых писем официальным лицам, как и зачин-обращение, типична и соответствует эпистолярным нормам XIX века, зафиксированным в письмовниках данного периода. Например: *«Ваш, Милостивый Государь, покорнейший слуга Михаил Максимович», «При сем, с истинным почтением и преданностью к особе Вашей, честь имею быть навсегда, Милостивый Государь Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Михаил Максимович».* Концовка писем, адресованных в официальные учреждения, более сдержанна и содержит в основном только имя и фамилию автора, а в некоторых случаях к ним прибавляется еще и научное звание: *«Михаил Максимович», «М. Максимович», «Профессор М. Максимович».* Подробнее этикетные формулы как специфические дискурсивные единицы мы проанализируем ниже.

Композиция официальных писем, их стандартизированный характер определяют их семантическую и синтаксическую организацию. Своеобразие данного вида письма влияет и на выбор языковых средств. Лексические единицы и словосочетания в следующих друг за другом предложениях не всегда образуют номинационные цепочки, но каждое текстовое целое строится по общему принципу введения семантически и синтаксически завершенных структур низшего уровня в структуры более высокого уровня (предложения в абзацы, абзацы в СФЕ и пр.).

Остановимся на нескольких письмах к конкретным официальным лицам.

Письмо М.А. Максимовича к попечителю Киевского Учебного Округа Егору Федоровичу Фон-Брадке, датированное 18 апреля 1834 года:

«Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Егор Федорович!

Вчера я имел честь получить письмо ваше от 31 Марта, и приношу мою сердечную благодарность за внимание ко мне и ходатайство о моем перемещении, честь имею уведомить, что Г. Министр наконец соглашается на оное. На отношение его от 7 Апреля, наш Г. Попечитель сего Апреля 14 числа уже отвечал, что не находит необходимым оставить меня до окончания Курсов учебных. Таким образом я имею полную надежду получить уже окончательное утверждение Г. Министра на службу под начальством Вашего Превосходительства; но к сожалению, не буду в состоянии явиться на оную в назначаемый Вами срок.

Всеми силами буду стараться о возможно-скорейшем окончании моей Московской жизни; учение и экзамены могу окончить около 15-го Июня, и к 2-ому числу может быть совершенно сдать мою Университетскую должность, кроме лекций, еще состоящую в заведовании Ботаническим Садам и некоторых других обязанностях; – и если к тому же времени успею одолеть необходимое при сборах на новую жизнь, тогда я непременно явлюсь в самых первых числах Июля на новое служение с тем усердием, с каким желал оно и домогался. 15-е Июля я почитаю столь великим днем, что я поспешил бы к оному в Киев даже и тогда, когда бы не перемещали в оный: и потому, Ваше Превосходительство, смею уверить Вас, что понапрасну я не промедлю двух дней лишних, ни в Москве, ни в дороге, как только будет возможность мне ехать. Извещая о сем предварительно, Ваше Превосходительство, с нетерпением буду ожидать окончательного решения судьбы своей, и тех распоряжений и поручений, какие Вашему Превосходительству угодно будет сделать. Между тем еще поставляю долгом сообщить Вам здесь полученные (не знаю впрочем, верные-ли) известия, что Министр в конце Мая хочет быть в Москве, а к Июлю прибудет в Киев.

*С истинным почтением имею честь быть,
Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства,
покорный слуга*

Границы СФЕ и текста в данном случае совпадают. 1 предложение представляет собой зачин-обращение к официальному лицу. Следующие 7 предложений составляют информационную часть, в которой излагается благодарность за ходатайство о перемещении (перевод), а также два сообщения: первое – о согласии министра Народного Просвещения на перевод М.А. Максимовича из Московского Университета в Киевский; второе – знакомит адресата с проблемами, связанными с переводом. Эти сообщения вносят нарративный элемент в официально-деловую структуру письма, поскольку сообщают о событии и особенностях трудовой деятельности и возможных трудностях переезда адресанта. При оформлении их используются лексические единицы, обозначающие аспекты и атрибуты трудовой деятельности автора, называющие его чувства и ощущения.

Основной номинацией в настоящем письме является местоимение *я* и его формы. Установлению субъекта также способствуют глаголы-сказуемые в форме 1 лица: *буду ожидать; поставляю долгом сообщить; имею честь быть*. Местоимение выступает показателем цепной связи между предложениями, что указывает на ярко выраженный личностный характер. Сферу адресата маркируют местоимения *Вы, Ваши*.

В данном ЭТ обращает на себя внимание сложность синтаксических построений. С их помощью автор передает разнообразные отношения между явлениями объективной действительности. Так, в конструкциях с соподчинением однородные или разнородные свойства познаваемого объекта отображаются как бы вширь, без установления иерархии между ними. В конструкциях с последовательным подчинением передается обобщенное значение уточнения признаков вглубь. В контаминированных конструкциях происходит объединение указанных значений; типовое значение многокомпонентного сочинения связано с указанием на развертывание равноправных взаимосвязанных явлений. Концовка письма выражена простым предложением, осложненным обращением.

Лексика анализируемого ЭТ содержит характерные для официально-делового стиля XIX века клише и штампы (*имел честь получить, приношу благодарность, извещая о сем предварительно, поставляю долгом сообщить*), а также архаичные местоимения (*сей, оный*), также свойственные эпистолярно-деловому общению того времени.

В качестве примера рассмотрим еще письмо М.А. Максимовича министру Народного Просвещения С.С. Уварову от 14 ноября 1849 года:

«Милостивый Государь

Граф Сергей Семенович!

Вашему Сиятельству известно мое постоянное желание возобновить службу по Министерству Народного Просвещения, столь много обязанному Вашим распоряжением.

Удостоенный вниманием Вашим, как преподаватель и труженик, я имел счастье удостоиться Вашего одобрения и в звании Ректора: и это дает мне смелость покорнейше просить Вашего ходатайства о назначении меня Ректором Университета в Киеве или Харькове.

При сем, с чувством глубокого уважения и признательности, честь имею быть Вашего Сиятельства

Покорнейшим слугою

Михаил Максимович» [264: 305].

СФЕ разделено на четыре абзаца. 1 предложение – традиционно выделяется в зачин-обращение к официальному лицу. Информационная часть оформляется 2 и 3 предложениями. С помощью второго простого осложненного предложения автор вводит адресата в курс своих проблем, а третьим – сложным предложением – выражает просьбу. Письмо имеет чисто официальный характер, а нарративные элементы имеют характер вкраплений (сообщение о должности, об отношении к работе, напоминание об одобрении в звании ректора).

Как и в предыдущем письме, основной номинацией в данном ЭТ является местоимение *я* и его формы, а также личная форма глагола-сказуемого. Вместе

с тем, в тексте письма ярко выделяется тематическая цепочка адресата, которая представлена формами притяжательного местоимения *Ваш*. Концовка выражена простым предложением, осложненным вводной конструкцией.

На лексическом уровне можно отметить использование единиц официально-делового стиля с характерными клише и штампами: *служба, удостоенный вниманием, имел счастье удостоиться, дает смелость покорнейше просить* и др.

Таким образом, в письмах конкретным официальным лицам положение дел автор излагает максимально развернуто, эксплицитно, аргументированно, что исключает неоднозначную, неправильную либо нежелательную интерпретацию сообщаемого.

Проанализируем несколько писем, написанных М.А. Максимовичем в Совет Императорского Университета Св. Владимира, адресатом которых является группа членов Совета Университета.

Например, письмо М.А. Максимовича в Совет Университета от 7 января 1837 года:

«В Совет Императорского Университета Св. Владимира

от Профессора Максимовича.

Честь имею представить Совету от меня в дар Университету следующие древности Панतिकопейские:

1) каменный Кружен с изображением птицы, который (как видно по скважине на нем) был привешиваем или прибываем и служил каким то Гербом или значком, таковых несколько найдено в разрытых курганах Панतिकопейских;

2) верхняя половина изваянного небольшого Геркулеса в карикатуре;

3) стеклянная бутылочка совершенно уцелевшая;

4) кусок деревянного карниза с гробницы с резьбою и уцелевшею на нем красною краскою;

5) кусок точеного дерева также с гробницы;

6) стрелочка медная с куском в ней древка;

- 7) *две каменные белые бусины;*
- 8) *кусок бечевки или шнурка и обломок плетеной деревянной корзинки.*

Кроме сих 8 предметов, представляю Совету медных монет: – 3 – Панतिकопейских, 1 – Таминскую или Фанагорийскую и 1 Корсунскую, – для Университетского Минц-Кабинета. Сверх сего, по поручению Г. Гвардии Поручика А.С. Анненкова, представляю от него в дар Университету 2 металлические копии: 1) серебра Ярославля, 2) Черниговской медали или Гривны. Профессор Максимович» [228: 5].

Границы текста совпадают с границами СФЕ. 1 предложение является своеобразным зачином и содержит точную информацию об адресате и адресанте. Глобальным средством связности всего текста выступают, прежде всего, номинационные цепочки автора и адресата. Тематическая цепочка адресанта выражена сопряженной номинацией – *Профессор Максимович*, а также глаголами в форме 1 лица. Тематическая цепочка обобщенного адресата выражена номинацией *Совет Императорского Университета* и ее субститутами – усеченными вариантами: *Совет, Университет*.

Цельность СФЕ создается за счет цепной местоименной синонимической связи. Синтаксическая структура формируется простыми односоставными предложениями разных видов, осложненными и неосложненными.

Поскольку письмо представляет собой опись передаваемых в дар университету объектов, повествовательные элементы в нем отсутствуют.

В другом письме М.А. Максимовича в Совет Императорского Университета Св. Владимира, датированном 18 сентября 1837 года:

*«В Совет Императорского Университета Св. Владимира
от Ординарного Профессора Максимовича.*

Честь имею представить при сем в Совет Университета принесенную в дар для университетской библиотеки Профессором Московского Университета Погодиным книгу сочинения его под названием: Псковская Летопись. М. Максимович» [228:79], –

границы текста и СФЕ также совпадают. Несмотря на свою краткость, письмо имеет четкую рамку: зачин, информационная часть, концовка. Повествовательные элементы здесь также отсутствуют в силу особого характера письма. Лексическое наполнение анализируемых ЭТ характеризуется преимущественным использованием нейтральной и книжной лексики, а также незначительного количества фразеологических единиц клишированного типа, характерных для этого типа текстов.

Как показал анализ группы писем официально-делового характера, все они созданы с учетом норм и правил делового письма XIX века, имеют четкую рамку, все необходимые атрибуты, достаточно сложный синтаксис, позволяющий эксплицировать требующие внимания сведения и позволяющий избежать двойственного толкования смысла. Некоторые из писем этого типа к конкретным адресатам содержат повествовательные элементы, которые также способствуют уточнению, углублению передаваемой в письме информации и несколько оживляют формализованный текст.

Письма публицистического характера занимают важное место в эпистолярном наследии М.А. Максимовича. Это и отдельные письма к М.П. Погодину – «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом», «О десяти городах и некоторых селах древней Украины»; к Г.П. Галагану – «Об историческом романе г. Кулиша «Черная Рада»; к князю П.А. Вяземскому – «Воспоминание о Тавриде» и др., и целые историко-полемические циклы к М.В. Юзефовичу – «Исторические письма о козаках Приднепровских», к графине А.Д. Блудовой – «Письма о князьях Острожских», к М.П. Погодину – «Письма о Киеве» и др. Они опубликованы в альманахах «Денница» (1830-1834), «Киевлянин» (1840-1841) и «Украинец» (1856, 1864), издаваемых М.А. Максимовичем, а также в таких изданиях, как «Московский телеграф», «Телескоп», «Киевская Старина», «Русская беседа», «Основа», «День» и др.

Эпистолярный текст, в отличие от публицистического, полиадресатного, всегда предполагает конкретного адресата. При этом, как отмечает

О. Сиротина, различаются «адресаты реальные и мнимые» [167: 42]. Его функции во многом совпадают с функциями текстов публицистического стиля – информативная, воздействующая и эмотивная (М. Кожина [107: 184], И. Голуб [55: 44], О. Лаптева [118: 184-186] и др.). На первый план могут выходить также коммуникативная и связанная с ней эмотивная функции. Письма М.А. Максимовича, соотносимые с публицистическим стилем, представляют собой открытые письма, в которых автор, обращаясь к одному человеку и представляя его адресатом речи, вместе с тем направляет свою речь также и другому, некоему обобщенно-потенциальному адресату. Поэтому адресат данных писем – в основном формальный, хотя зачастую обозначен конкретной номинацией.

Публицистические письма М.А. Максимовича (всего 76 писем) достаточно развернутые. С точки зрения современного языка, исследуемые письма можно соотнести с художественно-публицистическими жанрами статьи, очерка, путевой заметки, хотя точное определение жанра их затруднительно. В указанных ЭТ М.А. Максимовича наблюдаем черты литературной обработанности, которая, по замечанию М. Шадринной, в рассматриваемый период была характерна языку записок путешествий, представлявшему собой яркий образец литературно обработанного языка, сближающегося с языком беллетристики и публицистики XIX в. [208: 78].

Учитывая большой объем писем, считаем целесообразным представить подробный анализ лишь нескольких СФЕ из всего текста письма с проекцией на весь текст.

Письмо к князю Петру Андреевичу Вяземскому «Воспоминание о Тавриде» (полный текст его приведен в Приложении 1.) можно соотнести с жанром путевой заметки или путевого очерка, так как оно содержит подробный рассказ о приключениях автора, о посещенных местах и встреченных людях во время пребывания в Крыму.

По структуре письмо фрагментарно и политематично. Весь текст состоит из 22 СФЕ. По тематическому признаку выделяются: I СФЕ – пролог

(вступление); II СФЕ – обращение к адресату; III СФЕ – описание впечатлений от путешествия на пароходе; IV СФЕ – о ночлеге в лодке; V СФЕ – о Ялте, пейзажная зарисовка; VI СФЕ – о пребывании в Магараче с Паисием Сергеевичем Кайсаровым; VII СФЕ – о дочери варшавского профессора Андрея Снядецкого и ее спутнице; VIII СФЕ – об ожидаемом спутнике – архимандрите Иннокентии; IX СФЕ – о прибытии Иннокентия в Ялту; X СФЕ – описание второго дня пребывания Иннокентия в Ялте; XI СФЕ – описание третьего дня пребывания Иннокентия в Ялте (посещение Массандры); XII СФЕ – о подготовке к прогулке в горы; XIII СФЕ – авторское отступление; XIV СФЕ – описание второй, крутогорной полосы; XV СФЕ – описание верхней, горнокаменной полосы; XVI СФЕ – описание обратной дороги; XVII СФЕ – о пребывании в гостинице в Алушке; XVIII СФЕ – о горе Айпетри и черной туче; XIX СФЕ – о прогулке по Ориаднам; XX СФЕ – о предпоследнем дне пребывания в Ялте; XXI СФЕ – о расставании; XXII СФЕ – эпилог.

Для определения особенностей структурно-синтаксической организации ЭТ с элементами публицистики рассмотрим подробно несколько СФЕ:

«К вам некогда писал я из Москвы о моем первоначальном, несбывшемся желании быть в Крыму... Вам ныне хочу вспомнить мой первый день на том Синем море – «еже море словеть Русское», по выражению Нестора, и мои первые странствия по благодатно-прекрасным местам достославной Тавриды» [250: 137].

Анализируемое СФЕ состоит из 2 предложений, в которых четко выделяются 2 номинационные цепочки – автора и адресата. Первая выражается с помощью личного местоимения *я* и его форм. Тематическая цепочка адресата выражена формой местоимения *вы* в дательном падеже (*вам*). Вместе с тем сигналом синсемантии и одновременно показателем цепной синонимической связи между предложениями является также номинационная цепочка, представленная именем *Крым* и его субститутами – контекстуальными синонимическими словосочетаниями: *Синее море* и *благодатно-прекрасные места достославной Тавриды*.

В структурном отношении обращает на себя внимание 2 предложение данного СФЕ, которое является организующим во всем тексте и которое содержит повествовательные элементы – воспоминания о событии из жизни, о первом дне на море.

«Весною 1836 года, получив четырехмесячный отпуск из Киева, для поправления здоровья, я отправился из Одессы в Крым на пароходе Петре-Великом. Между тем как другим пассажирам становилось дурно и худо, мне напротив того, с каждым часом, было все лучше и лучше, как-будто год за годом спадал с моих труженых костей... И вспомнил я тогда моряка Матюшкина, говорившего в Москве, что для него нет большего наслаждения, как быть в открытом море, под парусами... И когда мы плыли открытым морем, я пожалел-было: зачем я отказался от путешествия вокруг света, на которое некогда звали меня, как ботаника? Но – своего будущего не угадаешь, а прошедшего не вернешь, как и ветра в поле; а в украинской песне и ветер говорит могиле так: «Ой хоч буду віять,/ Не переставати,/ Да вже того не одвіять,/ Що має Бог дати!» [250: 137-138].

Это СФЕ состоит из 5 предложений. Первое предложение является опорным, так как в нем автором заявлена новая тема. Семантическим центром выступает автор, показателем присутствия которого являются местоимение я и его формы, а также личные глаголы (*отправился, вспомнил*). Нарративность в этом фрагменте поддерживается описанием путешествия на корабле, ощущений и чувств автора, вызванных этим плаванием.

В композиции очерка (так мы квалифицируем настоящий текст) внутри повествования о путешествии появляется краткое описание друга М.А. Максимовича архимандрита Иннокентия, выделенное нами в VIII СФЕ:

«Но у меня в виду был желаннейший и со дня на день ожидаемый спутник – мой возлюбленный ректор Киевской академии, архимандрит Иннокентий. Первое посещение Крыма будущим святителем и достопамятным подвижником Таврическим еще неизвестно, кажется, в

биографических о нем воспоминаниях; а потому я опишу вам его подробно, насколько оно сохранилось в моей памяти» [250: 140-141].

Данное СФЕ состоит из 2 предложений, первое – простое, распространенное, а второе – многокомпонентное сложное. Показателем тесной семантической спаянности между ними, кроме номинационной цепочки автора, представленной местоимением *я* и его формами, выступает номинационная цепочка, выраженная именем собственным *Иннокентий* и его субститутами – синонимическими словосочетаниями – *желаннейший и со дня на день ожидаемый спутник, возлюбленный ректор Киевской академии, архимандрит Иннокентий, будущий святитель и достопамятный подвижник Таврический*, – что свидетельствует о наличии цепной местоименной синонимической связи между предложениями. Также отмечается высокая степень авторизации этого фрагмента, обнаруживающаяся не только в языковых средствах, но и в проявлении авторского отношения к изображаемому. Автор с восторгом описывает свою поездку в Крым, поэтому по тону письмо эмоционально-личностное, что обуславливает его лексическое наполнение и синтаксическую структуру, которая формируется сочетанием элементов книжного и разговорного характера. Книжный характер синтаксиса проявляется в употреблении простых двусоставных распространенных, сложносочиненных, сложноподчиненных и многокомпонентных сложных предложений, осложненных причастными, деепричастными и сравнительными оборотами. В то же время в тексте письма используются простые восклицательные предложения, которые носят разговорный характер («*Господи, как мне хорошо тогда было!*» и др.).

Отметим также, что М.А. Максимович в данном ЭТ использует такой синтаксический прием, как инверсия (конструкции глагол + местоимение) с постпозицией подлежащего (*вспомнил я, заснул я, делил я, видел я, сказал я* и др.), который, выводя предикат в препозицию, помогает обозначить сюжетные вехи текста, а также служит смысловой и синтаксической спаянности.

Аналогичный принцип построения имеют и письма М.А. Максимовича к М.В. Юзефовичу, формирующие целый историко-полюемический цикл, «Исторические письма о козаках Приднепровских», включающий пять писем. Каждый из этих ЭТ, исходя из его языковых и содержательных особенностей, мы соотносим с жанром критической статьи. Во всех письмах цикла представлены критические замечания относительно изображения исторических личностей, событий и фактов, описываемых в статье В. Антоновича «Содержание актов о козаках, 1500-1648 гг.» [257: 114-149].

Как конкретный, так и предполагаемый обобщенно-потенциальный адресат представляют собой высокообразованного читателя, который не всегда может быть осведомлен о содержании произведения, подверженного критике, то есть текстовые пресуппозиции адресата (в том числе обобщенно-потенциального) и адресанта могут не совпадать. Успешность коммуникации посредством писем данного типа зависит, на наш взгляд, от того, насколько полно отражается в них информация, то есть категория имплицитности для них неприемлема. Поэтому высказывания в анализируемых письмах часто построены в форме вопросно-ответных единств или полного цитирования неверного, по мнению автора, утверждения с последующей аргументацией своей точки зрения.

М.А. Максимович последовательно анализирует статью В. Антоновича и аргументированно излагает свое мнение, для подтверждения которого он обращается к первоисточникам – актам Межигорского монастыря, «Реестру войска Запорожского», «Описанию вольнских замков» и др.

Проведенный анализ писем публицистического характера позволяет нам отнести их к «текстам со сложной структурой» [51: 66-67]. Что же касается структурно-синтаксической организации, то здесь характерным является наличие цепной местоименной синонимической связи как внутри СФЕ, так и между ними.

Индивидуальной стилистической особенностью синтаксиса эпистолярных писем М.А. Максимовича можно назвать опорное предложение,

являющееся в тексте сюжетообразующим, а с точки зрения грамматики – семантической и грамматической доминантой всего текста. Такие предложения, как правило, помещаются автором в первом СФЕ. Опорным может быть также последнее предложение первого СФЕ (как в первом и четвертом письмах данного цикла).

Характерным для писем публицистического характера является синтез разговорных и книжных конструкций. Отмечается небольшое количество простых предложений, в основном, вопросительных или восклицательных, которые часто имеют разговорный характер («*Не правда ли?*»; «*На что умножать сказки о первоначальниках козачества?*»; «*А мы и поверили!*» и др.). Они служат одним из средств актуализации внимания адресата, и в то же время, наряду с обращениями, являются средством реализации категории диалогизации.

В анализируемых видах писем широко используются сложносочиненные, сложноподчиненные и многокомпонентные сложные предложения, часто осложненные обособленными определениями и обстоятельствами.

С точки зрения эпистолярной структуры, эти письма зачастую выглядят незавершенными: в них могут отсутствовать традиционные приветствия (письма к М.П. Погодину «О горе Щекавице», «О Богдане Хмельницком» и др.) или прощание (письмо к М.П. Погодину «О десяти городах и некоторых селах древней Украины», письма к графине А.Д. Блудовой «О князьях Острожских» и др.). В некоторых письмах вместо приветствия используются зачины-обращения (с личным местоимением *Вы*) к конкретным адресатам в составе начальных предложений I СФЕ, например:

«Благодарю Вас за третью часть Вашего «Архива Юго-Западной Руси», которую я только что дочитал и весьма ею усладился»; «По вашему желанию возобновляю мою письменную беседу с Вами о козаках»; «В нынешнем письме я займу внимание Ваше книгами, изданными в Остроге».

Это значит, что, по сравнению с письмами официально-делового характера, публицистические письма М.А. Максимовича имеют более

свободную форму, в них частотны и сильны нарративные элементы, привлекающие внимание читателя, каковым является не только и не столько указанный адресат, но и подразумеваемый широкий, обобщенный, заинтересованный субъект. Для этого привлекаются и богатые лексические и стилистические ресурсы – выразительные средства языка, фразеологизмы разных типов, цитаты из украинских песен и т.д.

Следует отметить, что М.А. Максимович был прежде всего ученым-энциклопедистом, который оставил значительное наследие в различных отраслях науки. Н. Бойко, проводя в своем диссертационном исследовании комплексный анализ жизни и научной деятельности М.А. Максимовича, отмечает, что «для ученого характерным был широкий диапазон исследовательских увлечений, многогранность научных запросов, критичность мысли, конкретно-исторический анализ, взвешенность в постановке гипотез, строгая их проверка на основании первоисточников, которые в комплексе составили традицию его научных исследований» [27: 159].

Значительное количество его научных идей изложено в письмах к известным деятелям науки и культуры, писателям: М. Погодину, Г. Квитке-Основьяненко, М. Грабовскому, П. Кулешу и др.

Изложение научных взглядов требует научного способа подачи материала, что обуславливает появление в эпистолярных текстах М.А. Максимовича **элементов научного стиля**. Наиболее ярко черты научного стиля проявляются, на наш взгляд, в «Письме о философии» к Е. Юсуповой, представляющем собой философское письмо-рассуждение, а также в научных полемических статьях, написанных в форме писем: «Филологические письма», «Ответные письма» и «Новые письма» к М. Погодину, письмо к Г. Квитке-Основьяненко «О правописании Малороссийского языка».

Экстралингвистические признаки научного стиля – однородность тематического фактора (познавательные важные темы), логичность изложения, точность, предельная абстрактизация предмета речи, последовательность, доказательность ([107: 165], [162: 4], [172: 54], [4: 60-68] и др.) – определяют

своеобразие отбора и расположения в нем языкового материала: употребление специальной терминологической лексики (общеупотребительной и узкоспециальной), использование общеупотребительных слов в обобщенном значении; на грамматическом уровне в позиции предиката отмечается использование глагольно-именных конструкций вместо глаголов, а также форм настоящего времени глагола во вневременном значении; для синтаксиса характерно действие принципа структурной полноты в оформлении смыслового содержания, отсюда преобладание сложноподчиненных предложений с причинно-следственными отношениями частей, а также использование простых двусоставных распространенных предложений, осложненных обособленными определениями и обстоятельствами, вводными конструкциями и др. ([107: 164-175], [171], [4: 60-68], [118: 139-159], [189: 196-215] и др.). Основной функцией научной речи, как считают большинство исследователей ([53: 225], [55: 35], [106: 4], [118: 136] и др.), является информативная функция (сообщения).

В нашей работе рассматриваются научные полемические статьи в форме писем, основное содержание которых составляет полемика по поводу того или иного научного факта или явления, поэтому доминирующей в данном случае окажется функция воздействия. На это обстоятельство указывает и В. Наер, отмечая, что, «строя текст так, а не иначе, автор научного произведения обнаруживает свое отношение к тексту и недвусмысленное намерение подчинить читателя ходу своих рассуждений, к чему, собственно, и сводится, в конечном счете, смысл воздействия на читателя в научном тексте» [137: 18]. Сила же воздействия научного текста, в отличие от публицистического, по замечанию Н. Шанского, непосредственно зависит от того, насколько доказательны аргументы, приводимые автором, насколько логично, ясно и точно изложено содержание в научном тексте [189: 197].

Рассмотрим, как вышеперечисленные характеристики научного стиля проявляются в ЭТ научного характера М.А. Максимовича (25 текстов), выделенных нами в его эпистолярном наследии на основании их содержания

(научная проблематика), а также формы повествования (аргументативный способ изложения). Это открытые письма, предназначенные для публичного прочтения. Независимо от эксплицированных в них адресатов (выдающихся деятелей науки и культуры), они адресованы одновременно и определенной высокообразованной аудитории читателей того или иного периодического издания.

Рассмотрим структурную организацию нескольких из таких ЭТ.

Прежде всего, обращает на себя внимание их композиция: как и в письмах публицистического характера, она является незавершенной – во всех письмах зачины-обращения, оформленные в виде самостоятельных реплик, отсутствуют, а адресные формы представлены в виде адресных структур с личным местоимением или синтаксических обращений к соответствующим адресатам в составе начальных предложений главной информационной части, которые являются организующими, опорными в текстах: *«Вы не напрасно полюбили философию: без нее нет полного знания»*; *«Ты вызываешь меня, любезный академик, на ученый спор с гг. Срезневским и Лавровским!»* и др.

Информационная часть анализируемого типа писем содержит либо обоснование своего взгляда на научную проблему (как в «Письме о философии» к Е. Юсуповой), либо полемику по поводу какого-либо научного факта или явления (как в «Филологических письмах» к М. Погодину и др.).

Концовка писем, содержащих элементы научного стиля, в большинстве случаев соответствует эпистолярным нормам XIX века: *«М. Максимович»*, – однако иногда бывает и сокращенной, например, *«М. М.»*. Также следует отметить, что она представлена не во всех письмах. Например, в ЭТ-циклах прощание содержится только в последнем письме каждого цикла, что вытекает из логики построения цикла.

Ограничимся подробным анализом нескольких СФЕ из всего текста письма с проекцией на весь текст.

«Письмо о философии» М.А. Максимовича к Е. Юсуповой (полный текст приведен в Приложении 2.), датированное 6 сентября 1833 года [251], как

отмечает Н. Бойко, является важным разъяснением в понимании научных подходов М.А. Максимовича-философа в определении идейных основ его исторического мировоззрения, а также того круга проблем, которые подлежали историософской рефлексии ученого [27: 74].

Данный ЭТ представляет собой научную статью в форме письма, в которой взгляд ученого сосредоточен на решении проблемы определения философии «как науки наук», а также на выяснении ее содержания и назначения, поэтому этот текст можно считать политематичным.

Тематическая структура анализируемого письма дробится на микротемы, в связи с чем в ЭТ выделяется 9 СФЕ: I – аргументация постановки проблемы; II – убеждение как составляющая знания; III – любовь как составляющая знания; IV – значение философии; V – суть философии как науки; VI – характеристика философа; VII – структура философии; VIII – эволюция предмета философии; IX – роль философии на различных исторических этапах.

Для выявления особенностей членимости и цельнооформленности единиц ЭТ с элементами научного стиля рассмотрим подробно несколько СФЕ. Например, III СФЕ:

«Но основное всеобщее чувство есть любовь. Она есть высшее чувство нашей души, главное чувство природы, наконец чувство божественное: ибо Бог есть любовь, и пребывающий в любви в Боге пребывает. И так: без любви нет полного разумения; и можно доказать живыми еще примерами, что отличного разума мудрец, но с холодною, нелюбящею душою, не есть вещатель плодоносной мудрости. Разум кичит, любовь созидает. Истинная, живая мудрость разума утверждается на любви» [251: 424-425].

Данное СФЕ состоит из 5 предложений, причем первое является опорным. Основной номинацией в данном СФЕ выступает существительное *любовь* и его субститут местоимение *она*, что свидетельствует о наличии цепной местоименной синонимической связи между предложениями.

VIII СФЕ данного ЭТ построено в форме рассуждения и состоит из 7 предложений. Первое предложение, как и в предыдущем СФЕ, также является

опорным. Каждое последующее предложение подчинено предшествующему, что свидетельствует о последовательности и логичности изложения. Сигналом синсемантии и одновременно показателем цепной синонимической связи является номинационная цепочка, представленная именем *философия* и его субститутами: местоимением *она*, а также словосочетаниями *предмет философии, сей взгляд, имя философии*. Глобальным средством связности всего текста выступают прежде всего номинационные цепочки автора и адресата. Первая выражается с помощью личного местоимения *я* и его форм. Тематическая цепочка адресата выражена местоимением *вы* и его формами.

Анализ структуры СФЕ показал, что они имеют трехчленную композицию: первое предложение, как указывалось выше, является опорным (в нем содержится тема сообщения), далее следует ее разработка (аргументация), последнее предложение представляет собой заключение (вывод).

Основу лексического наполнения анализируемого письма составляет общеупотребительная лексика разных групп (*разум, расчет, убеждение, стихия, вера, сердце, любовь, природа, душа, наука* и др.), наряду с которой в тексте используются общенаучные (*закон, следствие, предмет, значение, система, введение, заключение, анализ, синтез* и др.) и специальные, в данном случае философские, термины (*материализм, идеализм, схоластизм, стоицизм, эпикуреизм* и др.). В письме также употребляется высокая поэтическая лексика (*пустыня бытия, божественное чувство, созидать, благоговение, греховный, гонения, гений истины, пучина* и др.). Ее автор использует, на наш взгляд, с целью подчеркнуть исключительное, высокое положение философии среди других наук и выразить собственное отношение к ней, кроме того, она позволяет придать художественный характер сухому, как принято считать, научному тексту.

Обращает на себя внимание использование специальных средств (в том числе дискурсивных слов и словосочетаний), обеспечивающих логичность изложения (*вышесказанных*); указывающих на причинно-следственные

отношения (*отсюда, потому, поэтому, от того*); на итог, вывод (*и так, таким образом*), – которые являются одним из признаков научного стиля.

Для синтаксиса рассматриваемого ЭТ, как и для синтаксиса научного стиля, характерен принцип структурной полноты, то есть информация в предложении выражается максимально эксплицитно. Отсюда использование предложений с ярко выраженной союзной и подчинительной связью, а также усложненных синтаксических конструкций.

Вместе с тем, следует указать, что в тексте письма, наряду со сложносочиненными, сложноподчиненными и многокомпонентными предложениями, широко используются простые предложения (почти половина) – двусоставные распространенные с именным сказуемым, а также осложнением причастными и деепричастными оборотами.

Среди сложноподчиненных и в структуре многокомпонентных сложных предложений ведущее место по употребительности (10 предложений из 26) занимают предложения с придаточными присубстантивными, что связано с проявлением такой актуальной для научной речи категории, как категория «признаковости» (выявление признака описываемого объекта). Используются также СПП с придаточными, выражающими причинно-следственные, целевые, изъяснительные и другие типы отношений, что способствует логичности и доказательности изложения информации.

Как одну из характерных синтаксических особенностей анализируемого ЭТ необходимо выделить также использование сравнений и сравнительных оборотов в различных синтаксических позициях (встречаются в 9 предложениях из 56), которые актуализируются часто в пределах всего предложения или даже высказывания, например:

«Подобно зимнему солнцу, она (философия) только светит на предметы, не пробуждая в них жизни; и от света ее часто на душу стелются только мрачные тени и леденеет чувство» [251: 423].

Данная конструкция в этом случае служат автору в большей мере для передачи экспрессии мысли, нежели экспрессии чувства. Эмоциональность

речи здесь также подчеркивает логически аргументированную авторскую мысль и способствует упрощению ее восприятия адресатом.

В тексте письма используются также вопросительные и восклицательные предложения, которые, как и обращения, служат активизации внимания читателя и являются средством реализации категории диалогизации («*Но где же убеждение?*»; «*Но что есть наука философия? Какой предмет её?..*»; «*Столь многозначительною, разнообразною являлась философия!*»).

Проанализируем «Филологические письма», «Ответные письма» и «Новые письма» М.П. Погодину, представляющие собой научно-полемиические циклы.

В результате анализа установлено, что они имеют сходную структуру и языковое оформление, в связи с чем считаем возможным ограничиться подробным разбором одного из циклов с проекцией на другие.

Научно-полемиический цикл «Филологические письма» к М.П. Погодину, состоит из 11 писем, соотносящихся с жанром научной полемиической статьи и объединенных общей темой – доказательство самобытности древнерусской народности и языка восточных славян [254: 183-243]. В каждом письме представлена подтема, включающая в себя несколько микротем, которые в целом способствуют раскрытию общей темы. Каждый ЭТ цикла обладает относительной смысловой законченностью и вместе с тем входит в общий проблемный комплекс, поэтому все письма анализируемого цикла можно считать политематическими. Анализ их информационных частей показал, что для их структурно-синтаксической организации характерна цепная местоименная синонимическая связь как внутри СФЕ, так и между ними. Тесной смысловой и грамматической спаянности как СФЕ, так и каждого ЭТ в целом служат две номинационные цепочки – автора и адресата. Средствами выражения авторской линии являются местоимение *я* и его формы, а также глаголы 1 лица единственного числа будущего и настоящего времени, которые указывают на субъект действия (*возьму, признаюсь, укажу, пропускаю, припоминаю* и др.). Параллельно выделяется тематическая цепочка адресата,

выраженная местоимением *ты* и его формами, а также императивными формами во 2 лице (*послушай*). Внутри СФЕ могут выделяться и специфические номинационные цепочки. Например, второе письмо I СФЕ:

«Приступая к рассмотрению новопринятых тобою положений, я, прежде всего, припомню, что наш Руський Первославянин и учитель, всеобъемлющий Ломоносов, давший нам, за сто лет, Грамматику, впервые обработанную по наречию Великороссийскому, ясно различал Славянский или Церковный язык от нашего Российского, природного языка, в котором он признавал три главных наречия (или диалекта): Северное, Московское и Украинское. И так у него, для будущей Славяно-Русской Филологии назnamenованы уже были два положения: во 1-х: об особенностях языка Церковно-Славянского, хотя и соплеменного нам, но отличного от природного языка Российского; во 2-х: о ближайшем сродстве Украинского, то есть Малороссийского и Великороссийских наречий, которых совокупность составляет одно неразрывное органическое целое, одну обширную Русскую речь. Оба Ломоносовские положения, в продолжение ста лет обратились в истину непреложную, оправданную всеми филологическими приметам, правилами и соображениями. Церковно-Славянский язык, в его собственной, древней, Кирилловской форме, какая нам показана Востоковым, по Остромирову Евангелию (1056-57), есть язык столь же отличный и далекий от природного Великорусского наречия, сколько и от Малороссийского; ближе всего он к языкам: Болгарскому, Сербскому, Хорватскому, и Хорутанскому, с которыми и составляет он особый, неразрывно-целый отдел Славянской речи, называемый Задунайским или Югозападным; там эти пять языков, можно сказать, как родные братья, точно также, как языки: Польский, Чешский, Словацкий, Лужицкий и Полабский, составляют другой, органически-целый и неразрывный, отдел Северозападный» [254: 189].

Показателями тесной семантической спаянности между предложениями в данном СФЕ, кроме тематических цепочек автора и адресата, являются также номинационные цепочки, выраженные: именем собственным *Ломоносов* и его

субститутами местоимением *он* и его формами, словосочетаниями *Русский Первославянин и учитель, Ломоносовские положения*; а также словосочетанием – *Церковно-Славянский язык* и его субститутами: местоимением – *он* и существительным *язык*, выступающим в качестве контекстуального синонима к данному выше словосочетанию.

В 3 письме, образующем I СФЕ представлена номинационная цепочка, выраженная именем собственным *Владимир* и его субститутами-словосочетаниями: *князь Володимир, великий и святой Просветитель Руси, Святой князь, Святой Володимир, Ласковый князь Володимир, Князь Киевский, Равноапостольный Князь*.

В рассматриваемых письмах содержится полемика по поводу различных научных явлений и фактов, что обуславливает такой способ подачи информации, как научный диалог, так как автор полемической статьи не может не дать слова своему противнику, не может не включить в свое изложение как реальные, так и потенциальные возражения по поводу своей концепции, а также свои ответы, опровержения. Поэтому и высказывания в анализируемых письмах часто построены в форме вопросно-ответных единств или полного цитирования утверждения оппонента с последующей аргументацией своей точки зрения, например:

«Ты говоришь о Малороссийском наречии: «Покажите нам степени его родства с прочими, так называемыми, Восточными и Западными Славянскими наречиями». Я на это скажу: смотри в «Начатках Русской Филологии», где об этом сказано коротко, да ясно! – Ты говоришь: «Покажите или, лучше отыщите, присутствие в нем восточного элемента, т. е. следы влияния Торков, Печенегов, Черных Клобуков!» – Я на это скажу: взгляни на IX главу моей «Истории древней Русской Словесности», 1839 г., где положено уже начало решению твоей задачи» [254: 187];

«Много ли тут Малороссийский летописатель, в самый разгар Козаччины, обронил из своего наречия?.. Слово межси, вместо Церковного между, слово, которое издревле видно и в географических Южнорусских

именах: Межибожье, Межимостье, Межигоры, Межиречь, также написано оно в Олеговом договоре: «быти межю вами», и у Нестора: «что ради губивъ дружину межю собою», или «а Кытанъ ста межю валомъ съ вои», – и в Киевской летописи (об тех же Переяславских двух валах, до ныне уцелевших, и сходящихся в один вал недалеко от села Стряковы) сказано, под 1149 годом: «а Гюгри стоя три дня у Стряковъ... и ста межю валомъ» [254: 211].

М.А. Максимович логично, последовательно анализирует положения и замечания М.П. Погодина, согласно которым русский язык происходит из церковнославянского, а в более древней форме отождествляется с ним. Он аргументированно излагает свою точку зрения, отстаивая самобытность и генетическое родство русского и украинского языков, приводя весомые доказательства, основанные на анализе таких первоисточников, как «Слово о полку Игореве», «Киевская летопись», договоры Олега, Святослава с греками и других исторических памятников XI века.

В письмах данного типа автор приводит прямые цитаты из перечисленных произведений, а также отрывки из народных песен и пословицы, которые помогают ему обосновать свою точку зрения, поэтому рассматриваемые письма, как и письма, содержащие элементы публицистики, мы относим к «текстам со сложной структурой» [51: 66-67].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что отличительной чертой данного типа писем является ярко выраженная категория диалогизации, которая, кроме форм личных местоимений, поддерживается использованием обращений, вопросительных, восклицательных и побудительных предложений.

Лексика рассматриваемых писем, как и анализируемого выше ЭТ, представлена в основном тремя пластами: это общеупотребительные (*знание, сознание, спор, народ, книга, верование* и др.) и общенаучные слова (*понятие, тождество, закон, система, исследование, гипотеза* и др.), а также специальная терминология (в данном случае лингвистическая: *наречие, грамматика, диалект, существительное имя, прилагательное имя, форма слова, полногласные слова, корень, окончание, глагол, слог* и др.). Вместе с тем,

отмечается наличие разговорной лексики и фразеологии (*частехонько, словцо, припомню, книжка, не впопад, задерет за живое, пробежали мурашки, коротко да ясно* и др.), что обусловлено диалогичностью изложения (как бы имитацией естественного диалога), и, по мнению М. Кожиной [107: 171-172], И. Сеницы [176: 57] и др. исследователей, является характерной чертой научных полемических произведений.

Еще одной характерной чертой данных писем является использование форм глагола настоящего времени во вневременном значении: *ты вызываешь, ты называешь, ты говоришь, ...в творениях Св. Кирилла Туровского читаем..., Русь переходит туда из нашего Малороссийского края..., ...Малороссийское наречие постоянно удерживает в нем звук...* и др.

В результате анализа синтаксиса научных писем выявлено, что в них, как и в рассматриваемом выше ЭТ, используются простые двусоставные распространенные предложения, сложносочиненные, сложноподчиненные и многокомпонентные сложные предложения.

Таким образом, ЭТ научного характера имеют форму рассуждения или полемики, обобщенного адресата (хотя иногда и обозначенного как конкретное лицо) и по своей структуре очень близки к собственно научным или научно-популярным текстам.

В собственно личной переписке, к которой мы относим дружеские, бытовые, интимные и т.п. письма, ярко отражается состояние языка соответствующей эпохи, особенности его функционирования и вместе с тем проявляется своеобразие индивидуального стиля авторов. На это обстоятельство указывает И. Кручинина, отмечая, что «лингвистическое изучение живых биографических материалов, прежде всего писем, существенно не только для выяснения того, какое преломление получает практический, повседневный язык писателя в его творчестве, в формировании его индивидуально-художественного стиля, но и того, какие черты общенародного и литературного разговорного языка своей эпохи он непреднамеренно (или сознательно) отражает» [112: 25].

Значительное место в собственно личной переписке М.А. Максимовича занимают дружеские и бытовые письма, в которых тяготение к зоне разговорной речи проявляется в наибольшей степени, о чем свидетельствует тематика, сфера использования, а также характер взаимоотношений автора и адресата; преобладание в них разговорной лексики и разговорных синтаксических конструкций.

Личным письмам присущи такие признаки разговорной речи, как неподготовленность (спонтанность), непринужденность, непосредственность общения, которые, как уже отмечалось, тем не менее, преломляются и в них.

Личная переписка имеет персонифицированный характер, то есть она всегда предполагает конкретного адресата. Переписка с друзьями, родственниками строится на основе равноправных отношений корреспондентов. Определяющими факторами при написании письма конкретному адресату, с нашей точки зрения, являются социальный фактор (принадлежность к одной социальной группе), личностный фактор (сходство интересов, увлечений, родственные отношения), а в некоторых случаях – возрастной фактор (ровесники). На уровне текста фактор учета адресата проявляется в выборе форм обращения, различных средств номинации адресата, в своеобразии структурно-композиционного построения и тематического наполнения ЭТ, его стилистического и языкового оформления.

Многие ученые ([187: 85], [19: 80], [5: 25] и др.) отмечают, что дружеские, бытовые, интимные письма характеризуются относительной содержательной свободой, политематичностью, мозаичностью, что обуславливает их полифункциональность. Подчеркивается ([19: 80-81], [103: 73-74] и др.), что для неофициального письма характерны коммуникативная (общение), информативная (сообщение), прагматическая (воздействие), экспрессивно-оценочная (самовыражение, оценка), фатическая (контактоустанавливающая) функции. На наш взгляд, наиболее значительной из перечисленных функций для личных писем является коммуникативная, которая в большей степени отражает лично ориентированный характер общения.

Политематичность и полифункциональность в определенном отношении сближают данный тип эпистолярного текста с текстом разговорного функционального стиля, а также с разговорным диалогом (устной речью). При этом «нежесткая организация» [2: 59] не лишает личное неофициальное письмо текстового статуса и не может служить основанием для отождествления его с разговорным функциональным стилем или разговорной речью. Личное письмо имеет преимущественно трехчастную композицию, определенную текстовую организацию. Для разговорного же текста, как отмечает Т. Матвеева, трехчастная структура не характерна. Композиционно-структурные части разговорного текста, по мнению автора, языковыми связками не выделяются. Явственно и последовательно в разговорном тексте обозначаются только сдвиги и смена темы, а не ее развитие [135: 120]; он ограничен сферой бытового общения и характеризуется непосредственностью, неподготовленностью общения, перебивками и самоперебивками.

Исходя из вышеизложенного, собственно личное письмо определяем как речевое высказывание, направленное конкретному адресату, находящемуся в дружеских или родственных отношениях с адресантом, и характеризующееся наличием стандартных эпистолярных элементов (обращение, подпись, дата и место написания), допускающих некоторую вариативность, а также достаточной содержательной свободой, политематичностью, полифункциональностью, которые обуславливают возможность использования элементов разговорного стиля.

Рассмотрим, как вышеперечисленные характеристики личных писем проявляются в эпистолярных текстах М.А. Максимовича, соотносимых с разговорным стилем.

Материалом для анализа послужили 78 дружеских письма М.А. Максимовича к К.С. Сербиновичу, О.М. Бодянскому, С.П. Шевыреву, Т.Г. Шевченко, П.Г. Лебединцеву, П.А. Кулешу и др. адресатам, а также 83 бытовых письма к жене – Марии Васильевне Максимович и 4 письма к брату –

Василию Ильичу Тимковскому, 1 письмо к Максимовичам Ивану Ивановичу и Елене Васильевне (дедушке и бабушке).

Объем писем, соотносимых с разговорным стилем, различен и зависит от их тематики, а неофициальность переписки, разнообразие общих интересов корреспондентов определяют богатое их тематическое наполнение: быт, семейные дела, творчество, психологические и физические проблемы, общественно значимая тематика – и подробное описание событий.

Дружеская переписка М.А. Максимовича, как и переписка с родственниками (дедушкой, бабушкой, братом и женой), характеризуется статусным равноправием, а также обусловлена близкими доверительными отношениями, непринужденным тоном коммуникации и небрежным отношением коммуникантов к соблюдению общепринятых правил речевого этикета. Отсюда – их достаточно свободное структурно-композиционное построение (отсутствие традиционных зачинов, концовок, датирования писем, форм прощания и т.д.).

В собственно личной переписке М.А. Максимовича используются как традиционные («*Милостивый Государь Константин Степанович!*», «*Почтеннейший Петр Гаврилович!*», «*Любезнейший Степан Петрович!*» и др.), так и достаточно оригинальные формы обращения, которые указывают на неформальный, доверительный, фамильярный характер переписки («*Коханый земляче, Тарас Григорьевич!*», «*Дорогой брат и друг, Василий Ильич!*», «*Почтенный и достолюбезный земляче, Осип Максимович!*» и др.). Во многих письмах зачины-обращения, оформленные в качестве самостоятельных реплик, вообще отсутствуют, при этом адресные формы представлены в виде обращений к соответствующим адресатам в составе начальных предложений информационной части:

«*Не пора ли, наконец, аукнуться нам с тобою, мой возлюбленный брат и друг, Василий Ильич?..*» [240: 4980]; «*Как вы здравствуете, почтеннейший Петр Гаврилович, ради великого поста?*» [234: 4788].

Основными критериями выбора той или иной формы обращения в неофициальных письмах М.А. Максимовича являются степень знакомства адресанта и адресата, характер их личных отношений: официально-дружеские (переписка с редакторами журналов П.Г. Лебединцевым, К.С. Сербиновичем и др.), фамильно-дружеские (переписка с родственниками, близкими друзьями).

Обратимся к текстам.

Письмо М. Максимовича к П. Кулешу от 20 января 1854 г.:

«Письмом вашим, милый друже, от 28 дек. зело усладился, хотя в нем и отозвалась маленько горечь жизни, в подобие припаленного сахару ... Что делать, такая уж доля человеку в подлунном, вольном свету, как выражаются слепые певцы Русские, в своих Стихах про Лазаря убогого и прочих. Радуюсь я, и жена моя, поданною нам надеждою посещения вашего нашей Горы весною; а то уж огорошили было, что на год с лишком застряли в граде Петровом А у меня все неудовлетворенная жажда Москвы. Ее усилила до смаги на губах здешняя новая родня моя, от чего, вместе со всяким иным неудобством здешней жизни моей, не сказать хандра, к сообщению с миром, что я на все праздники уединился в Межгорский монастырь, воссозданный в сказании моем из атомов, во ста местах набранных; по временам только выхожу из монастыря в Полки и Сотни, где тоже приходится аки пчел собирать, и добро бы мед, а то пергу не вкусную, чтобы из нее ссучить восковую свечку на поминание покойникам родины моей Сегодня, Слава Богу, уже повеяло оттепелью, хотя снег велик очень лежит на земле, и кажется далеко еще до весны. Еще раз скажу, что месяц, если не больше, духом моим был я совершенный отшельник, и все житейское и живущее не занимало меня: почему и все (внешнее) в великом запущении, начиная с переписки с друзьями – все они по праву могут назвать меня “Михайлом Молчаливым”, почти к первому к вам в нынешнем году вот – это отзываюсь ... – хотя мысленно, в часы, когда не могу читать и писать, обо всех вспоминаю нередко. Поклонитесь же с сим словом достойнейшему нашему П. А-чу, которого

письмом я был грустно одушевлен и весьма ему за это благодарен. (Письма Г. лучше всего возвратит ему, чтобы он переслал их мне, как знает вернее).

Радуюсь, что письма, к Вам посланные, послужили добрым запасом приятелю вашему М. для биографии Гоголя. Уверен, что она будет прекрасна, и что я читаючи ее буду рукоплескать припеваючи: не бойся, не бойся, в червонные чоботы обуйся! Если попадетя в кипе затаившийся где-то остаток Гоголевского писанья, то с первою почтою пришло: в следующее воскресенье предложил себе развязать и перебрать бумажный хлам, почти для этого собственно; а лежит он во флигеле, куда редко проникаю.

Пишите почаще ко мне, если вам эта заочная беседа приносит хоть половину такого удовольствия, какое мне от нее, каждый раз как привезут из Золотоноши ваш конверт. Господь да поможет вам жить там хорошо, а приехать сюда еще лучше, отогреться и освежиться привольем Днепра-Славутицы. Недале, как вчера, Маруся моя с удовольствием румяным говорила мне уже о том, как она по прошлогоднему поедет с вашею жинкою и свестью (купаться) на Днепр ... – кланяйтесь же им обеим от нас обоих, и привозите их скорее! – А Вам пока вот дуэт от меня на память и в дар на нынешний год:

Он

Ой, жинко моя,

Белозирко моя!

Як ты ходишь по хате,

Легко сердцю здыхати!

Она

И вчора кулеши,

И сегодня кулеши:

Приди, приди, серденько,

Мою душу потешь!» [248: 128-130], –

соотносится с разговорным стилем по тематике: речь в нем идет о бытовых делах, погоде, самочувствии, просьбах, творчестве и приглашении приехать, что указывает на политематичность текста.

Данный ЭТ состоит из 18 предложений, образующих V СФЕ. Тесному смысловому и грамматическому единению всего текста служат две номинационные цепочки – автора и адресата. Средствами выражения авторской линии являются местоимение *я* и его формы, а также глаголы 1 лица, единственного числа, прошедшего и настоящего времени, указывающие на субъект действия (*усладился, радуюсь*). Параллельно выделяется тематическая цепочка адресата, выраженная местоимением *вы* и его формами, также императивами 2 лица множественного числа (*поклонитесь, пишите* и др.). Тесному смысловому объединению предложений в единое целое способствует также употребление лексики с семантикой письменной коммуникации (*письмо, переписка, переслал, почтою пришлю, пишите* и др.).

Однако внутри III и IV СФЕ выделяются и специфические номинационные цепочки. Так, в III СФЕ показателями тесной семантической спаянности между предложениями являются номинационные цепочки, представленные именем собственным *Петр Александрович (П. А-ч)* и его субститутом местоимением *ему*. В IV СФЕ номинационная цепочка представлена словосочетанием *биография Гоголя*, его субститутом местоимением *она*, а также словосочетанием *Гоголевское писанье*.

Таким образом, для структурно-синтаксической организации анализируемого текста характерна цепная местоименная синонимическая связь как внутри СФЕ, так и между ними.

В I и II СФЕ присутствуют автосемантические структуры. В I СФЕ это предложение: «*Что делать, такая уж доля человеку в подлунном, вольном свету, как выражаются слепые певцы Русские, в своих Стихах про Лазаря убогого и прочих*». Оно отражает отвлеченное авторское рассуждение. Во II СФЕ это предложение: «*Сегодня, слава Богу, уже повеяло оттепелью, хотя снег велик очень лежит на земле, и кажется далеко еще до весны*». Эти предложения, на первый взгляд, выпадают из общего контекста письма. Однако в данном случае необходимо подчеркнуть роль пресуппозиции – текстовой и экзистенциальной бытовой. Так, первое предложение представляет собой

реагирующую реплику на предыдущее письмо адресата, смысл которой восстанавливается при помощи интертекстуальной пресуппозиции. Во II СФЕ автосемантическое предложение, содержащее рассуждения о погоде, вклинивается в рассказ о бытовых делах и самочувствии: адресат и адресант находятся в близких дружеских отношениях, поэтому П.А. Кулеш осведомлен о плохом здоровье М.А. Максимовича и о зависимости его самочувствия и работоспособности от погодных условий.

Наличие общих пресуппозиций обуславливает еще одну характерную черту собственно личного письма М.А. Максимовича – достаточно высокий процент имплицитно выраженной информации, что связано с интимным характером переписки с друзьями и родственниками. В анализируемом тексте импликациями служат сокращенные имена собственные (*поклонитесь П. А-чу* – Петру Александровичу Плетневу, *письма Г.* – письма Гоголя, *приятелю М.* – имеется в виду псевдоним Кулиша «Николай М.»), содержание которых восстанавливается за счет пресуппозиций.

Категория имплицитности реализуется в данном тексте и на синтаксическом уровне, что проявляется в широком использовании односоставных (определенно-личных, неопределенно-личных и безличных), сложноподчиненных предложений, главная предикативная единица которых часто выражена односоставным или неполным предложением.

Следует отметить, что этот ЭТ, как и многие другие письма М.А. Максимовича, мы относим к «текстам со сложной структурой» [51: 66-67]. В них широко используются пословицы и поговорки, стихотворения и песни, которые органично вплетены в ЭТ, формируя элементы языковой игры в нем, и в то же время существуют как самостоятельные произведения. Они являются отражением авторского влечения к изучению народного творчества, а в некоторых случаях и результатом его собственного мастерства.

Так, это письмо неожиданно заканчивается песенкой, в которой автор играет словами, составляющими фамилии мужа и жены: жена Кулиша урожденная Белозерская:

«Он

Ой, жинко моя,

Белозирко моя!

Як ты ходишь по хате,

Легко сердцю здыхати!

Она

И вчора кулеш,

И сегодня кулеш:

Приди, приди, серденько,

Мою душу потешь!» [248: 130].

Вообще, письмо проникнуто теплыми чувствами и свидетельствует о дружеских и сердечных отношениях адресата и адресанта. Нарративность текста проявляется в наличии хоть и не событийного, но психологического сюжета, проявляющегося в смене состояний и обозначенного использованием единиц со значением родственных связей (*жена моя, родня*), психических и физических состояний, просторечий и украинизмов (*маленько, друже, жинка*).

Проанализируем информационную часть письма М.А. Максимовича к двоюродному брату Василию Ильичу Тимковскому от 28 января 1873 г.:

Не пора-ли, наконец, аукнуться нам с тобою, мой возлюбленный брат и друг, Василий Ильич?.. После приятнейших дней, проведенных с тобою в прошлом мае, на Неве и на Славянке; а вместе с тобою и вся, там привитающая Тимковщина наша, так часто, и наяву и во сне, мне представляется очень живо, в моем Михайлогорском отшельничестве. Под час, мне желалось, чтобы и без моих письменных вопросов, прилетели ко мне вести о вас: каково здоровье твое, по возвращении из Турановки, так надолго тобою почти покинутой? Как здравствуют ныне наши старейшины, Егор Федорович с Юлией Павловною? Что ныне с нашею ... с нашею Елисаветой Ильиничной и всеми членами ее семейства? При первом свидании с ними, прошу тебя, милый брат, передай им мой полносердечный, родственный привет и поклон, – а также и от Маруси моей, и от моего сынишки Алексейка,

– которым хорошо уже известно, что лучшая сторона моего бытия, от рождения и до старости – Тимковщина. Мне весело и пером написать тебе это, помнится сказанное тебе в наших майских личных беседах. В ту пору были у нас с тобою и речи, и чтения для биографии пяти братьев Тимковских, некогда означенной мною в скороспешном наброске, для покойного Шевырева написанного в посланном мною сестре Лизе, а ею переданном тебе. Отложить эту биографию в долгий ящик не должно. Всего лучше, если б и окончательную обработку ее, и ее издание в свет, ты взял бы на себя, при пособии наших благонадежных Новгородсеверцев Заблоцких. Всего лучше – издать бы ее особою книжкою; а не то, в Старине Семева, так как корректуру вы в Питере сообща держать можете [240: 4980].

Письмо совпадает с абзацем, состоящим из 11 предложений, образующих 2 СФЕ. Данный ЭТ явно соотносится с разговорным стилем по тематике: в нем обсуждаются семейные дела, родственники, а также идет речь о творчестве, что, как и в предыдущем письме, указывает на политематичность текста и на его повествовательный характер.

Как и в проанализированном выше письме, в данном ЭТ выделяются две номинационные цепочки – автора и адресата. Первая выражается с помощью притяжательного местоимения *мой* и его форм. Тематическая цепочка адресата выражена местоимением *ты* и его формами. Кроме номинационных цепочек адресата и адресанта, выделяется еще и общая для автора и адресата, объединяющая номинационная цепочка, представленная притяжательным местоимением *наш* и его формами.

Показателем тесной семантической спаянности компонентов II СФЕ является номинационная цепочка, представленная словосочетанием *биография пяти братьев Тимковских* и ее субститутами: словосочетанием *эту биографию* и местоимением *ее*, что свидетельствует о наличии цепной местоименной синонимической связи между предложениями.

На синтаксическом уровне в этом письме наблюдается использование разговорных конструкций: вопросительных и односоставных предложений,

осложненных обращениями, которые являются ярким средством реализации категории диалогизации. В тексте представлены также и сложные синтаксические конструкции: сложносочиненные, сложноподчиненные и многокомпонентные сложные предложения.

Концовка собственно личных писем М.А. Максимовича может быть как традиционной, соответствующей эпистолярным нормам XIX века (*«При сем свидетельствуя вам мое почтение, имею честь быть вашим покорным слугою М. Максимович»*), так и достаточно оригинальной (*«Будьте здоровеньки! Да хранит и крепит вас добрый гений, святой дух славяно-русский»*, *«Мысленно обнимаю вас, – низенько кланяюсь подружью вашему, – вам преданный М. Максимович»*, *«Ваш М.М.»* и др.). Выбор той или иной формы прощания, на наш взгляд, зависит, как и выбор форм обращения, от личных отношений между коммуникантами.

Анализ основных типов писем М.А. Максимовича и их структуры, позволяет сделать вывод о том, что в них проявляются черты тех речевых стилей, с которыми они соотносятся, – официально-делового, публицистического, научного и разговорного. Структура текста определяется сферой его использования, замыслом автора, а также характером адресата. Наиболее строгую, традиционную форму имеют письма официально-делового характера, хотя в некоторых из них наблюдается незначительное количество нарративных элементов и средств экспрессии. Научные письма имеют форму рассуждения или полемики, в публицистических ЭТ значительное место занимают повествовательные элементы и формы воздействия на адресата. Оба эти типа писем имеют широкого, обобщенного адресата, хотя конкретный получатель также часто называется. Наиболее свободную форму имеют собственно личные письма, содержащие большое количество повествовательных и экспрессивных элементов. Именно они дают богатый материал для характеристики естественной речи автора, его языковой личности.

2.2.2. Прямые и косвенные средства выражения просьб

Еще один тип общетекстовых дискурсивных единиц – директивные выражения. К ним относятся структуры, выражающие просьбы, желания, советы, разрешения, предостережения, приказы, т.е. любые волеизъявления. Некоторые из таких структур закреплены в форме этикетных формул, некоторые используются ситуативно.

В эпистолярном наследии М.А. Максимовича этикетные формулы просьбы занимают важное место, так как, с одной стороны, они выступают одним из основных мотивов написания писем, а с другой – вместе с этикетными формулами обращения и прощания определяют тональность всех посланий автора. Единицы, служащие для оформления этикетных формул просьбы, отличаются богатством и разнообразием форм. Выбор той или иной конструкции зависит от многих факторов, среди которых – степень знакомства автора с адресатом, характер их личных отношений, социальные характеристики (возраст, социальный статус, должность), сфера использования текста, целеустановка, а также личные предпочтения автора.

Каждый тип писем М.А. Максимовича демонстрирует свой набор этикетных единиц, служащих для оформления этикетных формул просьбы, которые различаются структурой, стилистической окраской, степенью стандартизованности.

Просьба – это сложный акт коммуникативной деятельности, определяется как разновидность коммуникативного высказывания, цель которого – вызвать у собеседника реакцию в виде действия [11: 368]. Следовательно, просьба принадлежит к таким этикетным формулам, которые способны активно воздействовать на адресата, в той или иной степени побуждать его к выполнению определенного действия. Для успешного выполнения коммуникативного намерения адресанта просьба требует специального языкового оформления, которое обязательно должно реализовывать правила языкового поведения и категории вежливости. Без учета правил вежливости в

оформлении этикетных формул просьбы речевой акт не приобретает достаточной силы воздействия и желание может не реализоваться.

Именно поэтому М.А. Максимович, как человек высокообразованный и превосходно владеющий эпистолярным мастерством, стремился выбрать самое подходящее слово в каждой конкретной ситуации общения с каждым конкретным адресатом.

Во всех типах писем М.А. Максимовича просьбы связаны преимущественно с рабочей и научной деятельностью автора, за исключением собственно личных писем, где, кроме вышеперечисленных мотивов, конечно же, присутствуют и личные интересы.

Среди выражений, служащих для оформления этикетных формул просьбы в официально-деловых, публицистических, научных и собственно личных письмах М.А. Максимовича, следует в первую очередь отметить конструкции с ключевыми лексемами *просить, просьба, прошение*:

«Препровождая при сем Словарь и Грамматику, составленные г. Носенком, честь имею представить мое мнение об оных, написанное для представления Господину Министру, и покорнейше прошу извинить меня великодушно в замедлении, с которым я исполнил сие поручение: причину тому множество других занятий и расстроенность здоровья, которую в последнее время я опять стал чувствовать» (к С.И. Давыдову) [274: 5]; *«Посему осмеливаюсь утруждать Ваше Превосходительство еще сим особенным моим **прошением**, которым я покорнейше прошу ходатайства Вашего об увольнении меня в 4-х месячный отпуск с удержанием жалованья и с выдачею соразмерно оному единовременного пособия»* (к Е.Ф. Брадке) [264: 282]; *«Попроси же его об этом от себя и от меня, и напечатай в Москвитяине!»* (к М.П. Погодину) [254: 343]; *«Но возвращаюсь к брату его, Михаилу Юрьевичу, с покорнейшею к тебе о нем **просьбою**: обрати свое **внимание**, для его биографии, на один подвиг его весьма для меня замечательный»* (к М.П. Погодину) [254: 259].

Кроме вышеназванных лексем, автор часто использует именные и глагольные конструкции со значением просьбы: *позволю себе надеяться, в душе уповаю, с упованием к вышеизложенным желаниям моим, благоволите (что-то сделать), будьте добры, пожалуйста, если уже есть ваша на то ласка, (сделайте) на милость, сделайте одолжение* и др. Более настойчивые просьбы в собственно личных письмах к жене, близким друзьям М.А. Максимович оформляет с помощью устойчивых выражений: *Бога ради, Бога для, ей Богу*.

Во всех типах писем М.А. Максимовича функционируют специализированные (прямые) и неспециализированные (непрямые) способы выражения просьбы. К прямым способам выражения просьбы в первую очередь относятся конструкции с глагольным компонентом *просить* (*прошу, попрошу, попросил бы, буду просить, принужден просить, осмеливаюсь просить* и др.), именными компонентами *просьба, прошение*, а также глаголами в форме императива.

Наиболее частотными, стилистически нейтральными средствами выражения просьбы в официально-деловых, публицистических, научных и собственно личных письмах М.А. Максимовича являются конструкции (я) *прошу* (*молю* в собственно личных письмах) *Вас (тебя)*, в которых оттенок императивной семантики выражается лексическим значением глагола. Такие этикетные формулы характеризуются максимальной силой влияния на адресата, поскольку автор выражает свое намерение лично:

«Осмелившись изъяснить все сие так, как оно есть в душе моей, еще раз убедительнейше и покорнейше прошу Ваше Превосходительство оказать мне благодетельное участие Ваше перемещением меня из Москвы в Киев, где я надеюсь обновиться в здоровье моем и спокойствии душевном» (к С.С. Уварову) [256: 272]; *«Прошу вас указать мне их; – я их еще не знаю...»* (к М.А. Грабовскому) [252: 254]; *«...и я в свою очередь попрошу вас вашими же словами: «нехай так зостається»* (к Г.Ф. Основьяненку) [254: 317]; *«А потому прошу и молю вас: вышлите ее хоть в Золотоношу на мое имя...»* (к

О.М. Бодянскому) [266: 173]; «Если что отпечатаешь, **прошу тебя, присылай мне тотчас**» (к С.П. Шевыреву) [263: 292].

В официально-деловой переписке М.А. Максимовича конструкции с глаголами *просить*, *прошу* используются, как правило, в сочетании с дополнительными средствами выражения уважения: *позволю себе надеяться; в надежде на то внимание и участие, которыми вы меня удостоили; предоставляя все сие благоусмотрению Вашего Сиятельства; с упованием благосклонного внимания Вашего и др.* Чаще всего они наблюдаются в письмах к министру Народного Просвещения С.С. Уварову, попечителю Киевского учебного округа Е.Ф. Бадке, попечителю Киевского учебного округа С.И. Давыдову и др. в просьбах, суть которых сводилась к восстановлению адресанта в ту или иную должность, которые он был вынужден оставить из-за болезни, или в других деликатных просьбах, связанных с его трудовой и научной деятельностью:

*«Изъявляя сие глубокое душевное желание мое и с надеждою на то внимание и участие, которыми вы меня удостоили, **покорнейше прошу Ваше Превосходительство назначить** меня в Университет Св. Владимира профессором минералогии либо физики, если уже заняты кафедры зоологии и ботаники»* (к С.С. Уварову) [256: 271]; *«Предоставляя все сие благоусмотрению Вашего Сиятельства, **честь имею покорнейше просить, дабы мне было назначено три лекции в неделю с ежемесячным производством сказанной оплаты за каждую лекцию**»* (к С.И. Давыдову) [264: 291].

Этикетные конструкции с компонентами *просить*, *прошу* в собственно личной переписке М.А. Максимовича характеризуются бóльшей простотой и лаконичностью в сравнении с этикетными формулами просьб в официально-деловых письмах. Это объясняется тем, что близкие, теплые отношения между коммуникантами позволяют автору послания обходиться без церемоний, прямо и непосредственно обращаться к адресату. Такие просьбы зачастую сопровождаются сравнениями, словами субъективной оценки:

«...я и **прошу вас**, как Миноса, **сказать в беседе ваше решение о языке Нестора и Киевской летописи**» (к О.М. Бодянскому) [266: 146]; «**Особенно прошу Вас поработать над средним периодом (XIV – XVII)...**» (к С.П. Шевыреву) [263: 280]; «**От всей души обнимаю тебя, моя возлюбленная, и моего единственного Алексейка, прошу сберечь его в полном здоровье**» (к жене М.В. Максимович) [245: 49]; «**С сими чувствами целую ваши ручки и прошу вашего мне благословения**» (к бабушке и дедушке) [246: 86].

Для выражения более настойчивой просьбы в данном типе писем М.А. Максимович использует расширители ключевых лексем, которые указывают на меру и степень выражения просьбы разной стилистической окраски: *покорно, покорнейше, неотвязно, условно, прытьмом* и др., а также такой стилистический прием, как повтор (повтор опорных лексем или их расширителей):

«**А в ту копию моего письма, которую я просил Вас и вновь прошу поручить** какому-либо борзописцу **сделать** для жены моей, **пусть он включит несколько строк, которые здесь напишутся ...**» (к С.П. Шевыреву) [263: 282-283]; «**Простите, что с такою ненасытностью, так неотвязно и даже условно прошу Вас...**» (к П.А. Вяземскому) [256: 86]; «**В VII не опечатка, а глупая с моей стороны прибавка в скобках червонцев – к слову золотых! Прошу вас прытьмом: выкиньте эти червонцы, в скобках приписанные, чтоб их не было совсем в тексте**» (к П.Г. Лебединцеву) [262:408].

Сила воздействия на адресата также значительно увеличивается благодаря постпозитивному использованию наречий по отношению к глаголам *прошу, попрошу*:

«**Приложенные экземпляры прошу покорнейше передать** один г. Краевскому, а другой Нестору нашей Славеничины – А.Х. Востокову и при случае рекомендовать ему в знакомство меня, как новобраного словенина» (к К.С. Сербиновичу) [249: 261].

Такие этикетные формулы просьбы встречаются в собственно личных письмах М.А. Максимовича к К.С. Сербиновичу, С.П. Шевыреву,

П.А. Вяземскому, П.Г. Лебединцеву и др., с которыми автора связывали дружеские или официально-дружеские отношения, чем обуславливается характер использования этикетных расширителей в письме к тому или иному адресату.

В некоторых собственно личных письмах, в частности к другу и земляку О.М. Бодянскому, жене М.В. Максимович, ученый использует этикетные формулы мольбы, специализированным средством выражения которых является лексема *молю*. Как отмечает В. Дементьев, ситуацию просьбы и мольбы объединяет «отсутствие у говорящего официального права распоряжаться поступками адресата» [64: 109]. В то же время они отличаются способом воздействия на получателя: просьба просто информирует о желании автора письма, мольба апеллирует к эмоциям адресата:

*«А потому **прошу и молю вас: вышлите** ее хоть в Золотоношу на мое имя, чтобы мне явиться сюда с нею в августе и не слышать вновь докучных, впрочем, справедливых требований»* (к О.М. Бодянскому) [266: 173].

Рассматриваемые этикетные формулы просьбы имеют специфическую двучастную структуру – глагольно-пропозиционную. В первой части три компонента: глагол и его валентно обусловленные актанты – соответствующий адресанту и соответствующий адресату. Вторая часть представляет собой содержание просьбы:

*«Но как надлежащая пора для отъезда на Кавказ мною уже пропущена, то я **принужден**, ограничась на сей год московскими искусственными водами, **просить Ваше Превосходительство** о дозволении мне воспользоваться оным отпуском в начале весны будущего года»* (к С.С. Уварову) [264: 277]; *«По сей собственно причине я **решился просить Ваше Высокопревосходительство о принятии меня преимущественно на таковую службу – в должности, какой усмотрением Вашим меня удостоите**»* (к С.С. Уварову) [264: 297].

Такие этикетные выражения, в которых присутствуют все описанные выше компоненты (адресант, адресат, глагол), считаются основными формами оформления просьбы. Однако, как показывает анализ эпистолярного наследия

М.А. Максимовича, они используются автором лишь в некоторых официально-деловых письмах к министру Народного Просвещения С.С. Уварову, редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К.С. Сербиновичу, попечителю Киевского Учебного Округа Е.Ф. Брадке; в одном из научных писем к Г.Ф. Квитке-Основьяненко, а также в небольшом количестве собственно личных писем к С.П. Шевыреву, О.М. Бодянскому, Н.Н. Похвисневу и др., где автор обращается к адресатам с серьезной просьбой, выполнение которой имеет для него очень важное значение.

Значительно большее количество в переписке М.А. Максимовича этикетных формул с опущенными актантами. Они используются автором во всех типах писем – официально-деловых, публицистических, научных и собственно личных:

«Все сие покорнейше прошу Ваше Превосходительство довести до сведения Господина Министра» (к директору департамента Министерства Народного Просвещения П.И. Гаевскому) [264: 298]; *«... и прошу покорнейше удостоить его благосклонным принятием, как мой привет Вам с Светлым Праздником!»* (к Д.Н. Блудову) [264: 306].

Использование этикетных формул с опущенными актантами (чаще всего – актант адресанта, реже – оба актанта одновременно) в данных типах писем М.А. Максимовича объясняется тем фактом, что при наличии глаголов *просить*, *прошу* они предполагаются как очевидные, что подтверждается условиями ситуации общения.

В собственно личных письмах М.А. Максимовича друзьям, родственникам, а также в публицистических и научных письмах к адресатам, с которыми автора связывали дружеские, доверительные отношения, доминируют этикетные формулы, в которых глаголы *просить*, *прошу* сочетаются с инфинитивом и имеют достаточно высокую степень категоричности и требовательности по отношению к адресатам:

«*Прошу вас не отказать мне в ваших ответных замечаниях*» (к Г.Ф. Основьяненку) [254: 327]; «*Еще раз целую Вас, друзья мои милые, и прошу Вас беречь и жаловать друг друга*» (к жене М.В. Максимович) [245: 21].

Несмотря на это, в некоторых официально-деловых письмах Максимович также использует конструкции с инфинитивом. Их высокая степень категоричности в данном типе писем смягчается благодаря использованию дополнительных средств выражения уважительности по отношению к адресату: этикетного расширителя – *покорнейше*; выражений: *честь имею, осмеливаюсь*; придаточных конструкций: *в надежде на то внимание и участие, которыми вы меня удостоили; предоставляя все сие благоусмотрению Вашего Сиятельства; удостоенный вниманием вашим* и др.:

«*Почему и честь имею покорнейше просить Совет Университета исходатайствовать мне увольнение вовсе от службы с пенсией, какая мне дарована быть может по уважению моих семнадцатилетних служебно-ученых трудов, и тяжелой болезни, меня преждевременно на службе постигшей*» (в Совет Киевского университета Св. Владимира) [264: 285-286].

Использование таких дополнительных этикетных средств в структуре этикетных формул просьбы с инфинитивом в составе не только отражает осознание автором того, что он доставляет адресату некоторые неудобства, но также демонстрирует образованность и интеллигентность адресанта.

Кроме этикетных формул с инфинитивом, в собственно личной переписке М.А. Максимовича часто функционируют конструкции с императивом. Сочетание глаголов *просить, прошу* с повелительным наклоном других глаголов выражает «вежливую, но настойчивую просьбу к кому-либо сделать что-то или не делать что-то» [35: 1167]:

«*Если что отпечатаешь, прошу тебя, присылай мне тотчас*» (к С.П. Шевыреву) [263: 292]; «*Прошу тебя, любезный брат, отзовись поскорей, – к 9-му мая (день Гоголев)*» (к В.И. Тимковскому) [240: 4978].

Функционирование таких этикетных формул в собственно личных письмах М.А. Максимовича возможно благодаря наличию между автором и

адресатами близких, доверительных отношений, как в вышеприведенных письмах к коллегам и друзьям С.П. Шевыреву, П.Г. Лебединцеву, брату В.И. Тимковскому и др.

В официально-деловых письмах М.А. Максимовича к министру Народного Просвещения С.С. Уварову, попечителю Киевского Учебного Округа Е.Ф. Брадке, в собственно личных письмах к редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К.С. Сербиновичу, князю П.А. Вяземскому, дедушке и бабушке, а также в публицистических и научных письмах к М.П. Погодину суть просьбы выражается существительными в форме родительного или предложного падежей при глаголах *просить*, *прошу*:

«...я **принужден**, ограничась на сей год московскими искусственными водами, **просить Ваше Превосходительство о дозволении** мне воспользоваться оным отпуском в начале весны будущего года» (к С.С. Уварову) [264: 277]; «...я **покорнейше прошу ходатайства Вашего** об увольнении меня в 4-х месячный отпуск» (к Е.Ф. Брадке) [264: 282].

Такие конструкции отличаются сдержанностью, лаконичностью, а также придают посланиям деловой характер.

Этикетная конструкция (я) *прошу (Вас) сделать что-то* может модально трансформироваться во всех типах писем М.А. Максимовича, приобретая разную грамматическую оформленность. Так, в официально-деловой переписке вместо глаголов *просить*, *прошу* могут использоваться конструкции: *принужден просить*, *осмеливаюсь просить*, *осмеливался бы просить*, *остается только просить*, *решился просить*; в публицистических и научных письмах функционирует конструкция *попрошу*, в собственно личных – *попрошу*, *буду просить*, *просил*, *остается только просить*:

«К такому труду...я **осмеливался бы просить дозволениа быть допущенным...**» (к С.С. Уварову) [264: 284]; «...я **решился письмом моим беспокоить вас просьбою об участии вашем** в Деннице и на сей год» (к П.А. Вяземскому) [256: 85]; «**Попрошу** тебя еще выключить из твоего списка скандинавских слов, наши природные славяно-русские слова: мужи, люди,

гости, огнищане, рядъ, стягъ, луда, грузъ, лодья, цъжьсь» (к М.П. Погодину) [254: 269].

Этикетные выражения в форме будущего времени имеют бóльшую силу воздействия на адресата, так как выражают решительную, категорическую готовность автора обратиться с просьбой к адресату, чем свидетельствуют о близких отношениях между коммуникантами.

В собственно личных письмах М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву, жене М.В. Максимович в этикетных ситуациях просьбы отмечается также использование глагола просить в форме прошедшего времени:

*«И зная, что под конец академического года вы zelo заняты бываете, скажу только, что я все жду от Вас той копии с моего длинного письма к Вам, которой я **просил** у Вас, посылая письмо ...»* (к С.П. Шевыреву) [263: 285]; *«Но все это мелочи (sic) перед тем, что Вы обещали и о чем я **просил** Вас в последнем письме...»* (к С.П. Шевыреву) [263: 289].

Такие этикетные формулы выражают настойчивую, повторную просьбу к адресату.

В некоторых собственно личных письмах автор оформляет просьбу при помощи оборота с деепричастием *прося*, который, благодаря использованию в нем этикетного расширителя *покорно*, выражает несколько официальную, вежливую просьбу:

*«Препровождаю к вам, любезнейший земляче, вязку книг моих с надписаниями, **прося вас покорно отправить их по обещанию в западную славяницу**»* (к О.М. Бодянскому) [266: 141].

В официально-деловых, научных и собственно личных письмах М.А. Максимовича позицию глаголов *просить*, *прошу* в этикетных формулах могут замещать конструкции с отглагольными существительными *просьба*, *прошение*. Этикетные формулы с компонентами *просьба*, *прошение* в разных типах писем образуют свои вариативные ряды. Так, в официально-деловых письмах автора к министру Народного Просвещения С.С. Уварову и попечителю Киевского Учебного Округа Е.Ф. Брадке выявлены следующие

синонимические ряды: *обращаюсь с покорнейшей просьбой; посему осмеливаюсь утрудить Ваше Превосходительство еще сим особенным моим прошением.* В научных письмах такая конструкция встречается только в одном из писем к М.П. Погодину: *возвращаюсь с покорнейшей к тебе о нем просьбою.* В собственно личных письмах к И.М. Снегиреву, Т.Г. Шевченко, Н.Н. Похвисневу, П.А. Вяземскому, О.М. Бодянскому, М.Г. Щербаку используются следующие синонимические ряды: *позвольте возобновить мою просьбу; не забудьте и не оставьте без исполнения моей просьбы; примите мою просьбу; решился беспокоить Вас просьбою; вот моя покорнейшая просьба; я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой; я могу обратиться к вам со следующей просьбой; позвольте и теперь повторить пред вами ту просьбу; повторяю еще об этом мою просьбу; другая просьба к вам; моя просьба к вам будет состоять в следующем.*

Использование этих формул характерно для писем официального – как официально-делового, так и официально-дружеского характера, а также некоторых собственно личных письмах М.А. Максимовича, так как эти формулы отличаются меньшей силой воздействия на адресата в сравнении с этикетными формулами, оформляющимися с помощью глаголов *просить, прошу*, а потому являются менее настойчивыми. В научных и собственно личных письмах они используются также для выражения повторной просьбы, способы выражения которой отличаются стилистической окраской: от нейтральной – *повторяю еще об этом мою просьбу, не забудьте и не оставьте без исполнения моей просьбы;* до подчеркнуто вежливой – *позвольте возобновить мою просьбу, позвольте и теперь повторить пред вами ту просьбу.* Выбор той или иной формы повторной просьбы обуславливается, главным образом, характером личных отношений между коммуникантами.

Этикетные формулы просьбы с именными компонентами *просьба, прошение* часто сопровождаются авторскими комментариями, мотивировками-оправданиями беспокойства адресата:

*«Повторяю еще об этом мою **просьбу**. Тут именно ваше мнение нужно и важно в нашей распри с Погодиным. Мои письма не берут его; приударьте-ка вы еще по прежнему его уполномочению вас!»* (к О.М. Бодянскому) [266: 146].

Подобные высказывания автора отличаются высокой степенью эмоциональности и передают состояние психологического напряжения, переживания адресанта по поводу необходимости повторного беспокойства.

Среди специализированных средств, которые используются Максимовичем в ситуации просьбы, особого внимания заслуживают этикетные формулы, оформленные с помощью императива. По Н. Формановской, «императив представляет собой сложное модальное образование, в котором содержится реальность просьбы адресанта (я прошу) и потенциальность действия адресата (... вас сделать – вы сделаете)» [201: 70].

Императивно выраженные просьбы широко представлены в публицистических, научных и собственно личных письмах М.А. Максимовича к различным адресатам:

*«**Припомни к этому** (в моей «Бубновской сотне»), что надднепровский городок Бубнов, в «книге Большого Чертежа» переделался в Дубков; а суйский городок Гельязов – в Алмазов»* (к М.П. Погодину [253: 347]; *«**Вспомни только беспристрастно все Шлецеровы промахи...**»* (к М.П. Погодину) [252: 103]; *«**Посмотрите нарочно на статьи Хмельницкого...**»* (к П.А. Кулешу) [251: 556].

Такие формулы просьбы, в зависимости от характера отношений между коммуникантами, целеустановки послания и ситуации общения, могут передавать как уважение, почтительность, так и, наоборот, требовательность, категоричность. Так, в публицистических и научных письмах, адресованных М.П. Погодину, императив всегда употребляется автором без суффикса вежливости -те, что свидетельствует о близких отношениях между коммуникантами:

*«**Послушай**, что говорит он теперь, через десять лет после своего Рассуждения...»* (к М.П. Погодину) [252: 193]; *«**Вспомни**, что и в молитве*

«Отче наш», вместо «даждь намъ дъньсь» (как в Остромировом Евангелии), в других Русских списках Евангелия XII и XIII-го века писано: «Дажь», а в списках XIV в. «Дай же»; в древнейшем же списке Екзархова Богословия даже выскоблено *д* после *ж*: *даж.ь, вож.ю, ноуж.а.*» (к М.П. Погодину) [252: 204].

Использование суффикса вежливости **-те** в императивах просьбы в публицистических письмах М.А. Максимовича к В.Б. Антоновичу, П.А. Кулешу, М.А. Грабовскому несколько смягчает требовательность и выражает более вежливое отношение к адресатам:

«Ведь это песня от времен Хмельницкого... **Примите** ее в ваше собрание!» (к П.А. Кулешу) [252: 605]; «**Взгляните же пристальнее** на эту канву, по которой он выводил свои благовидные узоры» (к П.А. Кулешу) [252: 547].

В собственно личных письмах М.А. Максимовича просьбы, оформляющиеся с помощью императива, образуют широкую систему уважительно-почтительных выражений, благодаря большому разнообразию дополнительных этикетных средств. Здесь также используется суффикс вежливости **-те** в большинстве писем к неофициальным лицам, за исключением небольшого количества писем к жене М.В. Максимович и брату В.И. Тимковскому, что свидетельствует о почтении к адресатам даже в неофициальной переписке:

«Пожалуйста, **не откажитесь** ответить; ведь Лавровский объявлен «записным филологом» (к О.М. Бодянскому) [266:163]; «**Пишите ко мне ради Бога хоть по трошку...**» (к О.М. Бодянскому) [266: 166].

Другим средством выражения вежливой просьбы, оформляющейся с помощью императива, служат этикетные лексемы *позвольте, благоволите*, которые способствуют смягчению силы воздействия на адресата, а также придают этикетным формулам некоторую официальность:

«У меня еще нет 22 и 23 номеров ваших Ведомостей: **благоволите прислать их**» (к П.Г. Лебединцеву) [232: 4752]; «Только уж **позвольте мне взять** у вас на откуп это растение...» (к Н.Н. Похвисневу) [226: 677].

Еще одним смягчающим средством при просьбе-императиве является этикетная лексема *пожалуйста*, которая «употребляется как форма вежливого обращения при просьбе» [181: 234]. Ее автор использует в просьбах о регулярности переписки, имевшей для него чрезвычайно важное значение:

«Пожалуйста, отзовитесь о себе хоть страничкой» (к С.П. Шевыреву) [263: 288]; *«У вас много нового, интересного; пишите, пожалуйста: каждая строчка ваша для нас славный будет подарок»* (к Н.Н. Похвисневу) [226: 677].

Синонимичными этикетной лексеме *пожалуйста* в собственно личных письмах М.А. Максимовича являются этикетные фразеологизмы *ради Бога, Бога ради, Бога для*, служащие для усиления просьбы:

«Пишите Бога для о себе и трудах своих мне попространнее!» (к О.М. Бодянскому) [266: 143]; *«Пишите ко мне ради Бога хоть по трошку»* (к О.М. Бодянскому) [266: 166].

Такие этикетные формулы просьбы в письмах М.А. Максимовича приближаются по своему значению к мольбе, крику души.

В собственно личной переписке с императивными формулами просьбы употребляются также этикетные конструкции, где ключевыми выступают лексемы с корнями *ласк-* и *добр-* как на русском так и на украинском языках:

«Оттисков этих статей, если уже есть ваша на то ласка, пришлите от 25 до 50 не более, а Зубрицкого акта штук 10» (к О.М. Бодянскому) [266: 133]; *«Коли там уже придбалось децо, будьте добры вышлите в Золотоношу на имя моего двоюродного брата, судьи Золотоношского...»* (к О.М. Бодянскому) [266: 158].

Такие этикетные конструкции выражают доброжелательное отношение автора к своим адресатам, и в то же время они представляют настойчивые дружеские просьбы, в выполнении которых автор практически не сомневается.

Императивно выраженные просьбы в собственно личных письмах автора в сочетании с этикетными конструкциями *сделайте одолжение, если случится*, устаревшей просторечной конструкцией *буде угодно*, – отличаются наименьшей степенью категоричности и, кроме выражения почтительного

отношения, также дают возможность адресатам самим решать, выполнять просьбу или нет:

«Сделайте одолжение мне, не откажитесь прислать что-нибудь вашего сочинения» (к П.А. Вяземскому) [256: 92]; *«Буде угодно, напечатайте ее»* (к О.М. Бодянскому) [266: 131].

Вместе с тем, настойчивый характер императивной просьбы в собственно личных и публицистических письмах может еще усиливаться и использованием в них усилительных частиц *же, да, ну*, которые могут дополнять высказывание и оттенками досады:

«Попроси же его об этом от себя и от меня, и напечатай в Москвитянин!» (к М.П. Погодину) [253: 343]; *«Да скажите на милость, для чего держите вы под спудом уже напечатанные песни?»* (к О.М. Бодянскому) [266: 147].

Такие конструкции с высокой степенью экспрессивности использовались автором только в письмах к близким адресатам, с которыми его связывали дружеские, доверительные отношения.

Наряду с прямыми, специализированными средствами наблюдаются также неспециализированные средства оформления просьб, которые отмечаются во всех типах писем М.А. Максимовича. К ним относятся этикетные конструкции, в которых вместо лексем *просить, прошу, просьба, прошение* или императива используются глаголы желания и их производные, глаголы позволения, специальные грамматические конструкции и т.д.:

«Я желал бы знать: угодно ли редакции иметь меня постоянным сотрудником сего журнала» (к К.С. Сербиновичу) [249: 232]; *«Позволю себе надеяться, что мое мнение об этих Украинских стрехах не останется без обсуждения на Археологическом съезде»* (к А.С. Уварову) [253: 435]; *«Желательно бы определить вернее прежнего значение и время появления этого имени, присущего и Москве белокаменной»* (к А.С. Уварову) [253: 349].

Непрямые средства выражения просьбы имеют меньшую силу воздействия на адресата и передают побуждение к действию в более мягкой

форме. Именно поэтому они используются в письмах преимущественно к официальным, малознакомым или старшим по возрасту или социальному статусу адресатам. Они представлены в основном условными и вопросительными конструкциями и достаточно употребительны во всех типах писем:

«Весьма лестно для меня было б, если бы сие начало удостоилось одобрительного внимания Вашего» (к С.С. Уварову) [264: 277]; *«Доброе дело сделали бы они, если бы все, что найдется у них похожего на то, передали в библиотеку Острожского братства»* (к А.Д. Блудовой) [257: 105]; *«Отложить эту биографию в долгий ящик не должно. Всего лучше, если б и окончательную обработку ее, и ее издание в свет, ты взял бы на себя»* (к В.И. Тимковскому) [240: 4980].

Подобные выражения имеют формальный показатель ирреальности действия (глагол в сослагательном наклонении), который указывает на то, что просьба, обращенная к адресату, мыслится автором как возможное или желательное действие, реализация которого связана с желаниями или возможностями адресата. Таким образом, сослагательное наклонение глагола способствует значительному снижению категоричности, побудительной силы просьбы и дает возможность адресату действовать по собственному усмотрению. На данный факт указывает и Н. Формановская, отмечая, что в этикетных выражениях сослагательная форма глагола не переводит высказывание в план ирреальной модальности, а лишь манифестирует субъективную модальность, отношение к адресату, меру вежливости [201: 71].

Среди не прямых условных выражений просьбы минимальной силой воздействия на адресата отличаются этикетные формулы, представляющие просьбу как гипотетическое действие адресата и имеющие грамматический показатель будущего времени. Такие этикетные формулы образованы двумя смысловыми центрами, двумя событиями, одно из которых относится к адресанту и на формально-грамматическом уровне представлено следующими

моделями: *я буду/я сделаю*, а второе ориентировано на «ты» – адресата и является выражением самой просьбы:

«Я вам еще и еще благодарствую от всей души за редакцию моих статей в Русской Беседе и прошу вас впредь рукою властною вычеркивать там все лишнее и изменять, что признаете во благо. Я очень рад, что вы довольны моими письмами и ответным трисловием, и доволен буду, если оно напечатается» (к О.М. Бодянскому) [266: 147]; *«Если вы мне вышлете заработок Наумовский, я буду вам чрезвычайно благодарен, и чем скорее, тем лучше, ибо целый год обходился двух третним пенсионом и не выработал пером ни гроша»* (к О.М. Бодянскому) [266: 164].

Такие этикетные формулы встречаются только в собственно личных письмах исключительно в ситуациях деликатных просьб, в частности связанных с его творческой деятельностью.

Другим не менее важным средством оформления непрямых просьб в переписке М.А. Максимовича являются вопросительные конструкции. Их автор использует только в своих собственно личных письмах к близким людям: двоюродной сестре Е.И. Андреевой, П.Г. Лебединцеву, О.М. Бодянскому, С.И. Пономареву и некоторым другим адресатам.

Обычно используются вопросительные конструкции двух типов:

1) этикетные формулы с основным модальным значением вопросительности, которые реализуются с помощью следующей модели: отрицательная частица *не* + глагол в будущем времени + *ли (вы) ...?*;

2) этикетные конструкции, в которых модальное значение неуверенности адресанта в реальности, возможности выполнения просьбы преобладает над значением вопросительности и которые оформляются с помощью следующей модели: *нельзя ли (не можете ли)* + инфинитив + существительное или местоимение.

Главной коммуникативной целью этикетных выражений просьбы, в которых модальное значение вопросительности есть основным, является получение от адресата информативного подтверждения реальности или

нереальности выполнения той или иной просьбы. Частицы *не, ли* выступают морфологическим средством выражения вопросительности и придают высказываниям дополнительное модальное значение неуверенности, сомнения адресанта в реальности выполнения просьбы:

*«...хочу ныне ради праздника двинуться на подол, чтобы там и обедать у Иванищева. **Не подвинетесь ли и вы к нему**, взамен не сбывшейся поездки?»* (к П.Г. Лебединцеву) [239: 4855]; *«Надобно именно быть особому изданию, пожалуй, названному если не Киевлянином, то Украинским Зрителем, или Малороссийскою скрынею, или иным каким-либо подобным титлом. Как вы посоветуете, и **не придумаете ли чего к этому?**»* (к О.М. Бодянскому) [266: 149].

Главной коммуникативной целью таких конструкций является намерение адресанта мягко и бережно воздействовать на адресата, тем самым заставив его выполнить желание автора письма.

Этикетные формулы просьбы, оформленные с помощью вопросительных предложений, чаще всего встречаются в письмах Максимовича, связанных с изданием тех или иных научных, критических или художественных работ автора, а также в письменных приглашениях погостить. Такие конструкции характеризуются высокой степенью этикетной вежливости и демонстрируют желание автора осознать возможности адресата войти в его положение.

Кроме вопросительных и условных конструкций, в официально-деловых и собственно личных письмах Максимовича также используются высказывания, воспринимающиеся в качестве просьбы и содержащие намек на необходимость ответного действия, в котором заинтересован адресант. Употребляемые в таких высказываниях глагольные формы ни лексически, ни грамматически просьб не выражают, в таких случаях просьба вытекает из контекста письма или выражается с помощью односоставных предложений с императивной интонацией:

*«А я несколько дней уже томлюсь зубною болью, и скучаю безденежьем; от первой отделаюсь, может быть, терпением; **а второму можете вы***

пособить – присылкою моего заработка за напечатанный уже полулист: и то добре на голодные и больные зубы!» (к П.Г. Лебединцеву) [234: 4788]; *«Да ведь у Вас и написаны лекции! Ей-Богу надо издать! Видите сами: никто не издает после нас!»* (к С.П. Шевыреву) [263:286].

Такие этикетные конструкции стилистически маркированы. Собственно личным письмам они придают высокую эмоциональность и свидетельствуют о близких, дружеских отношениях между коммуникантами.

Подобные этикетные конструкции встречаются также в публицистических и научных письмах Максимовича к С.П. Шевыреву, М.А. Грабовскому, Г.Ф. Квитке-Основьяненко, М.П. Погодину и др., так как со всеми непосредственными адресатами данных типов писем автора связывали не только общие научные или творческие идеи, но и дружеские или официально-дружеские отношения.

2.2.3. Средства выражения субъективно-эмоционального настроения

Как и в любых других текстах, в письмах так или иначе отражается отношение автора к сообщению, к адресату, к себе самому. Иногда это отношение прочитывается из контекста, иногда оно проявляется в структуре текста, в отборе языковых средств и синтаксических конструкций. В зависимости от типа ЭТ отношение может быть нейтральным, как, например, в официально-деловых письмах, требующих точности формулировок, использования устойчивых формул и штампов. В других разновидностях письма, например, в публицистических и частной переписке, эмоциональное состояние автора выражается открыто и ярко.

Как указывает Н. Павлик, средствами выражения эмоционального состояния может служить позитивно или негативно окрашенная лексика, в частной переписке – разговорно-просторечные элементы, фразеологизмы, цитаты и крылатые слова, словообразовательные суффиксы-модификаты, единицы других языков [150: 10].

Если обратиться к проанализированным выше с точки зрения структуры ЭТ публицистического характера, то увидим, что в письме к князю Петру Андреевичу Вяземскому «Воспоминание о Тавриде» содержится в целом нейтральная и книжная лексика, а также небольшие вкрапления поэтической (*брачный чертог, картинные берега, храм природы и др.*), разговорной (*вспомнят, приотдохнули, прудок* и др.), просторечной (*гульба, воротились* и др.), устаревшей лексики (*отдохновительный, возвратный* и др.) и украинизмов (*вечеря, деепричастные формы на -учи – вспоминаючи, отдыхаючи; -ши – вздохнувши, отдохнувши*).

Употребление слов, словосочетаний, характерных для поэтической речи, придает письму особое звучание, так как в них проявляется определенная экспрессия и отношение автора к описываемому, как, например, в XIV СФЕ: «*С ее (сосны – Е.Х.) легким, бальзамическим паром сливалось прохладное веянье с моря и ходило между дерев тихим, таинственным шорохом...*» [250: 144]. Практически каждое слово в этом фрагменте заключает в себе позитивную энергию восторга.

На словообразовательном уровне выделяются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*монастырек, скиток, прудок*), которые носят эмоционально-оценочный характер.

Эмоционально-личностное отношение М.А. Максимовича к излагаемой информации проявляется также в использовании таких образных средств языка, как эпитеты (*зеркальная зыбь, тяжелое впечатление, бальзамический пар, золотые рыбки* и др.), метафоры (*дымная коса, храм природы* и др.), олицетворения (*мимо бежали берега, визжали гарбы, гудели камни* и др.), перифразы (*будущий святитель и достопамятный подвижник Таврический – об архимандрите Иннокентии*).

Используются здесь и цитаты: в начале – из поэмы В. Жуковского «*Туда, туда! Но быть ли там когда!!!!*», передающая восторг от посещения Крыма и желание вновь туда вернуться, далее – из украинской народной песни – «*Ой хоч буду віять,/ Не переставати,/ Да вже того не одвіять,/ Що має Бог*

дати!», отражающая неотвратимость судьбы и смирение перед волей Божией; в конце – стихи А.С. Пушкина: *«Приеду на склон приморских гор,/ Воспоминаний тайных полный,/ И вновь Таврические волны/ Обрадуют мой жадный взор»*, как клятва о возвращении. Надо отметить, что цитата несколько искажена, так как у Пушкина – *«Приду...»*. Но это уже – дань ситуации.

В письмах к М.В. Юзефовичу, формирующих целый историко-полемический цикл «Исторические письма о козаках Приднепровских» [257: 114-149], также широко используются пословицы и поговорки, отрывки из стихотворений и песен, которые органично вплетены в ЭТ и служат средством речевой выразительности, иногда – стилизации.

Лексика этих писем в основном книжная и нейтральная, невелико количество: высокой (*доблестный, деяния, стяжает* и др.), разговорной (*разведать, царики, понаслышке, наобум, мало-по-малу* и др.), просторечной (*ставить* (в значении назначать на должность), *сдается* и др.), устаревшей (*разуметь, оный, надобны, поспольство, жалованный, изволение* и др.), нетранслитерированной лексики (*voluntarii, rawicius* и др.) и украинизмов (*лист* (в значении письмо) и др.). Их ярко выраженная экспрессивность проявляется в использовании М.А. Максимовичем образных средств языка: метафор (*произвол летописателей, первый период козачества покрывается новым туманом, родимые гнезда* и др.), а также таких стилистических фигур, как антитеза (*Но я думаю, что помянутые здесь лица: «князь Дмитрий» – не Вишневецкий, а «князь Вишневецкий» – не Дмитрий*) и ирония:

«В самом деле, тут на гетманстве и Дмитрий Вишневецкий, и Евстафий Ружинский – совсем другие лица, а не те, которые действительно были в пределах Днепровских во второй половине XVI века. Об этих последних стоило бы еще поразведать в затворах Киевского центрального архива, а тех призрачных двойников их, подвизавшихся только на страницах летописных, пора бы уже и в отставку...» [257: 139]; *«Подвизались эти воображаемые полки со своим призрачным гетманом и в “Старожитностях польских» (1843 г., в статье Морачевского) и в «Истории козаков» Чарновского – с*

легкой руки Мацевского, издавшего для своих соотечичей извлечение из «Истории Руссов» и сказавшего, что в ней «содержатся такие факты, какие и не снились нашим историкам» (Мацевский сказал правду!)» [257: 145].

В текстах научного характера, как и в деловых письмах, требующих строгой формы, эмоциональное состояние автора практически не отражается. В некоторых случаях, наряду с нейтральной и специальной лексикой, сложными синтаксическими структурами, используются сравнения и сравнительные обороты – *подобно зимнему солнцу, подобно любви, как сама любовь* и т.д. Однако они, скорее всего, отражают трепетное отношение автора к философии. Изредка в ЭТ полемического характера используются разговорные элементы и фразеологические единицы: *частехонько, словцо, припомню, книжка, не впопад, задерет за живое, пробежали мурашки, коротко да ясно*. Они вводятся в основном для привлечения внимания адресата и мнимого упрощения предмета обсуждения.

Наиболее ярко и открыто эмоциональное состояние, эмоциональный настрой автора проявляется в собственно личной переписке. И хотя основу личных писем М.А. Максимовича составляет книжная лексика, в них наблюдается большое количество вкраплений просторечных (*похваляюсь, чуется, ляпнул, крепко* (в значении очень), *маленько* и др.), разговорных слов (*огорошили, стукнет* (о возрасте), *авось, горемычный, тамошня* и др.) и фразеологизмов (*служить спустя рукава; взять на откуп; сойти как с гуся вода; по уши закопались, как мыши в крупу; шила в мешке не утаишь; попасть впросак; нет ни слуха, ни духа* и др.). Многочисленна группа разговорной эмоционально-окрашенной лексики, особенно распространены слова с модификационными суффиксами (*словцо, примечаньеце, статейка, городишко, хмелинка, письмецо, заметочка, книжечка, здоровьячко, стишки* и др.). В письмах определенным адресатам (своим землякам: Т.Г. Шевченко, П.А.Кулешу, О.М. Бодянскому и др.) автор часто использует украинизмы (формы звательного падежа, транслитерированные на русский язык, – *друже, брате, земляче*; отдельные лексические единицы – *коханый, лист* (в значении

письмо), *тыждень, грошенята, смага* и др.) для передачи так волновавшего его национального колорита. Использование вышеперечисленных разновидностей слов является отражением неофициального, непринужденного, доверительного, эмоционально-окрашенного, в некоторых случаях фамильярного тона общения.

Экспрессивность выражения в данных видах писем достигается также использованием эпитетов (*поэтическое воодушевление, озваться коротким словом* и др.), метафор (*удовольствие румяное, уединился в Межгорский монастырь, выхожу из монастыря в Полки и Сотни, историческая пыль, купец на издание стихотворений* и др.), олицетворения (*затаившийся где-то остаток Гоголевского писанья, прилетели вести, старик Наум* – о своей книге и др.), перифразы (*град Петров* – Петербург, *Михайлогорское отшельничество* – о проживании на Михайловой Горе, *богоспасаемый град* – о Киеве и др.), а также таких стилистических фигур, как антитеза (*«Из новостей нашей губернии – очень печальный пожар города Лубен; а радостных не имеется»*) и ирония: *«Из новостей же не Московских главная и всеобщая есть потопление Петербурга, но эта новость не совсем свежа: несколько припахивает»*.

Использование слов экспрессивной оценки и выразительных средств языка даже в научных письмах [219: 59] отражает стремление М.А. Максимовича преподнести сухие факты живо и интересно, т.е. его мастерство ученого, критика, интерпретатора плотно переплетается с эстетическим чутьем и литературно-художественным талантом.

2.3. Репрезентация этикетных формул в эпистолярной М.А. Максимовича

Во многочисленных письмах М.А. Максимовича отражается весь непростой мир отношений автора с различными адресатами: официальными лицами (министр Народного Просвещения граф С.С. Уваров, попечитель Одесского округа Д.М. Княжевич, адмирал Ф.П. Литке, редактор журнала «Министерства Народного Просвещения» К.С. Сербинович и др.), коллегами и друзьями (М.П. Погодин, Т.Г. Шевченко, П.А. Кулеш, Г.Ф. Квитка-

Основьяненко, С.И. Пономарев, С.П. Шевырев, О.М. Бодянский и др.), родственниками (бабушка и дедушка, жена М.В. Максимович, брат В.И. Тимковский и др.). Все письма М.А. Максимовича отличаются высокой речевой культурой, что обусловлено превосходным уровнем владения автором формулами речевого этикета.

В ЭТ формулы речевого этикета играют чрезвычайно важную роль, так как они обеспечивают осуществление эпистолярного диалога, а также служат средствами оформления композиционной структуры письма и являются специфическими дискурсионными единицами эпистолярного дискурса. К основным этикетным компонентам ЭТ относятся формулы обращения, просьбы, поздравления, извинения, благодарности, пожелания, прощания, подписи, которые представляют разные этапы эпистолярного диалога: начало, продолжение, завершение.

Основным фактором, формирующим дискурс писем М.А. Максимовича, является прежде всего фактор адресата (его возраст, пол, социальный статус, должность, степень знакомства, характер личных отношений), важное значение имеют сфера использования переписки, цель послания и индивидуально-авторская манера письма. В зависимости от адресата в различных типах писем М.А. Максимовича раскрываются различные грани его личности: для высокопоставленных лиц – он подчиненный, для ученых – он ученый-энциклопедист (историк, филолог, философ, фольклорист, этнограф, ботаник), для друзей – он преданный друг, для родственников – он любящий муж, отец, брат и т.д.

Рассмотрим функционирование специфических дискурсивных единиц: средства инициализации; стандартные формы обращения и приветствия; средства завершения эпistolы; стандартные формы пожелания, поздравления, извинения, благодарности, приглашения, которым в тексте соответствуют определенные этикетные формулы (обращение, благодарность, извинение, прощание, завершение диалога), в каждом из выделенных нами типов писем М.А. Максимовича, так как различные типы ЭТ предполагают различный набор

этикетных единиц, отличающихся структурой, стилистической окраской, степенью стандартизованности выражений.

2.3.1. Формулы обращения и приветствия в письмах М.А. Максимовича

Неотъемлемым компонентом коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата в эпистолярном общении является обращение к адресату. Обращение выступает своеобразной завязкой дальнейшего общения, определяет тональность и стиль изложения всего послания, а также способствует комфортности речевого общения, то есть удачно подобранное обращение содействует успешному осуществлению коммуникативного процесса, в то время как неудачное этикетное выражение может внести определенный диссонанс в ситуацию коммуникации.

Выбор форм обращений М.А. Максимовичем определяется несколькими факторами, среди которых наиболее важными являются степень знакомства автора с адресатом, характер их личных отношений, социальные характеристики (возраст, социальный статус, должность), сфера использования послания, целеустановка, а также личные предпочтения автора и др.

Анализ эпистолярного наследия М.А. Максимовича показал, что в позиции обращения автор использует имена собственные (имя, имя и отчество) и имена нарицательные (названия дружеских и родственных отношений в прямом и переносном значениях; названия по профессии и роду занятий; устойчивые этикетные формулы номинации; квалифицирующие наименования адресатов, дающие им качественные и оценочные характеристики и выражающие эмоциональное отношение к ним адресанта); не прямые наименования адресатов, а также личные местоимения *Вы*, *ты* в самой ткани текста.

Наиболее распространенной начальной формулой обращения, представленной во всех типах писем М.А. Максимовича, является этикетная формула с элементами вежливости, включающая имя и отчество адресата:

«Милостивый государь Николай Эварестович!» (письмо правителю канцелярии Н.Э. Писареву) [264: 289]; *«Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь Сергей Семенович!»* (письмо министру Народного Просвещения С.С. Уварову) [264: 276]; *«Любезный Степан Петрович!»* (письмо С.П. Шевыреву) [259: 323]; *Почтеннейший Петр Гаврилович!* (письмо П.Г. Лебединцеву) [262: 394].

Формулы обращения по имени и отчеству в сочетании с лексемами *государь, князь, граф, сиятельство, превосходительство, высокопревосходительство*, а также уважительными этикетными эпитетами *милостивый, почтеннейший, любезнейший* определяют специфику официально-деловых писем М.А. Максимовича.

В публицистических, научных и собственно личных письмах автора формы обращения к адресатам по имени и отчеству часто сопровождаются только этикетными эпитетами (*любезный, любезнейший, достолюбезный, почтеннейший, дорогой, драгоценнейший, многоуважаемый, незабвенный, глубокочтимый* и др.) без указания должностей и званий в силу особенностей этих типов ЭТ. Этикетные эпитеты *дорогой, дражайший, драгоценнейший* указывают на близкий и теплый характер отношений коммуникантов:

«Доброго здоровья Вам желаю, дражайший Петр Гаврилович!» (к П.Г. Лебединцеву) [239: 4855]; *«Как вы здравствуете, дорогой Осип Максимович!»* (к О.М. Бодянскому) [266: 170]; *«Драгоценнейший Степан Иванович!»* (к С.И. Пономареву) [265: 37].

Этикетные эпитеты (*любезный, любезнейший, достолюбезный, многоуважаемый, почтенный* и др.) придают посланиям оттенок официальности и указывают на существование между коммуникантами определенного расстояния, обусловленного возрастным или социальным неравенством:

«Почтеннейший Степан Петрович!» (к С.П. Шевыреву) [263: 278]; *«Сегодня рано утром получил я письмо ваше, глубокочтимый князь Петр Андреевич, от 22 августа, и был несказанно рад ему, как первому привету и*

дорогому, неожиданному подарку в день моего рождения» (к П.А. Вяземскому) [256: 96]; *«Премного благодарен Вам, любезнейший Григорий Петрович, за вашего Основьяненка...»* (к Г.П. Данилевскому) [255: 21].

Такие этикетные формулы обращений выполняют номинативно-контактную и апеллятивную функции.

В собственно личных письмах М.А. Максимовича по отношению к хорошо знакомым адресатам иногда наблюдается одновременное использование нескольких этикетных эпитетов (*уважаемый, любезный, любезнейший, почтеннейший и милый, дорогой, дражайший* и др.). Такое объединение прилагательных разной степени эмоциональности, с одной стороны, выражает глубокое уважение к адресату, его возрасту, социальному статусу, а с другой – подчеркивает особенности субъектно-адресатных отношений, которые можно охарактеризовать как близкие, доброжелательные:

«...не могу пропустить новой okazji в Киеве, и не сказать о себе вам, дорогой и почтенный Петр Гаврилович» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 384]; *«Царскосельское письмо ваше, драгоценнейший и высокочтимый князь Петр Андреевич...»* (к П.А. Вяземскому) [256: 100].

Обращения по имени и отчеству М.А. Максимович широко использует также в собственно личных письмах к жене М.В. Максимович:

«Здравствуйте, моя дорогая Марья Васильевна, и все Михайлогорцы!» (к жене М.В. Максимович) [245: 37]; *«Разом получил я два письма твои, возлюбленная моя Марья Васильевна, и порадован ими очень»* (к жене М.В. Максимович) [245: 49]; *«Ну, прощай-же, моя дорогая, предорогая, дражайшая Марья Васильевна!»* (к жене М.В. Максимович) [245: 70].

Несмотря на такие обращения (дань традиции), он интимизирует эти структуры, наполняет экспрессией любви, используя определения *милая, возлюбленная, дорогая, предорогая, дражайшая, милейшая* и др., притяжательные местоимения *моя*, а также такие стилистические приемы, как инверсия и градация. Данные формулы обращения, наряду с номинативно-контактной и апеллятивной функциями, выполняют еще эмоционально-

оценочную функцию и свидетельствуют о глубоком чувстве М.А. Максимовича к своей жене.

В других личных письмах ученого к жене наблюдаем также обращения, оформленные с помощью имени собственного Мария и различных его модификаций:

«Сегодня Благовещение – помнишь, **Маруся**, как этот день был весел у меня в Москве, был обед у меня Тарасу...» (к жене М.В. Максимович) [245: 55]; «Привет тебе, **моя милейшая Марусенька**, из дому Елагиных ...» (к жене М.В. Максимович) [245: 1]; «...и вместе радуюсь, что прошел еще один месяц разлуки с тобою, **мой милый друг, моя добрая Марусенька**» (к жене М.В. Максимович) [245: 18].

Использование М.А. Максимовичем при обращении к жене уменьшительно-ласкательных форм ее имени (*Маруся, Марусенька*), в сочетании с эмоционально-окрашенными расширителями атрибутивного характера (*милая, милейшая, добрая, возлюбленная* и др.) сообщает таким письмам теплую, нежную и искреннюю тональность. Главной функцией таких формул обращения является эмоционально-оценочная.

Характерной чертой писем к жене является использование вариантов ее имени в форме звательного падежа, что свойственно украинскому языку:

«Ну, скажи же, **моя милая Марусенько**, как ты помещаешься и что поделяваешь, и как времечко проводишь?» (к жене М.В. Максимович) [245: 3]; «**Милая Машечко моя**, – приветствую тебя с Масленой, с блинами!» (к жене М.В. Максимович) [245: 22].

Такие же формы обращения часто используются и по отношению к другим членам семьи, например, сестре жены (*Варочко*):

«Здорова була, **моя милая Марусенько**, и ты **моя зозуленько, Варочко**» (к жене М.В. Максимович) [245: 17].

Такие формы обращения отражают особенности общения, бытовавшие в семье Максимовичей, имеющей украинские корни. Такие грамматические украинизмы встречаются и в письмах близким друзьям. В других текстах они

не отмечены. Это позволяет сделать вывод, что они являются своеобразным паролем для погружения в интимную, теплую обстановку любви, общности интересов и взаимопонимания.

Имена нарицательные, или апеллятивы, в позиции обращения дают определенную характеристику адресату. В текстах обнаружены такие группы апеллятивов:

- 1) названия дружеских и родственных отношений, используемые в прямом и переносном смысле;
- 2) названия по титулу, должности;
- 3) общепринятые устойчивые формулы номинации;
- 4) квалифицирующие наименования адресатов.

Обращения-названия дружеских и родственных отношений встречаются только в собственно личных письмах М.А. Максимовича к родственникам (бабушке, дедушке, братьям, жене, сыну) и близким друзьям, и выполняют они социально-регулятивную функцию.

В обращениях к представителям старшего поколения – Максимовичам Ивану Ивановичу и Елене Васильевне (дедушке и бабушке) – автор использует уменьшительно-ласкательные формы названий родства: дедушка и бабушка, – которые объединяются с этикетными формами обращений, характерными для официально-деловых писем:

«Милостивый Государь Дедушка!»; «Милостивая Государыня Бабушка!»
(к Максимовичам Ивану Ивановичу и Елене Васильевне) [246: 86].

Такие обращения свидетельствуют не только об уважении М.А. Максимовича к представителям старшего поколения, но и, благодаря использованию уменьшительно-ласкательных суффиксов в названиях родства, отражают теплоту семейных отношений.

В обращениях к братьям В.И. Тимковскому и Л.П. Деркачу М.А. Максимович использует лексему *брат*, сопровождаемую притяжательным местоимением *мой*, этикетными эпитетами *дорогой*,

возлюбленный, любезный, любезнейший, милый, а также лексемой *друг*, конкретизирующей тип отношений между коммуникантами:

«*Благодарю тебя, **дорогой брат**, за письмо твое, хотя содержание его столь для меня печальное...*» (к В.И. Тимковскому) [240: 4978]; «***Дорогой брат и друг, Василий Ильич!***» (к В.И. Тимковскому) [240: 4979]; «*Я оторвал недоконченную половину моего письма к тебе, **возлюбленный брат**, чтобы на новом листке сказать тебе дружеское Спасибо, в ответ на полученное мною вчера твое письмо от 26 января*» (к В.И. Тимковскому) [240: 4981]; «*Посылаю вам, **любезнейший брат, Петр Львович**, мою песню на смерть Шевченка*» (к П.Л. Деркачу) [260: 17].

Такие формы обращения указывает на теплые, доверительные отношения между братьями. Особым уважительным тоном отличаются обращения, где лексема *брат* сочетается с номинацией адресата по имени-отчеству.

В письмах М.А. Максимовича к жене выявлены обращения, в составе которых используются термины родства на русском и украинском языках, – как в прямом, так и в переносном смысле. В письмах к жене украинская лексема *дружина* в форме звательного падежа часто сопровождается различными расширителями атрибутивного характера *возлюбленная, милая, верная* и др., а также притяжательным местоимением *моя*, которые интимизируют такие обращения:

«*До свидания же, **моя дружино милая!***» (к жене М.В. Максимович) [245: 29]; «*В среду (11-го Генв.) я отправил на почту мой ответ на последнее письмо твое, **моя возлюбленная дружино***» (к жене М.В. Максимович) [245: 44]; «*Добрыдень тебе, **моя возлюбленная дружино***» (к жене М.В. Максимович) [245: 47].

Употребление украинского звательного падежа в позиции обращения в последнем фрагменте поддерживается и другой украинской транслитерированной словоформой – *добрыдень*. Такие вкрапления украинизмов встречаются в основном в личной переписке, что создает особую

интимность, подчеркивает неискоренимость чувства принадлежности родной культуре, родной земле, родной семье.

Большая разница в возрасте между М.А. Максимовичем и его женой (Михаил Александрович был значительно старше Марии Васильевны) обуславливает также функционирование в письмах обращения *дочка* в переносном смысле. Эти обращения ярко раскрывают такие чувства автора, как любовь, нежность, уважение по отношению к адресату:

«Прощай, мой милый друг, дочка моя сердечная, дружино моя верная» (к жене М.В. Максимович) [245: 4].

Использование лексемы *дочка* в переносном значении обуславливает ее переход из класса идентификативных (идентифицирующих) названий в класс qualificативных (квалифицирующих). Утрачивая прямое значение родства, она выполняет функцию качественной и оценочной характеристики адресата, отражая характер отношений между адресантом и адресатом.

Обращением к жене может служить сочетание *мой милый друг*, иногда в сопровождении имени собственного, что придает письмам дополнительную теплоту и эмоциональность и отражает атмосферу искренних, надежных отношений преданных друг другу людей:

«Вот уже другой месяц пошел, как мы расстались с тобою, мой милый друг...» (к жене М.В. Максимович) [245: 3]; *«Приветствую с праздником Трех Святителей, и вместе радуюсь, что прошел еще один месяц разлуки с тобою, мой милый друг, моя добрая Марусенька»* (к жене М.В. Максимович) [245: 18].

В qualificативной функции в дружеских письмах находим также традиционное для той эпохи уважительное обращение *батюшка* (к Н.Н. Похвисневу, с которым Михаила Александровича связывало непродолжительное знакомство и к которому он обращается с просьбой):

«Все это для Востока ничего, а для нас, знаете, батюшка, знаете, какой лакомый кусочек!» (к Н.Н. Похвисневу) [226: 677].

В обращениях к сыну М.А. Максимович использует как русскую лексему *сын*, так и украинскую звательную форму – *сынку*, с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также этикетный эпитет *милий* и притяжательное местоимение *мой*:

«*Как ты здоров, мой милый сыночек?*» (к сыну Алексею) [245: 45]; «*Пожелай этого крепко, моя возлюбленная дружино, и ты, мой коханий сыночку!*» (к жене М.В. Максимович) [245: 41].

Обращаясь к близким друзьям и приятелям, единомышленникам, адресатам, с которыми его связывают общие дела, участие в научной и общественной жизни, Максимович пользуется русскими и украинскими словоформами *друг*, *друзе*, *товарищ*, *земляк*, *земляче*, указывающими на характер отношений между коммуникантами и имеющими ярко выраженное эмотивное значение.

«*Почтеннейший и любезнейший товарищ Степан Петрович!*» (к С.П. Шевыреву) [263: 280]; «*Любезный друг Степан Петрович!*» (к С.П. Шевыреву) [263: 290].

Среди обращений с ярко выраженным эмотивным значением выделяется лексема *земляк*, которая не только подчеркивает определенную общность коммуникантов – происхождение из одной местности, но и передает чувства доверия адресанта к адресату, стремление приобщить его к числу близких, доверенных лиц:

«*Любезнейший земляк Осип Максимович!*» (к О.М. Бодянскому) [266: 129].

Одной из отличительных черт собственно личной переписки является то, что коммуникативный контакт адресанта и адресата основывается прежде всего на их личностных интересах. В связи с этим их роли имеют не конвенциональный (пол, возраст, социальное положение и т.д.), а личностный характер, то есть коммуникант выступает прежде всего как носитель определенного физического, психологического состояния, склонностей, идеологических взглядов, системы ценностей, носитель определенной

культуры и т.д. На важность вышеперечисленных факторов в процессе общения указывает и Т. Радзиевская, отмечая, что «ментальные и другие черты определяют поведение в общении, влияют на характер общего узуса коммуникантов, который постепенно формируется во время регулярной коммуникации» [160: 121].

Учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что общее украинское происхождение, подразумевающее наличие общих ментальных черт М.А. Максимовича с некоторыми адресатами (Т.Г. Шевченко, О.М. Бодянским, С.П. Шевыревым, С.И. Пономаревым, П.А. Кулешом, женой М.В. Максимович), а также общих экзистенциальных пресуппозиций (знание украинского языка), обуславливают широкое использование украинских лексем в этикетных формулах обращения (*земляче, земляченьку, друже*). Вместе с тем, в данном случае нужно указать на одну из индивидуально-авторских языковых черт М.А. Максимовича, а именно – контаминацию в некоторых письмах данного типа украинских и русских элементов в этикетных формулах обращения:

«Коханий земляче Тарас Григорьевич!» (к Т.Г. Шевченко) [269: 25];
«Много и премного благодарен вам, любый земляче» (к О.М. Бодянскому) [266: 148];
«Письмо ваше, любезнейший земляченьку, от 29. янв. и приложение при нем 235 р.с., я имел удовольствие получить...» (к О.М. Бодянскому) [266: 159];
«Привет и поклон вам, дорогой земляче...» (к О.М. Бодянскому) [266: 173];
«Письмом вашим, милый друже, от 20 дек. зело усладился ...» (к П.А. Кулешу) [248: 128].

Использование украинских и контаминированных обращений к вышеперечисленным адресатам придает этикетным формулам бóльшую выразительность и выполняет, наряду с главной социально-регулятивной, еще и эмоционально-экспрессивную функцию, а также указывает на явно фамильярный тон отношений между коммуникантами, который поддерживается введением украинизмов и в основную ткань текста (например, *дуже дякую*).

В ситуациях официально-дружеского общения М.А. Максимович использует определения *почтенный, любезный, достолюбезный, дорогой* и др., которые являются относительно нейтральными. В письмах близким друзьям, дорогим сердцу людям используются лексемы высшей степени эмоциональности: притяжательное местоимение *мой*, а также прилагательные *милый, коханный, любезнейший, достолюбезнейший*.

Рассмотренные случаи позволяют отметить, что названия родственных и дружеских отношений в собственно личных письмах М.А. Максимовича приобретают бóльшую эмоциональную окраску тогда, когда они стоят в препозиции по отношению к другим членам обращения. Такой порядок слов способствует акцентированию внимания адресата на опорном компоненте обращения:

«Обнимаю тебя, дружино моя, и целую Алексейка и Олютку» (к жене М.В. Максимович) [245: 48]; *«Прощай, мой милый друг, дочка моя сердечная, дружино моя верная»* (к жене М.В. Максимович) [245: 4].

Отличительной чертой официально-деловых, научных и публицистических писем М.А. Максимовича является использование в них обращений-названий адресатов по титулу или должности:

«Милостивый Государь Князь Сергей Иванович!» (к князю С.И. Давыдову) [274: 5]; *«Милостивый Государь Граф Сергей Семенович!»* (к графу С.С. Уварову) [264: 289].

Названия титулов в официально-деловых письмах часто пишутся с большой буквы и используются в сочетании с лексемой *государь*, этикетным эпитетом *милостивый*, а также именем и отчеством. Такие этикетные формулы обращения выполняют главным образом социально-регулятивную функцию и выражают подчеркнуто уважительное отношение к вышестоящим титулованным адресатам.

Использование подобных формул обращения не ограничено только сферой официально-деловых отношений, они встречаются в публицистических, научных и некоторых собственно личных письмах автора, что обусловлено

фактором адресата (адресат – вышестоящая титулованная персона, часто старше по возрасту, в связи с чем их общение носит официально-дружеский характер):

«Милостивый государь князь Петр Андреевич!» (к П.А. Вяземскому) [256: 85]; *«В прошлом сентябре, обрадованный письмом вашим, я имел удовольствие писать к вам, глубокочтимый князь Петр Андреевич!»* (к П.А. Вяземскому) [256: 97]; *«В этих мыслях я обращаюсь к Вам, графиня, и в моих письмах передам на усмотрение Ваше несколько замечаний и воспоминаний о достопамятных князьях Острожских»* (к графине А.Д. Блудовой) [257: 87].

В публицистических и научных письмах М.П. Погодину М.А. Максимович использует обращения, оформленные с помощью номинации *академик* в сочетании с уважительным эпитетом *любезный*:

«Когда мы с тобою, любезный академик, доканчивали в «Русской Беседе» ученую распрю нашу за древность малороссийского народа и языка в земле Киево-Переяславской, тогда ты написал мне вот что» (к М.П. Погодину) [257: 190]; *«Что же ты не отзываешься, любезный академик, на мои первые письма к тебе о Богдане Хмельницком, тобою же вызванные?»* (к М.П. Погодину) [257: 206]; *«Ты вызываешь меня, любезный академик, на ученый спор с гг. Срезневским и Лавровским»* (к М.П. Погодину) [254: 183].

Главной функцией данных формул является коммуникативно-идентификационная, так как обращения находятся после личного местоимения и, дублируя его именной формой, выражают оценочную характеристику адресата или отношение к нему со стороны автора. Они эмоционально окрашены и, сочетаясь с местоимением *ты*, используемым как в зачинах, так и на протяжении всех текстов писем, указывают на дружеский, фамильярный характер отношений между коммуникантами, придают тексту некий иронический оттенок. Как видим, все письма адресованы другу, с которым автора связывали также и научные интересы.

В собственно этикетной функции используются общепринятые в XIX в. максимально универсальные номинации. Это уважительные обращения *государь* к адресатам мужского пола и *государыня* – к адресатам женского пола, которые отмечаются во всех типах писем автора:

«Милостивый Государь!» (к Д. Зубрицкому) [256: 119]; **«Милостивый государь Василий Андреевич!»** (к В.А. Жуковскому) [256: 115]; **«Милостивая Государыня Екатерина Павловна!»** (к Е.П. Шутовой) [241: 5538].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что обращения *государь*, *государыня* используются преимущественно с атрибутивными расширителями, а также номинацией по имени и отчеству. Данные этикетные формулы обращения являются одним из главных средств выражения уважительного отношения к собеседнику.

К этикетным номинациям относятся также обращения *Ваше Превосходительство*, *Ваше Высокопревосходительство*, *Ваше Сиятельство*, которые тоже являются общепринятыми для официальной тональности общения XIX в. по отношению к титулованным особам высшего ранга. Такие этикетные обращения, выполняющие этикетную и регулятивную функции, используются автором, как правило, в двухкомпонентных этикетных моделях *превосходительство* + *государь* в сочетании с этикетными расширителями и наблюдаются только в официально-деловых письмах М.А. Максимовича:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь!» (к министру Народного Просвещения С.С. Уварову) [256: 270]; **«Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь Сергей Семенович!»** (к министру Народного Просвещения С.С. Уварову) [256: 276].

В отдельную группу выделяются квалифицирующие обращения, качественные и оценочные наименования адресатов, связанные с эмоциональным отношением к ним со стороны адресата. Такие обращения характерны для собственно личных писем М.А. Максимовича, адресованных жене и близким родственникам. К таким обращениям принадлежат народно-поэтические наименования адресатов, обращения, выраженные именами,

обозначающими религиозные понятия, и субстантивированными прилагательными, главной функцией их является эмоционально-оценочная.

Функционирование народно-поэтических обращений, в основу которых положены разнообразные народно-поэтические образы, в собственно личных письмах М.А. Максимовича не случайно. Одной из важнейших отраслей деятельности выдающегося ученого, можно сказать даже страстью, овладевшей им еще в юности и не стихавшей до самой смерти, было собирание и изучение малороссийских песен. Как истинный украинец, выходец из козачьего рода, он стремился увидеть в зеркале украинских песен черты истории и особенности характера украинцев. Одним из его достижений было издание сборника «Малороссийских песен» в 1827 г.

Среди народно-поэтических обращений в письмах М.А. Максимовича широко используются как русские, так и украинские формы, так как «для него Россия и Малороссия, народность русская и малороссийская не могли быть противопоставлены друг другу: между ними существовало соотношение целого и части» [204, 83]. Они представляют собой сжатые сравнения-характеристики, несущие положительные семантические оценки адресатов, отображающие устойчивые ассоциативные связи с явлениями природы, мифологическими существами и т.д. В собственно личных письмах М.А. Максимовича к жене можно выделить несколько групп таких обращений: обращения – образы птиц, обращения – персонифицированные названия органов человеческого тела; обращения – названия растений; обращения – абстрактные названия, используемые в переносном смысле.

Символами чистой, верной любви, сильной привязанности в письмах М.А. Максимовича к жене выступают русские и украинские обращения – образы птиц: *голубице, голубко, голубушка, зозуленько, зозулько*, – которые выражают искреннее, доброжелательное отношение к адресату:

«*Будь здорова, с Новым Годом, моя милая, моя добрая, моя Голубице!*» (к жене М.В. Максимович) [245: 14]; «*Ты пишешь, голубко моя, что меня видела во сне 28 февраля*» (к жене М.В. Максимович) [245: 25]; «*Здорова була,*

моя голубушка сизенькая!» (к жене М.В. Максимович) [245: 31]; «*И как ты, моя зозулько, там справляешься?*» (к жене М.В. Максимович) [245: 55].

Как показывают вышеприведенные контексты, обращения-номинации птиц, характерные для фольклорно-песенной традиции, используются как в именительном (*голубушка* – русская традиция), так и в звательном падежах (*голубице, голубко, зозуленько, зозулько* – украинская традиция), в основном с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Такие формы обращения расширяются с помощью эпитетов *милая, добрая*, а также народно-поэтического модифицированного эпитета *сизенькая*, притяжательного местоимения *моя*, имени собственного, и выполняют эмоционально-оценочную функцию, наряду с которой реализуются вторичные апеллятивная и собственно контактная функции.

Важную эмоционально-смысловую нагрузку в письмах М.А. Максимовича к жене выполняют обращения *сердце, серденько, серденьтко, сердечко*, которые связаны с давними верованиями украинцев. В Христианстве сердце – символ Бога, жизни, ума, ласки, любви, понимания, чистоты [184: 191]. Именно в таких значениях используются эти обращения в письмах М.А. Максимовича к жене. Экспрессивность их усиливается за счет сочетания с эпитетом *милое*, притяжательным местоимением *мое*, а также использованием форм антропонимов с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

«*Спасибо тебе, мое сердце Марусенька, за письмо Нового Года писанное*» (к жене М.В. Максимович) [245: 16]; «*От всей души обнимаю и целую и благословляю тебя, мое сердечко милое*» (к жене М.В. Максимович) [245: 19]; «*Спасибо тебе, мое серденько милое, за письма твои, которыми ты меня так много радуешь, и за ту любовь твою ко мне, которую ты выражаешь и меня так сладко ею утешаешь!*» (к жене М.В. Максимович) [245: 25]; «*Ты пишишь, мое серденьтко, чтобы я назначил тебе время и день моего приезда ...*» (к жене М.В. Максимович) [245: 26].

В письмах М.А. Максимовича к жене встречается также обращение, ассоциативно связанное с растительным миром и отображающее внешнюю и внутреннюю красоту адресата, его чистоту и нежность:

«Будь же ты здорова и цветущая, и все к тому направляй, об этом я часто уже просил и не перестаю просить, мое золото дорогое, мой квите ты ненаглядный!» (к жене М.В. Максимович) [245: 26].

Обращения – абстрактные названия: *душа, душенько, душко, золото*, – используемые Максимовичем в письмах к жене, ярко раскрывают эмоциональное состояние адресанта, его отношение к адресату:

«От всей души обнимаю и целую тебя, душа моя милая, и благословляю тебя и молю за тебя повседневно» (к жене М.В. Максимович) [245: 14];

«Береги, душа моя, свое здоровье ...» (к жене М.В. Максимович) [245: 33].

Нанизывание эмоционально-окрашенных обращений, инверсионный порядок слов, повтор притяжательного местоимения *моя* интимизируют и индивидуализируют формулы обращения, используемые М.А. Максимовичем.

Среди народно-поэтических обращений, встречающихся в группе писем к жене, отдельное место занимают наименования с корнем *люб-*, характерным для украинского языка и корнем *мил-*, характерным для русского языка, которые являются традиционными обращениями к любимому, милому сердцу человеку. В переписке М.А. Максимовича такие лексемы образованы с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-очк*, создающим интимную модальность:

«Милочка моя!» (к жене М.В. Максимович) [245: 12]; *«Не скучай, моя любочко Машечко, за мною теперь ...»* (к жене М.В. Максимович) [245: 25].

Следует отметить, что важную стилистическую роль в письмах Максимовича к жене выполняет объединение в одном высказывании нескольких народно-поэтических форм обращений. Такие наименования адресата характеризуют объект обращения с разных сторон и отличаются наибольшей выразительностью, выполняя прежде всего эмоционально-оценочную функцию:

«Будь здорова и спокойна, моя душенько, сердечатко мое милое, дружина моя верная» (к жене М.В. Максимович) [245: 5].

В функции обращения автор использует и религиозные понятия. Так, в письме к жене от 2 окт. 1858 г. он использует в функции обращения лексему *ангел*, которая воплощает добро, свет, счастливую судьбу:

«Каково провела ты конец Сентября, мой ангел милый?» (к жене М.В. Максимович) [245: 1].

Обращения, выраженные субстантивированными прилагательными (*милые, дорогие*), встречаются в письмах М.А. Максимовича к жене в этикетных формулах приветствия или прощания при обращении ко всей семье:

«Будьте здоровы обое, мои милые и дорогие!» (к жене М.В. Максимович) [245: 32]; *«Бувайте здоровы, мои милые!»* (к жене М.В. Максимович) [245: 52]; *«Ну, прощайте пока, мои дорогие!»* (к жене М.В. Максимович) [245: 63].

Такие обращения указывают на сердечное, теплое отношение к членам семьи.

К квалифицирующим обращениям в собственно личной переписке М.А. Максимовича также относятся единицы, оформленные с помощью наименований, называющих адресатов по месту жительства. Такие обращения встречаются в письмах к жене, родственникам и близким друзьям:

«Здравствуйте, моя дорогая Марья Васильевна, и все Михайлогорцы!» (к жене М.В. Максимович) [245: 37]; *«Что делается с вами, мои милые Михайлогорцы, что давно так не получаю никакого известия; – легко сказать, с 3-го Генваря, когда писала ты об Олюткиной болезни»* (к жене М.В. Максимович) [245: 45].

В эпистолярном наследии М.А. Максимовича отмечаются также и не прямые, или косвенные, наименования адресатов. Своеобразие подобных этикетных конструкций заключается в том, что они идентифицируют собеседника как предмет высказывания и имеют нетрадиционную для обращения форму выражения в третьем лице. Такие формы обращения

используются в официально-деловых и собственно личных письмах М.А. Максимовича и отражают особый характер отношений между коммуникантами, приобретая в контексте посланий разнообразные стилистические и эмоционально-экспрессивные оттенки.

В официально-деловых письмах не прямые номинации выступают идентификаторами социальных ролей коммуникантов, выполняя при этом главным образом социально-регулятивную функцию:

*«Посему осмеливаюсь утруждать **Ваше Превосходительство** еще сим моим прошением, которым я покорнейше прошу ходатайства Вашего об увольнении меня в 4-хмесячный отпуск с удержанием жалованья и с выдачею соразмерно оному единовременного пособия»* (к министру Народного Просвещения С.С. Уварову) [264: 282]; *«На письмо **Вашего Превосходительства** от 30 декабря честь имею ответить, что актов, относящихся к истории Луцкого и других братств южно-русских имеется у меня такое уже количество, что из них может составиться значительный и любопытный отдел в издании временной комиссии»* (к правителю канцелярии генерал-губернатора Д.Г. Бибикова Н.Э. Писареву) [264: 292]; *«Честь имею представить **Совету** от меня в дар Университету следующие древности Панतिकопейские...»* (в Совет Императорского Университета Св. Владимира) [228: 5]; *«Любя издавна старину Киевской Руси, и особенно церковную, и имея в запасе некоторые сведения и замечания по этому предмету, я желал бы иногда передавать их в общую известность через Киевские Ведомости, и покорно прошу **Редакцию** оных принять меня в свои сотрудники»* (в редакцию «Киевских Епархиальных Ведомостей») [262: 380].

Косвенные обращения в подобных контекстах указывают на существование определенной дистанции между коммуникантами, обусловленной в первую очередь стремлением адресанта (автора) соблюсти субординацию. В связи с этим косвенные номинации носят подчеркнуто-уважительный характер.

Такие формы обращения особенно часто используются в тех ситуациях, когда прямые обращения, в силу присущей им открытости и способности влиять на волеизъявление собеседника, могут внести определенный диссонанс во взаимоотношения коммуникантов. Использование автором косвенных обращений в подобных случаях способствует предупреждению подобных ситуаций и избежанию создания слишком открытых высказываний по отношению к адресату.

Чрезвычайно важными косвенные формы обращения являются в ситуациях неравности коммуникантов, обусловленных социальными и психологическими факторами. Обращаясь к адресату с просьбой, адресант оказывается в психологической зависимости от адресата. Успешное осуществление интенции автора письма в значительной степени зависит от его вежливости, правильно и уместно подобранной формы обращения, которое наилучшим образом идентифицировало бы собеседника.

Косвенные обращения в официально-деловых письмах М.А. Максимовича встречаются не только в этикетных формулах просьбы, но и в этикетных формулах благодарности и повествовательных предложениях:

*«Удостоенный ходатайством Вашим высочайше назначенного мне отпуска и вспоможения на оный, я почитаю долгом принести мою глубочайшую благодарность **Вашему Превосходительству** за сию благосклонность и за то внимание, которым я имел честь пользоваться в незабвенное для Университета время пребывания Вашего в Москве»* (к министру Народного Просвещения С.С. Уварову) [256: 269]; *«Что словесность не была для меня чуждым предметом, что я иногда принимал в ней некоторое участие, сие известно **Вашему Превосходительству** ...»* (к министру Народного Просвещения С.С. Уварову) [256: 272].

Благодаря использованию косвенных обращений, роль адресата собеседнику не навязывается с такой определенностью, как при прямом обращении. Ответная реакция получателя послания не предполагается как

обязательная. Он может действовать по своему усмотрению, в условиях отсутствия какого-либо давления со стороны автора послания.

В собственно личных письмах косвенные наименования адресатов приобретают другую функционально-семантическую нагрузку. В посланиях к друзьям и жене М.В. Максимович использование косвенных обращений в вопросительных предложениях создает особенную интимную атмосферу общения и выступает показателем чрезвычайно теплых и близких отношений коммуникантов:

«Вот уже и святки: приветствую вас всех Михайлогорцев и Сушковцев, и желаю от всей души приятно проводить их, чтобы приятно начать и новый год» (к жене М.В. Максимович) [245: 41]; *«Что-то делает мой Алексейко-голубчик на Михайловой горе в настоящую минуту, т.е. в половине 10-го? Что-то с Олюткою, твоею горличкою дается теперь?»* (к жене М.В. Максимович) [245: 55].

В некоторых случаях не прямое наименование адресатов используется автором для придания посланиям шуточной, интимно-юмористической окраски:

«Что-то дается с нашим добрым и любимым Конопцем?» (к С.И. Пономареву) [265: 50].

Средствами оформления косвенных наименований адресатов в данном типе писем М.А. Максимовича выступают номинации лиц по месту жительства (Конотопец, Михайлогорцы, Сушковцы), а также имена собственные адресатов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые интимизируют и делают более выразительным содержание обращения. Главной функцией косвенных обращений в собственно личных письмах является уже эмоционально-оценочная, а не социально-регулятивная функция.

В переписке М.А. Максимовича одним из важных языковых средств выражения почтительного отношения к адресату является использование личных местоимений: уважительного *Вы* и соотносимого с ним интимного *ты*.

В ЭТ личные местоимения *ты*, *Вы* несут существенную функциональную нагрузку. Они не только указывают на лицо (субъект), к которому обращена речь, но и создают определенную тональность общения, придают посланиям соответствующую окраску: нейтральную, деловую, дружескую, интимную и т.д. Такие обращения выполняют дейктически-контактную функцию.

Среди факторов, влияющих на выбор *ты/Вы*-форм обращения в письмах М.А. Максимовича, следует выделить социальную градацию и тональность общения собеседников, степень знакомства с адресатом и характер субъектно-адресатных отношений, возрастные различия коммуникантов, при этом социальная градация и тональность общения являются важнейшими факторами.

Официально-деловое общение требует соблюдения строгих этикетных правил. Поэтому в официально-деловой переписке с высокопоставленными лицами и официальными учреждениями М.А. Максимович использует исключительно местоимение *Вы*:

*«Изъявляя сие глубокое, душевное желание мое, в надежде на то внимание и участие, которыми **Вы** меня удостоили, покорнейше прошу Ваше Превосходительство назначить меня профессором в Университет Св. Владимира»* (к С.С. Уварову) [256: 270]; *«Поздравляю **Вас** с наступающим Новым годом, который да принесет **Вам** вновь то, что было лучшим в Вашей жизни»* (к К.С. Сербиновичу) [249: 241].

Для публицистических и научных писем М.А. Максимовича также характерно преимущественное обращение к адресатам на *Вы*, что говорит об уважении к ним автора, а также об официальном характере их отношений:

*«Помещая так благовременно, в Дне, **ваши** занимательные «лекции по истории западной России», **вы** пожелали указаний на ошибки **ваши**, чтобы воспользоваться ими при дальнейшем изучении этой истории»* (к М.О. Кояловичу) [252: 196]; *«С любопытством прочел я, в последней книжке Московских чтений, **вашу** статью о полковниках Прилуцких»* (к Н.А. Маркевичу) [252: 321].

В собственно личных письмах М.А. Максимовича, несмотря на наличие теплых, приятельских отношений между коммуникантами, принадлежащими одному или старшему поколениям, используется обязательное обращение к собеседнику с помощью местоимения **Вы**, как выражение особенно почтительного и уважительного отношения к адресату:

*«Хотя **вы** не вкушаете от плодов контрабандной литературы нашей, и находите, что это здорово, однако ж верно полюбовались лакомым куском, которым «Пчелка» угостила если не дружественно, то по крайней мере шерамижно «Клятву при гробе Полевого» (так пишут переплетчики на корешках)» (к П.А. Вяземскому) [256: 91]; «Принимаю совет **Ваш**: от добра – добра не искать; но **вы** еще спрашиваете: не разыгралась ли снова во мне тоска?» (к П.А. Вяземскому) [256: 93].*

Такие факторы, как степень знакомства и характер личных отношений коммуникантов, в процессе длительной переписки могут меняться, что обеспечивает переход от официального тона общения к неофициальному, который часто влечет за собой изменение и форм обращения к адресату, то есть переход обращения с *Вы* на *ты*. Такие переходы встречаются в собственно личных письмах М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву.

Известно, что знакомство Максимовича с Шевыревым произошло в 1824 году, когда естественник М.А. Максимович только начинал свою научную и литературную деятельность. Отношения их укреплялись благодаря общей для обоих специальности – вопросам языка и литературы. Полная же дружеская связь установилась между учеными, по мнению исследователей биографии М.А. Максимовича, когда он работал в Москве сначала в качестве заведующего редакцией «Русской Беседы», затем в качестве секретаря общества любителей русской словесности, и наконец, как редактор сочинений И.В. Кириевского. Об укрепившейся дружеской связи свидетельствует и тон писем, начиная с 1860 года сразу переходящий в обращении друг к другу на *ты*, между тем как все письма до этого времени написаны с *Вы*:

«Пьеса, о которой **Вы** спрашиваете моего мнения, слишком изобилует лирическим беспорядком, а потому, не смотря на поэтическое свое достоинство, столь громко оглашенное в прошлом году журналами, она едва ли с желаемую пользою может занять место в педагогической хрестоматии для юношества» (к С.П. Шевыреву) [263: 279]; «Отправив на почту 3 апреля мое длинное письмо к **Вам**, я доволен был собою, что исполнил Ваше приятное мне поручение и доставил **Вам** изрядный запас для биографического обо мне известия в Словарь...» (к С.П. Шевыреву) [263: 282]; «Я так виноват перед **тобою** моим молчанием, что и извиняться совестно» (к С.П. Шевыреву) [263: 291]; «Как **ты** поживаешь? Что написал за лето? Как здравствует **твоя** семья?» (к С.П. Шевыреву) [263: 292-293].

Но такой переход в собственно личной переписке М.А. Максимовича, даже несмотря на длительность знакомства автора с некоторыми адресатами, происходит не всегда, что объясняется другими важными факторами: социальным положением или возрастной разницей. В таком случае отношения поддерживаются в подчеркнуто уважительной манере и перехода на *ты* не происходит.

Использование местоимения *ты* характерно для семейно-бытовой переписки М.А. Максимовича, что обусловлено неофициальной сферой общения. Это наблюдается в письмах к брату В.И. Тимковскому и жене Марии Васильевне:

«После приятнейших дней, проведенных с **тобою** в прошлом мае, на Неве и на Славянке, – а вместе с **тобою** и вся, там привитающая Тимковщина наша, так часто, и наяву и во сне, мне представляется очень живо, в моем Михайлогорском отшельничестве» (к В.И. Тимковскому) [240: 4980]; «Каково провела **ты** конец Сентября, мой ангел милый?» (к жене М.В. Максимович) [245: 1].

Таким образом, личные местоимения, как и другие типы номинаций в позиции обращения, выступают в письмах М.А. Максимовича индикаторами

отношений с адресатами, указывают на характер отношений между коммуникантами.

Выбор соответствующих форм обращений и специфика их использования в различных типах писем является одним из ярчайших средств проявления индивидуального стиля М.А. Максимовича.

2.3.2. Оформление формул благодарности в эпистолярии М.А. Максимовича

Другим специфическим дискурсивным элементом являются стандартные формулы благодарности, пожелания, поздравления, приглашения. Рассмотрим наиболее частотные из них – формулы благодарности.

Благодарить означает «будучи внутренне обязанным кому-либо, испытывать и выражать чувство благодарности, признательности» [149: 49]. В выражениях благодарности особенно ярко проявляется функция вежливости, поэтому их использование принадлежит к обязательным этикетным установкам.

В письмах М.А. Максимовича этикетные формулы благодарности представлены разнообразно и чаще всего используются в зачинах писем для подтверждения получения письма или того, о чем автор просил ранее у адресата:

«Предложение Вашего Сиятельства от 29 мая я имел честь получить сего июня 9 дня и первым долгом себе поставляю мою глубокую признательность за все Ваше благосклонное ко мне внимание» (к князю С.И. Давыдову) [264: 289]; *«Благодарю Вас за третью часть Вашего «Архива Юго-Западной Руси», которую я только что дочитал и весьма ею усладился»* (к М.В. Юзефовичу) [257: 114]; *«Благодарю Вас премного, почтеннейший и дорогой Петр Гаврилович, за ваше приятнейшее письмо от 11 октября, которым усладился так благовременно, ибо я находился тогда в сильном желании беседы вашей»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 400]; *«Спасибо тебе, моя возлюбленная Марья Васильевна, за письмо от 19 февраля, которое мне вчера*

принесла Варвара В., потому что туда по адресу было оно принесено» (к жене М.В Максимович) [245: 51].

В начале письма формулы благодарности выполняют в первую очередь функцию воздействия на адресата, создавая благоприятный микроклимат общения и определяя характер дальнейших отношений коммуникантов.

В информационной части письма этикетные формулы благодарности уточняют содержание основного сообщения, придают ему эмоциональную окраску:

«Приношу мою благодарность основателю оного за назначение мне экземпляра, и постараюсь оправдать его внимание ко мне по части словесности русской и малороссийской... » (к К.С. Сербиновичу) [249: 235]; *«Я должен вас благодарить еще за то, что вы не последовали той же методе и в наводнении Малороссийской письменности еропудовым ы, – что вы пишете – бачится, мило, ходили, гуляти; а не пишете – бачыця, мыло, ходылы, гуляты»* (к Г. Основьяненку) [254: 314]; *«Я вам еще и еще благодарствую от всей души за редакцию моих статей в Русской Беседе прошу вас впредь рукою властною вычеркивать там все лишнее и изменять, что признаете во благо»* (к О.М. Бодянскому) [266: 148].

Этикетные формулы благодарности могут быть использованы и в завершающей части письма, преимущественно для повторного выражения благодарности и уважения по отношению к адресанту:

«В том же году и я, из учеников новгородсеверской гимназии, поступил в московский университет, в котором и прошло мое второе, лучшее пятнадцатилетие жизни. Благодарение тебе, alma mater! Каждый год, 12 января, я вспоминаю и думаю о тебе с любовью, где бы я ни был, и – никогда тебя не забуду!» (к М.П. Погодину) [250: 42]; *«Еще раз благодарю Вас за Основьяненка»* (к Г.П. Данилевскому) [255: 24].

Наиболее частотными и стилистически нейтральными средствами выражения благодарности, как свидетельствуют примеры, являются лексемы: *благодарю и спасибо*. Они встречаются во всех типах писем Максимовича, за

исключением научных, где этикетные формулы благодарности вообще не используются, что обусловлено их композиционными и содержательными особенностями.

В официальном общении при обращении к высокопоставленным персонам (министру Народного Просвещения С.С. Уварову, попечителю Киевского Университета и Округа С.И. Давыдову, попечителю Одесского Округа Д.М. Княжевичу, адмиралу Ф.П. Литке, графу Д.Н. Блудову и др.), малознакомым или незнакомым адресатам (редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К.С. Сербиновичу, редактору журнала «Киевские Епархиальные Ведомости» П.Г. Лебединцеву и др.) этикетные формулы благодарности отличаются высокой степенью проявления уважения и почтительности. Поводом для благодарности в официальных письмах служат поддержка автора официальными лицами, помощь в публикациях научных и критических работ.

Этикетные формулы благодарности в официально-деловых письмах М.А. Максимовича отличаются сложной структурой. Учет их ключевых компонентов в данном типе писем позволил разделить этикетные формулы на 4 группы: 1) этикетные конструкции с ключевыми лексемами *благодарю* и *спасибо* и этикетными расширителями; 2) императивные конструкции, включающие глагол *примите* и лексему *благодарность* с этикетными расширителями; 3) этикетные конструкции, включающие глаголы *приношу*, *изъявляю*, *поставляю* и лексемы *благодарность*, *признательность* с этикетными расширителями; 4) экспрессивные выражения *не знаю, как и благодарить; не могу удержать себя, чтобы не высказать перед Вами моей глубокой признательности*.

Этикетные конструкции с ключевыми лексемами *благодарю* и *спасибо* в официально-деловых письмах обязательно используются автором с расширителями со значением адресата, выраженными личным местоимением в форме винительного или дательного падежей множественного числа; наречными и атрибутивными расширителями, указывающими на меру и

степень выявления благодарности; а также с расширителями, указывающими на содержание благодарности (за что):

«Спасибо великое Вам за распространение умственно-книжной деятельности в краю Вашем; благодарность моя сердечная за Вашу добрую память обо мне и за присылку этих книг, из которых экземпляр Николина писания о роде Вашем сберегу особенно, как дорогой истинно праздничный мне подарок от Вас» (к Д.М. Княжевичу) [264: 293]; *«Весьма благодарю Вас и за издание моей книги Наума и за условия о ней, и за всю вашу заботу о ней, которую принимаю за ваше для меня дорогое внимание ко мне»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 381].

Атмосферу торжественности, приподнятости в официально-деловых письмах М.А. Максимовича создают императивные конструкции *примите ... благодарность...*:

«Примите мою искреннейшую благодарность за Ваше намерение иметь меня Профессором в Университете Святого Владимира» (к князю С.И. Давыдову) [271: 2].

Этикетные конструкции, представляющие собой сочетание личных форм глаголов *приношу, изъявляю, поставляю* с существительными *благодарность и признательность* имеют официальный характер и выражают особо уважительное отношение к адресатам:

*«Честь имею поздравить Вас с новым годом и, желая Вам новых благ и новых сил для блага нашего, **приношу мою душевную благодарность** за удостоверение моей книги желанной мною чести»* (к министру С.С. Уварову) [264: 286]; *«**Приношу глубокую благодарность** за избрание меня в действительные члены Общества и всемерно потишусь оправдать столь лестное для меня внимание»* (к адмиралу Ф.П. Литке) [264: 302]; *«Предложение Вашего Сиятельства от 29 мая я имел честь получить сего июня 9 дня и первым долгом себе **поставляю мою глубокую признательность за все Ваше благосклонное ко мне внимание**»* (к князю С.И. Давыдову) [264: 289].

Отдельную группу в официально-деловых письмах М.А. Максимовича составляют экспрессивные конструкции для выражения наивысшей степени благодарности, для которой сложно найти нужные слова: *не знаю, как и благодарить; не могу удержаться себя, чтобы не высказать перед Вами моей глубокой признательности.*

«Я имел счастье получить письмо Вашего Сиятельства от 24 ноября и не могу удержаться себя, чтобы не высказать перед Вами моей глубокой признательности за это драгоценное для меня письмо; в нем много для меня душевной награды за прежние труды жизни моей, и утешительного одобрения на новую деятельность» (к графу Д.Н. Блудову) [264: 305].

Такие выражения благодарности являются очень эмоциональными и используются автором в письмах к адресатам с более высоким социальным статусом, но в менее официальной тональности общения, где можно позволить себе проявлять эмоции.

В структуре этикетных формул благодарности в официально-деловых письмах М.А. Максимовича лексемы *благодарю, спасибо, благодарность, признательность* расширяются наречиями и определениями: *искреннейшая, глубокая, глубочайшая, душевная, сердечная, весьма* и др., выражающими меру и степень проявления благодарности, признательности, доброжелательное и уважительное отношение к официальным адресатам.

В публицистических письмах поводом для использования данных дискурсивных единиц является благодарность автора за доброе отношение и внимание, за научные труды и достижения адресатов, присылку той или иной научной работы для разбора, а в целых историко-полемических циклах – за сотрудничество в поисках исторической истины:

«Над нею в том издании потрудился известный Русин Вагилевич: и нельзя не сказать ему спасибо, хотя переделка всего текста Несторова на правопись Остромировского евангелия, с юсами и прочее, придает вид не свойственный для Киевского летописания времен Мономаховых» (к М.П. Погодину) [253: 353]; *«В благодарность за вашу статью, сделаю*

небольшое к ней дополнение» (к В.В. Антоновичу «О Богдане Братковском») [252: 539]; *«Благодарю Вас за третью часть Вашего «Архива Юго-Западной Руси», которую я только что дочитал и весьма ею усладился»* (к М.В. Юзефовичу «Исторические письма о козаках Приднепровских») [257: 114]; *«Этот порядок верен, и за него мы с благодарностью вспоминаем о Грабянке»* (к Н.И. Костомарову «Письма о Богдане Хмельницком») [257: 251]; *«Получил ваш новый гостинец, «Записки о Южной Руси», и сердечно благодарю за прекрасный подарок»* (к П.А. Кулешу «О сотнике Харьке и запорожце Чупрыне») [252: 595]; *«Благодарю вас, любезные товарищи и сотрудники, за ваше внимание ко мне и содействие!»* (к С.П. Шевыреву «Автобиография») [259: 340].

В публицистических письмах М.А. Максимовича основными структурными элементами этикетных формул благодарности, как и в официально-деловых письмах, являются лексемы *благодарю* и *спасибо*. Эти лексемы используются автором, как правило, с расширителями со значением адресата благодарности, выраженного местоимением или именем собственным в винительном или дательном падежах единственного или множественного числа. Форма обозначения адресата единственным или множественным числом может быть обусловлена характером личных отношений между адресантом и адресатом (как отмечалось в предыдущих параграфах, Максимович во всех публицистических письмах обращался к адресатам с помощью уважительного местоимения *Вы*, за исключением писем, адресованных М.П. Погодину, к которому в форме обращения он использовал дружеское *ты*), а также содержательными особенностями данного типа писем, которые на самом деле адресованы обобщенно-потенциальному адресату.

Еще двумя структурными компонентами этикетных формул благодарности в публицистических письмах являются обязательное указание содержания благодарности с факультативными расширителями атрибутивного характера (*сердечно, премного* и др.):

«Благодарю тебя за твое в Москвитянине напечатанное письмо ко мне, столь внимательное к моему исследованию о Руси за четыре года изданному» (к М.П. Погодину) [252: 93]; *«Благодарю Вас за третью часть Вашего «Архива Юго-Западной Руси»* (к М.В. Юзефовичу) [257: 114]; *«Получил ваш новый гостинец, «Записки о Южной Руси», и сердечно благодарю за прекрасный подарок»* (к П.А. Кулешу) [252: 595]; *«Два ответные письма ваши, дражайший Петр Гаврилович, я получил, наконец, хотя и нескоро, но исправно, и премного благодарю вас за них, ибо они доставили мне великое удовольствие»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 388].

Языковые и содержательные особенности публицистических писем М.А. Максимовича, позволяющие соотносить их с жанром критических статей, обуславливают также использование автором этикетных формул благодарности, адресованных не конкретным или обобщенно-потенциальным адресатам, а отдельным лицам (ученым, писателям, общественным деятелям), работы которых подвержены критическому анализу в этих письмах. Структура таких формул включает инклюзивное местоимение *мы*, объединяющее автора и адресата (конкретного и обобщенно-потенциального) и лексемы *благодарность, благодарить, благодарный, вспомняем, вспоминаем*:

«Мы с благодарностью вспоминаем имена Анны Гулевичевны Лозкиной, основательницы Киевского Богоявленского братства (в 1615 году)...» (к графине А.Д. Блудовой) [257: 86]; *«Приведенные три свидетельства (за которые с благодарностью вспомняем Величка!) подтверждают показания Сирка о 1612 годе»* (к Н.И. Костомарову) [257: 243]; *«Мы готовы благодарить г. Кулиша, что он доставил профессору Бодянскому сделанный им список Летописи Самовидца...»* (к Г.П. Галагану) [252: 525-526].

Эти этикетные формулы служат способом выражения благодарности определенным ученым, писателям и общественным деятелям за их достижения не только от лица автора писем, но и от всего ученого и общественного мира.

С такой же целью М.А. Максимович использует и конструкцию *нельзя не сказать ... спасибо*:

«Над нею в том издании потрудился известный Русин Вагилевич: и нельзя не сказать ему спасибо, хотя переделка всего текста Несторова на правопись Остромировского евангелия, с юсами и прочее, придает вид не свойственный для Киевского летописания времен Мономаховых» (к М.П. Погдину) [253: 353].

Обращает на себя внимание синтактико-стилистическая организация этикетных формул благодарности. Они представлены в форме полных предложений, вводных конструкций, а также такой стилистической фигуры, как парантеза – самостоятельно, интонационно и графически выделенное высказывание, вставленное в основной текст и имеющее значение добавочного сообщения, разъяснения или авторской оценки: *«Приведенные три свидетельства (за которые с благодарностью вспомянем Величка!) подтверждают показания Сирка о 1612 годе»* (к Н.И. Костомарову) [257: 243]. Среди приведенных моделей следует обратить внимание на последнюю. Эта стилистическая фигура характерна для публицистических писем М.А. Максимовича, поскольку, с одной стороны, она разрушает барьер между автором и читателем, создает ощущение взаимного доверия и понимания, порождает иллюзию перехода от подготовленной речи к неподготовленной, что характеризует эпистолярный текст вообще, а с другой стороны, она вносит некоторый элемент нарочитости, что характерно для публицистического стиля.

В публицистических письмах этикетные формулы благодарности используются и в опорных предложениях I СФЕ письма, которые являются сюжетообразующими:

«С большим любопытством и удовольствием прочел я в Киевлянине (№91-92) занимательную статью вашу о Данииле Братковском. Вы пояснили его малоизвестную доньше деятельность и злополучную судьбу этого человека. В благодарность за вашу статью, сделаю небольшое к ней дополнение» (к В.В. Антоновичу «О Богдане Братковском») [252: 539].

Такие предложения являются семантическими и грамматическими доминантами эпистолярных текстов, а этикетные формулы благодарности

свидетельствуют о большом уважении и признательности М.А. Максимовича своим адресатам за их поступки или достижения, которые не оставили автора посланий равнодушным.

Еще более эмоциональному выражению благодарности в публицистических письмах М.А. Максимовича служат этикетные конструкции, оформленные с помощью устаревшей лексики *исполать*, а также лексем *честь*, *хвала* и *слава*:

*«С любопытством прочел я, в последней книжке Московских Чтений, вашу статью о полковниках Прилуцких. Она для меня важнее вашей остроумной статьи о первых гетманах; ибо в ней, из местных записей, вы открываете нам разом нескольких неизвестных донине полковников бывшего Прилуцкого полка; и ваш прежний их список (в истории Малороссии), состоявший только из пяти человек, теперь обращается в довольно длинный ряд: 1) Ясько Воронченко, 2) Петро Дорошенко, 3) Дмитро Чернявский, 4) Федор Терентьев, 5) Лазарь Горленко, 6) Иван Стороженко, 7) Дмитро Горленко, 8) Иван Нос, 9) Игнат Галаган, 10) Григорий Галаган, 11) Александр Якубович. – **Исполать вам!**»* (к Н.А. Маркевичу «Заметка о первых гетманах козацких и первых полковниках Прилуцких») [252: 321]; *«Получил ваш новый гостинец, «Записки о Южной Руси», и сердечно благодарю за прекрасный подарок. Я читаю с наслаждением ваши Записки, встречая в них то старых знакомцев своих, то новые новины, добытые вами из старой памяти народа. **Хвала вам и сотрудникам вашим...**»* (к П.А. Кулешу «О сотнике Харьке и запорожце Чупрыне») [252: 595]; *«Труду г. Кулиша Малороссийская литература обязана первым историческим романом, за что и **да будет ему навсегда подобающая честь в истории Малороссийской литературы!**»* (к Г.П. Галагану «Об историческом романе г. Кулиша «Черная Рада») [252: 531].

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» отмечается, что лексема *исполать* является устаревшей, имеет значения *хвала*, *слава* и употребляется в восклицательных обращениях как выражение одобрения, восхищения [183: 491]. А по данным «Большого толкового словаря

современного украинского языка» выражение «*честь и хвала (слава) кому-, чему-либо*» используется как призыв, который выражает восхищение, признание заслуг, достоинства кого-либо, благодарности кому-либо за что-то [35: 1557].

Этикетные формулы благодарности с лексемами *исполать, честь, хвала и слава* в публицистических письмах М.А. Максимовича служат средствами экспрессивного выражения высокой благодарности, признательности, похвалы писателям и ученым за их общественно значимые научные труды и достижения.

Для усиления степени выражения благодарности и придания большей эмоциональности своим публицистическим письмам ученый использует и разнообразные лексико-синтаксические повторы, которые оформляются как самостоятельные формулы:

«Честь и слава графу А.С. Уварову и всему московскому археологическому обществу, не пощадившему иждивения на издание этой обширной книги! Хвала трудолюбивому уроженцу киевскому, так усердно и долго работавшему над описанием древней матери городов русских!» (к М.П. Погодину) [250: 3].

Наибольшим структурным и стилистическим разнообразием в использовании этикетных формул благодарности отличаются собственно личные письма М.А. Максимовича. В них, в зависимости от характера отношений между коммуникантами, тональности общения (официально-дружеская или фамильярная), степени благодарности и ее значения для адресанта и адресата, автор варьирует способы выражения благодарности: от возвышенных, торжественных, стилистически нейтральных этикетных формул до эмоциональных, стилистически окрашенных.

Основными средствами оформления этикетных формул благодарности в собственно личных письмах М.А. Максимовича, как и в других типах писем, являются лексемы *благодарю и спасибо*. Однако использование расширителей со значением адресата благодарности, меры и степени проявления

благодарности усиливают эмоциональное содержание высказывания, выступают средством субъективного придания выразительности этикетной формуле, а также выражают отношение автора послания к сообщаемому и адресату:

«Сердечно благодарю Вас, почтеннейший Степан Петрович, за Ваш дружеский подарок, который всегда будит нам наше молодое и для поэзии золотое времечко!» (к С.П. Шевыреву) [263: 290]; *«Спасибо вам всем, и старейшие и молодшие меня, родные, милые мне друзья, за вашу любовь и ласку ко мне»* (к брату В.И. Тимковскому) [240: 4979]; *«Спасибо, сугубое спасибо вам, любезнейший Осип Максимович, за ваше письмо ко мне и присылку, за вашу ласку, тем и другим оказанную»* (к О.М. Бодянскому) [266: 141]; *«Спасибо тебе, моя возлюбленная Марья Васильевна, за письмо от 19 февр., которое мне вчера принесла Варвара В., потому что туда по адресу было оно принесено»* (к жене М.В. Максимович) [245: 49].

Такие эмоциональные этикетные формулы М.А. Максимович использует по отношению к близким адресатам, с которыми его связывали фамильярные, дружеские или родственные отношения (к О.М. Бодянскому, С.П. Шевыреву, брату В.И. Тимковскому, жене М.В. Максимович и др.).

Мера проявления благодарности, степень важности для автора послания, сделанного адресатом, могут усиливаться и благодаря повтору основных лексем *благодарю, спасибо* или их расширителей в этикетных формулах благодарности, а также повтору самостоятельных этикетных формул разной лексико-синтаксической структуры и стилистическому приему градации:

«Много и премного благодарен вам, любый земляче, за ваше письмо от 3 апр., доставившее мне, по истине назидательное удовольствие!» (к О.М. Бодянскому) [266: 148]; *«Я вам еще и еще благодарствую от всей души за редакцию моих статей в Русской Беседе и прошу вас впред рукою властною вычеркивать там все лишнее и изменять, что признаете во благо»* (к О.М. Бодянскому) [266: 148]; *«Письмо ваше от 10-го декабря с сотнею Наумовских рублей подоспело в самую пору, и я благодарил вас за него»*

мысленно, а теперь и письменно благодарю вас за ваше дружеское ко мне внимание» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 412].

Такие стилистические приемы очень ярко передают эмоциональное состояние М.А. Максимовича, его безграничную благодарность друзьям за поддержку и распространение его научных работ, а особенно за присылку новых научных работ других авторов, поскольку он, как настоящий ученый, хотел быть в курсе новых научных работ и достижений, что затруднялось его безвыездным положением с Михайловой горы в связи со слабым здоровьем.

В собственно личных письмах к адресатам, с которыми М.А. Максимовича связывали официально-дружеские отношения (к К.С. Сербиновичу, П.Г. Лебединцеву, П.А. Вяземскому и др.), он использует стилистически нейтральные, характерные для официально-делового стиля расширители меры и степени (*покорно, покорнейше, премного* и др.) и традиционные формы обращения, характерные для собственно личной переписки XIX века (*любезнейший Григорий Петрович, почтеннейший и дорогой Петр Гаврилович* и др.):

«Благодарю Вас покорно за присылку экземпляров третьей статьи моей о Песни Игорю» (к К.С. Сербиновичу) [249: 261]; *«Премного благодарен Вам, любезнейший Григорий Петрович, за вашего Основьяненка, которого я прочел давно и с истинным удовольствием, – обнимаю Вас от всего сердца за милое письмо ваше ко мне...»* (к Г.П. Данилевскому) [255: 22]; *«Благодарю Вас премного, почтеннейший и дорогой Петр Гаврилович, за ваше приятнейшее письмо от 11 октября, которым усладился так благовременно, ибо я находился тогда в сильном желании беседы вашей»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 400]; *«Благодарю вас покорнейше за ваш поэтический подарок моей «Деннице», который сейчас получил от Пушкина: в вашей «Кибитке» и по раздольным ухабам накатаешься досыта!»* (к П.А. Вяземскому) [256: 85].

Официальный характер в собственно личных письмах М.А. Максимовича носят и этикетные конструкции, которые оформляются с помощью глаголов

примите, приношу, прошу передать и лексем *благодарность* и *признательность*, характерных для официально-деловой переписки автора:

«Примите благодарность мою за письмо Ваше и вместе простите, что так долго не отвечал: все хотелось отвечать не одним словом, но и делом для журнала, ибо мысль и жизнь здесь направлена на дела ...» (к К.С. Сербиновичу) [249: 240]; *«Приношу Вам, почтеннейший Степан Петрович, великую благодарность за присланные мне вами книги Ваши»* (к С.П. Шевыреву) [263: 287]; *«Прошу вас передать Обществу мою признательность за присылку Чтений и нескольких других книг от него изданных и представить ему мою статейку о Лаврской школе, по случаю нового года написанную»* (к О.М. Бодянскому) [266: 131].

В собственно личных письмах М.А. Максимовича этикетные формулы благодарности, в которых лексемы *спасибо* и *благодарность* сочетаются с глаголами *скажу, говорю* и инфинитивными конструкциями *спешу сказать, должен сказать*, являются также ярким средством реализации категории диалогизации:

«Сто раз вспоминал я тебя с сердечной благодарностью: и за твой дружеский привет о богоданном моем сынишке, и за подарок мне второизданного твоего умственного детища. Теперь и на письме говорю тебе великое, душевное мое спасибо за то и другое» (к С.П. Шевыреву) [263: 291]; *«Давно уже не беседовали с вами, да и теперь лишь коротенько скажу вам – во-1-х, спасибо за присланные мне книжки Чтений и оттиски Острога и Зубрицкого акта»* (к О.М. Бодянскому) [266: 133]; *«Вчера получил я 1 книгу Чтений и письмо ваше, любезнейший Осип Максимович, от 28 февраля, - спешу сказать вам ответное спасибо за всю вашу приязнь и добрую ласку ко мне»* (к О.М. Бодянскому) [266: 156]; *«Благодарю Вас сердечно за этот подарок и за Ваше доброе ко мне слово! Степными сказками Вашими, отчасти мне уже знакомыми, полюбуюсь теперь вновь и вполне, – и если найдется что сказать об них, кроме голословной похвалы, то я с удовольствием это сделаю»*

со временем... Теперь же скажу только еще раз спасибо, и помогай Бог!» (к Г.П. Данилевскому) [255: 21].

Такие этикетные формулы благодарности свидетельствуют о высокой степени диалогизации собственно личных писем М.А. Максимовича и приближают их к устной разговорной речи.

Наряду с лексемами *спасибо, благодарю, благодарность, признательность* в собственно личных письмах для выражения благодарности автор использует и лексемы *благодарный, благодарен*, которые в сочетании с атрибутивными расширителями (*сердечно, много и премного, очень* и др.), указывают на меру и степень проявления благодарности:

«Благодарный Вам за нее сердечно, я отвечаю ныне своим украинским, печатным, майским стихотворением, с которым я к июню вернулся из Киева на свою Михайлову Гору, к сожалению, и простуженный, и невеселый, хотя, впрочем, и то и другое уже прошло и сошло с меня, как с гуся вода ...» (к А.П. Елагиной) [260: 49]; *«Особливо мы, Украинцы, благодарны за издание Кониского и Летописи Самовидца ...наконец!»* (к О.М. Бодянскому) [266: 131]; *«Много и премного благодарен вам, любый земляче, за ваше письмо от 3 апр., доставившее мне, по истине назидательное удовольствие!»* (к О.М. Бодянскому) [266: 148].

Данные этикетные формулы используются автором в основном при обращении к адресатам, с которыми его связывали официально-дружеские отношения (к А.П. Елагиной, Г.П. Данилевскому, П.А. Вяземскому и др.), и, несмотря на свою эмоциональность, которая маркируется использованием этикетными расширителями, все же характеризуются официальностью, сдержанностью и подчеркнутой уважительностью.

Лексему *благодарен* М.А. Максимович также использует и в условных предложениях, которые представляют собой не прямой способ выражения просьбы:

«Если вы мне вышлите заработок Наумовский, я буду вам чрезвычайно благодарен, и чем скорее, тем лучше, ибо целый год обходился двух третним

пенсионом и не выработал пером ни гроша» (к О.М. Бодянскому) [266: 164]; «... и мне хоть два или три оттиска письма моего о грамматике Ломоносова, о котором к неожиданному удовольствию моему имею уже два приятные отзыва из Петербурга» (к О.М. Бодянскому) [266: 180].

Этикетные формулы благодарности в таких конструкциях служат для выражения побуждения в мягкой форме и используются автором в деликатных ситуациях просьбы, связанных с его научной и творческой деятельностью.

В некоторых собственно личных письмах лексемы *благодарю, спасибо, благодарен* используются в сочетании с глаголами в форме прошедшего времени:

«Я весьма благодарен был Вам и за то, что этою задачею вывели меня из безвыходного сидения над полками и сотнями прежней Украины, над стариною межигорскою и других украинских монастырей, среди которого застало меня письмо Ваше от 22 февраля» (к С.П. Шевыреву) [263: 282]; «В присланных вами мне бумагах нашел я нечто новое, о чем и сказал про себя спасибо вам, также как и за изданный вами том Архива о городах» (к В.Б. Антоновичу) [243: 66955]; «За статьи о проекте устава академии я истинно благодарил в душе моей и комитет университетский весь, и вас в особенности» (к О.М. Бодянскому) [266: 170].

Средствами выражения возвышенной благодарности, восхищения в собственно личных письмах, так же как и в публицистических, служат лексемы *исполать, честь, слава, хвала*:

«Рад душевно, что Белозерский успел устроить Основу: исполать ему! И помогай ему Бог!» (к Т.Г. Шевченко) [267: 648]; «Честь Вам и слава, что собираетесь так достойно на столетний праздник Московского Университета, следственно – на праздник просвещения Русского...» (к С.П. Шевыреву) [263: 281]; «Я с наслаждением прочел и Словарь, где особенно любовался Мерзляковскою биографией, и историю университета, столько же удовлетворительную для нас, как была многотрудною для Вас; и юбилей, где

Вы так красноречиво подвизались и первенствовали. Хвала Вам и память нескончаемая!» (к С.П. Шевыреву) [263: 287].

Такие возвышенные, эмоциональные формулы автор использует для благодарности своим адресатам за их особые достижения и заслуги в общественной и научной жизни общества (например, В.М. Белозерскому – за учреждение журнала «Основа»; С.П. Шевыреву – за организацию столетнего праздника Московского Университета, за издание «Биографического Словаря Профессоров Московского Университета», «Истории Русской Словестности»; О.М. Бодянскому – за издание книг «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских» и др.).

В этикетных формулах благодарности собственно личных писем М.А. Максимовича нашла свое отражение и глубокая религиозность автора. В этикетных ситуациях благодарности он использует такие религиозные фразеологизмы как: *слава Богу, благодаря Бога, благодарю Бога, благодарение Богу*, – которые, по данным «Фразеологического словаря русского литературного языка конца XVIII-XX вв.», выражают значение удовлетворения, радости по поводу чего-либо [202: 25]. При этом можно наблюдать, что в речи автора эта единица имеет не междометное, как в современном русском языке, а практически полное значение:

«Слава Богу, однако, что Вы опять здравствуете!» (к С.П. Шевыреву) [263: 285]; *«Я на горе своей обретаюсь, благодаря Бога, в довольном еще здравии, жена моя тоже здравствует; обоим радуемся своим Алексейком, истинно-прекрасным человеком Божиим»* (к С.П. Шевыреву) [263: 294]; *«Спасибо вам всем, и старейшие и младшие меня, родные, милые мне друзья, за вашу любовь и ласку ко мне. Благодарю Бога, вложившего в сердце мне мысль двинуться к вам с Днепровских берегов и увидеть, услышать вас лицом к лицу ...»* (к В.И. Тимковскому) [240: 4979]; *«Мое здоровье, благодарение Богу, служит порядочно»* (к жене М.В. Максимович) [245: 17].

О своей христианской вере автор сам пишет в одном из писем к Н.Н. Похвисневу:

*«Думаю, что до Тифлиса вы уже доехали, и доехали благополучно, здоровы и невредимы; и потому, мне, яко христианину, во-первых, подобает **воздеть руки мои к Вождю странствующих с благодарением**, а потом и с просьбою, да сохранит вас от всякого зла вообще, и от недуга в особенности, ибо я все еще думаю, что в Тифлисе дышат воздухом тяжелым»* (к Н.Н. Похвисневу) [226: 676].

Кроме фразеологизмов религиозного характера, в роли этикетных формул благодарности М.А. Максимович в письме к библиографу С.И. Пономареву использует и трансформированные строки из молитвы «Отче Наш»:

*«Наш милый Барсуков на днях известил меня, что к Святкам будет напечатан вторым изданием мой Юбилей, за который и **ныне и присно вечно юная и новая благодарность**»* (к С.И. Пономареву) [265: 43].

Этикетные формулы благодарности религиозного содержания функционируют в письмах автора только к близким друзьям и родственникам (С.П. Шевыреву, Н.Н. Похвисневу, О.М. Бодянскому, брату В.И. Тимковскому, жене М.В. Максимович и др.). Они имеют экспрессивно-стилистическую окраску и передают глубокое эмоциональное состояние благодарности, радости, автора по поводу того или иного события в момент написания письма.

Особого внимания в собственно личных письмах М.А. Максимовича заслуживают контаминированные русско-украинские этикетные формулы благодарности. Подбирая слова, которые наиболее ярко передавали бы чувства благодарности, автор старался использовать не просто наиболее подходящие, но в то же время неповторимые, индивидуальные формулы, которые как нельзя лучше передавали бы состояние его души. В связи с этим в собственно личных письмах к своим землякам архитектору А.Ф. Кистяковскому, О.М. Бодянскому, жене М.В. Максимович ученый использовал индивидуально-авторские формулы благодарности, соединяя русские и украинские этикетные единицы:

*«Сугубая и трегубая вам **вдячность моя**, вам, достолюбезнейший земляче мой, Александр Федорович, за ваше дружеское во мне участие, ознаменованное и повещениями вашими сюда о назначении мне 500 р. от*

ласкового князя Киевского» (к А.Ф. Кистяковскому) [244: 68859]; *«Много и премного благодарен вам, любый земляче, за ваше письмо от 3 апр., доставившее мне, по истине назидательное удовольствие!»* (к О.М. Бодянскому) [266: 148]; *«Письмо ваше, любезнейший земляченьку, от 29 янв. и приложенные при нем 235 р.с., я имел удовольствие получить, и дуже дякую вам за это прислание, столь благовременное к исходу великой зимы; буде чим худорбу Михайловой горы полатати ...»* (к О.М. Бодянскому) [266: 159]; *«Спасибо вам, коханий земляче, за ваше последнее любезное письмо, которым увеселили меня на прощание с этим невеселым годом»* (к О.М. Бодянскому) [266: 176]; *«Благодарю тебя, моя дружино милая, за все твои сердечные речи, которые для меня сладки и пригожи»* (к жене М.В. Максимович) [245: 4]; *«Спасибо тебе, мое сердечнятко, за твое великодное письмецо: видно мы живо и сильно думали друг о друге, что ты видела меня так живо на Великодень»* (к жене М.В. Максимович) [245: 30].

Данные этикетные формулы благодарности строятся либо с помощью использования опорных украинских лексем *вдячність* и *дякую*, либо с помощью русских лексем *спасибо*, *благодарю*, *благодарен*, которые осложняются украинскими или смешанными русско-украинскими формами обращения. Дополнительную экспрессивную окраску этим формулам благодарности придают русские и украинские эпитеты: *сугубая* и *трегубая*, *достолюбезнейший*, *любый*, *коханий* и др. Индивидуально-авторские формулы благодарности отличаются наивысшей степенью эмоциональности и используются автором только в письмах к близким по духу адресатам, имеющим с ним общее украинское происхождение.

В структуре дискурса, как показал анализ, этикетные формулы благодарности могут занимать разную позицию. Чаще всего они оказываются в начале фразы и акцентируют внимание адресата на выполнении этикетного действия благодарности, воздействуя на его чувства и вызывая соответствующую реакцию:

«Примите мою искреннейшую благодарность за Ваше намерение иметь меня Профессором в Университете Святого Владимира» (к С.И. Давыдову) [271: 2]; «Приношу глубокую благодарность за избрание меня в действительные члены Общества и всемерно потщусь оправдать столь лестное для меня внимание» (к адмиралу Ф.П. Литке) [264: 302].

Если указанная дискурсивная единица находится в середине текста, то она имеет характер попутного замечания, а внимание адресата акцентируется на основном содержании письма. В таких случаях этикетные формулы благодарности представляют собой либо вводные конструкции, либо вводятся с помощью парантезы:

*«Этими занятиями и опытом двухлетнего преподавания я удостоверился, что в настоящее время – **благодаря Бога** – могу уже посвятить себя вновь ученым трудам на пользу общественную; и потому я решился возобновить службу мою на педагогическом поприще» (к С.С. Уварову) [264: 299]; «Приведенные три свидетельства **(за которые с благодарностью вспомянем Величка!)** подтверждают показания Сирка о 1612 годе» (к Н.И. Костомарову) [257: 243]; «Продолжение моего «Наума» **(за добрую память о коем вам великое спасибо)** последует, кажется в феврале...» (к П.А. Вяземскому) [256: 93].*

Акцентирование внимания на значимости события, вызвавшего признательность, достигается благодаря размещению этикетных формул благодарности в конце высказывания:

*«Благосклонное снисхождение к моей просьбе и столь лестное и поощрительное для меня доверие Вашего Высокопревосходительства дают мне смелость вновь **изъявить пред Вами возрастающее в душе моей чувство благодарности**» (к С.С. Уварову) [264: 280]; «Предложение Вашего Сиятельства от 29 мая я имел честь получить сего июня 9 дня и **первым делом себе поставляю мою признательность за все Ваше благосклонное ко мне внимание**» (к С.И. Давыдову) [264: 289]; «Надо бы мне об этом воззвать к С.С. Гогацкому, назначившему две, как *tipitit* ... или к М.А. Тулову,*

вспомнявшему меня, спасибо ему, на выезде моем» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 388].

Повтор опорных лексем, их расширителей или этикетных формул, градация в выражениях благодарности отражают состояние эмоционального подъема автора послания, а также направлены на формирование позитивного отношения адресата к высказанному адресантом.

2.3.3. Формулы извинения в письмах М.А. Максимовича

Этикетные формулы извинения в переписке М.А. Максимовича играют не менее важную роль, чем этикетные единицы выражения обращения, просьбы, благодарности, хотя и отличаются меньшим лексико-семантическим разнообразием.

«Извиняться» означает «просить прощения, приводить что-либо в свое оправдание» [149: 239], а «прощать» – «не ставить в вину что-либо, забыть вину, обиду, извинить» [149: 628]. Таким образом, ситуация извинения – это прежде всего осознание адресантом своей вины и попытка повиниться с помощью специальных этикетных выражений.

В письмах М.А. Максимовича этикетные формулы извинения реализуются во всех структурных элементах письма. Использование этикетных формул извинения в начале письма, как правило, связано с нерегулярностью переписки, несвоевременностью ответа на полученное письмо:

«Препровождая при сем Словарь и Грамматику, составленные г. Носенком, честь имею представить мое мнение об оных, написанное для представления Господину Министру, и покорнейше прошу извинить меня великодушно в замедлении, с которым я исполнил сие поручение: причину тому множество других занятий и расстроенность здоровья, которую в последнее время я стал чувствовать» (к С.И. Давыдову) [274: 5]; *«Не взыщите же, если вместо ожидаемых Вами биографий, при моих недостаточных для того материалах, напишу Вам теперь лишь краткое Воспоминание»* (к С.П. Шевыреву) [275: 255]; *«Я так долго не писал к вам и не*

изъявил моей душевной благодарности вам, что и вспомнить страшно, – и почитаю вину свою столь великою, что извиняться совестно» (к П.А. Вяземскому) [256: 89].

Как видно, автор стремится избавиться от неприятных моментов предыдущего общения и наладить отношения с адресатом в настоящем. Поэтому признание своей вины, выражение сожаления позволяет адресанту воздействовать на эмоции и поведение адресата, а также способствует достижению его расположения.

В информационной части письма формулы извинения появляются при повествовании об определенных событиях, реалиях жизни, за которые автор испытывает чувство ответственности или вины:

«В таком случае я должен только извиниться в недостаточной ясности, с какою, например, говоришь ты: «все вы, друзья мои, сказать просто, пересыпаете из пустого в порожнее!» (к М.П. Погодину) [252: 93]; *«Извините, что в министерский журнал посылаю не совсем чистый манускрипт»* (к К.С. Сербиновичу) [249: 255]; *«И мне совестно стало, что у вас доселе, там в Петрограде, нет ответного моего слова на вопросы ваши»* (к П.А. Вяземскому) [256: 101]; *«Не взыщите за болтовню как прежних моих писем к вам, так и этого ...»* (к П.А. Вяземскому) [256: 105]; *«Будучи слишком вдвое старше Вас, позволяю себе давать Вам это опытное наставление в жизни – извините, или скажите спасибо – а я делаю свое, и говорю Вам сердечную и житейскую правду»* (к Г.П. Данилевскому) [255: 23].

Такие этикетные формулы извинения не только выражают осознание автором своей вины, но и выступают знаками проявления почтения и уважительного отношения к собеседникам, как и формулы благодарности.

В концовке писем М.А. Максимовича этикетные формулы извинения часто сопровождают этикетные выражения повторных просьб или представляют собой повтор извинений, содержащихся в информационной части:

«С таким же участием, конечно, Вы пожалеете, что я теперь более похож на рыцаря печального образа, чем на кавалера Владимирского: почти весь ноябрь, а особливо декабрь я решительно болен; по той причине и не изготовил Вам ничего особо, а если будет меньше болеть голова и грудь, то к половине генваря надеюсь что-нибудь доставить хоть из моей истории русской словесности, а может быть что-нибудь смогу и нарочное сделать. **Простите**, желаю Вам с Новым годом встретить все хорошее и доброе и прошу продолжить приязнь Вашу к почитающему Вас и преданному Вам покорнейшему слуге М. Максимовичу» (к К.С. Сербиновичу) [249: 265]; «**Извините меня, а я еще раз** изъявляю мое сильное желание вашей прозы, хоть несколько строк: она так действительна была в прошлом году, а у меня так мало в прозе замечательного... <...> **Простите, что с такою ненасытностью, так неотвязно и даже условно прошу вас...**» (к П.А. Вяземскому) [256: 86].

В концовке писем автор использует такие формулы в особо важных случаях, когда они имеют для него большое значение и служат способом выражения почтительного отношения к адресатам.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что этикетные формулы извинения употребляются не во всех типах писем. Они представлены в официально-деловых, публицистических и собственно личных письмах. Их отсутствие в научных письмах объясняется структурными и содержательными особенностями данного типа писем. Рассмотрим этикетные формулы извинения более подробно.

Основными единицами, служащими для оформления этикетных формул извинения в письмах М.А. Максимовича, являются лексемы *извините*, *простите*:

«**Извините меня, есть ли я несколько замедлил с моею второю статьей...**» (к К.С. Сербиновичу) [249: 232]; «**В таком случае я должен только извиниться в недостаточной ясности, с какою, например, говоришь ты: «все вы, друзья мои, сказать просто, пересыпаете из пустого в**

порожнее!» (к М.П. Погодину) [252: 93]; *«Простите, что доселе только безмолвною мыслию я отвечал на письмо Ваше...»* (к К.С. Сербиновичу) [249: 261].

Лексемы *извините, простите* выступают здесь в синонимичных значениях и означают «просить прощение за что-либо» [149: 621]. При этом этикетные формулы обязательно сопровождаются пояснениями относительно предмета или ситуации, повлекших за собой необходимость извинения, что придает им информативный характер. Такие высказывания не только выражают осознание автором своей вины, выступают знаками проявления уважения и почтительного отношения к собеседнику, но и в то же время сообщают об определенных событиях и фактах жизни адресанта:

«Препровождая при сем Словарь и Грамматику, составленные г. Носенком, честь имею представить мое мнение об оных, написанное для представления Господину Министру, и покорнейше прошу извинить меня великодушно в замедлении, с которым я исполнил сие поручение: причиною тому множество других занятий и расстроенность здоровья, которую в последнее время я стал чувствовать» (к С.И. Давыдову) [274: 5]; *«Извините меня, а я еще раз изъявляю мое сильное желание вашей прозы, хоть несколько строк: она так действительна была в прошлом году, а у меня так мало в прозе замечательного; на Пушкина уже потерял я надежду прозаическую; Баратынский обещал написать повесть, но я готов бы сказать ему: не сули журавля в небе, а дай синицу в «Денницу». Нет ли у вас хоть несколько строк о нравственности литературной, о Видоке или об чем-либо другом, только бы не о Полевом исключительно»*.

Простите, что с такою ненасытностью, так неотвязно и даже условно прошу вас: я не сделал бы этого, не будучи уверен в вашем ко мне расположении и не имея в себе того чувства уважения и преданности к вам, с которыми, с тех пор как узнал вас лично, к вам пребываю» (к П.А. Вяземскому) [256: 86].

В официально-деловых письмах, когда автор осознает свою вину как более значительную, этикетные формулы извинения усложняются глаголом *просить* обычно в личной форме:

«Препровождая при сем Словарь и Грамматику, составленные г. Носенком, честь имею представить мое мнение об оных, написанное для представления Господину Министру, и **покорнейше прошу извинить меня великодушно в замедлении**, с которым я исполнил сие поручение: причину тому множество других занятий и расстроенность здоровья, которую в последнее время я стал чувствовать» (к С.И. Давыдову) [274: 5]; «Благодарю вас, любезные товарищи и сотрудники, за ваше внимание ко мне и содействие! Если я был полезен университету, то этим я обязан вам; и если в ком либо из вас произвел собою неприятное впечатление, **прошу великодушно простить, ибо то было безнамеренно**» (к членам Императорского Университета Св. Владимира) [259: 340].

Такие усложненные конструкции со значением просьбы имеют характер настойчивой вежливости. Более того, лексема *прошу* в таких этикетных формулах также может осложняться расширителем меры и степени *великодушно*, который передает меру искренности извиняющегося.

В одном из своих официально-деловых писем к редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К.С. Сербиновичу в начале их регулярной переписки Максимович *использует* описательную конструкцию с лексемой *извинение*, имеющую экспрессивную окраску:

«**Внимание и доброе расположение Ваше ко мне, дающее мне право на наше знакомство, конечно, не откажет и в извинении за столь долгое молчание**; причиной тому страшная тягота служебных, типографических и житейских попечений, столпившихся по случаю скорого перемещения моего, и болезненное состояние головы и глаз моих, вовсе не кстати ко мне привязавшееся» (к К.С. Сербиновичу) [249: 235].

В публицистических письмах лексема *простите* используется не только в ее основном значении «просить прощения», но и в одном из устаревших

значений, а именно, «как возглас при расставании в значении «прощайте» [181: 525]:

«Ровно полжизни моей прошло с той поры, как я благоденствовал на Южном берегу Крыма. Тогда мне был 32-й, ныне 64-й год. Но не прошло еще ни желание, ни упование мое побывать и погулять там вторично. И для меня стали заветными слова поэта, вами в первый раз объявленные изданием «Бахчисарайского фонтана»:

*«Приеду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный,
И вновь Таврические волны
Обрадуют мой жадный взор».*

Простите!» (к П.А. Вяземскому) [250: 148].

В этом значении лексема *простите* служит одной из дискурсивных единиц для оформления концовок некоторых публицистических и собственно личных писем М.А. Максимовича. Здесь же используются и осложненные этикетные формулы извинения, которые, в отличие от официально-деловых писем, сопровождаются модальным глаголом *должен* в значении «вынужден»:

«В таком случае я должен только извиниться в недостаточной ясности, с какою, например, говоришь ты: «все вы, друзья мои, сказать просто, пересыпаете из пустого в порожнее!» (к М.П. Погодину) [252: 93].

Такие экспрессивные конструкции свидетельствуют о том, что автор не столько осознает свою вину, сколько вынужден признать ее в связи с определенными обстоятельствами, например, открытием новых научных фактов, неизвестных ему.

Для публицистических писем М.А. Максимовича характерно также функционирование неспециализированных средств выражения извинения с опорной лексемой *взыскать*:

«Не взыщите же, если вместо ожидаемых Вами биографий, при моих недостаточных для того материалах, напишу Вам теперь лишь краткое Воспоминание» (к С.П. Шевыреву) [275: 255].

Конструкция *не взыщите*, согласно данным «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, означает «будьте снисходительны к кому-либо» и семантически очень близка к вежливой просьбе о прощении [180: 171]. Этикетные формулы извинения, оформляющиеся с помощью данной конструкции, имеют экспрессивную окраску, которая усиливается еще и благодаря использованию усилительной частицы *же*, а также фразеологизма *ради Бога*. Они служат для выражения усиленной просьбы простить что-то, апеллируя к чувствам адресата, и употребляются не только в публицистических, но и в собственно личных письмах М.А. Максимовича:

*«А между тем все-таки не имел возможности ничего сделать по давнему хотению и обещанию моему, и принужден был ограничить мое в сем году участие лекцией о слове, по желанию Вашему, – которую препроводил к Вам на прошлой неделе. **Не взыщите, Бога ради**, у нас такая бездна работы по Университету и округу, и работы, которую по ботанической привычке могу назвать земляпашною »* (к К.С. Сербиновичу) [249: 240]; *«**Не взыщите** за болтовню как прежних моих писем к вам, так и этого ...»* (к П.А. Вяземскому) [256: 105].

Собственно личные письма М.А. Максимовича отличаются наибольшим лексическим разнообразием в оформлении этикетных формул извинения. Здесь автор использует и традиционные, специализированные лексемы *извините*, *простите*, и достаточно большое количество неспециализированных средств выражения извинения. Это и упоминавшаяся выше конструкция *не взыщите*, которая близка снисходительной просьбе, а также такие лексемы, как: (я) *виноват*, *виниться*, (мне) *совестно*, *посовеститься*, *уверен, что не рассердитесь*, (мне) *очень жаль*:

*«Ради нынешнего дня, столь праздничного в нашем славном городе Переяславе, **извините** мое медление в ответе на ваше письмо»* (к О.М. Бодянскому) [266:172]; *«**Простите**, что доселе только безмолвною мыслию я отвечал на письмо Ваше: признаюсь – хотелось явиться к Вам с приложением чего-либо журнального...»* (к К.С. Сербиновичу) [249: 261];

«Зимние карикатуры» ваши и «Песня» уже в печати. Перечитывая их, я признаюсь, *посовестился за неумеренность своих желаний в прошлом письме*» (к П.А. Вяземскому) [256: 87]; «*И мне совестно стало, что у вас доселе, там в Петрограде, нет ответного моего слова на вопросы ваши*» (к П.А. Вяземскому) [256: 101]; «*Я уверен, что вы не рассердитесь за мое нахальство*» (к Н.Н. Похвисневу) [226: 677]. Этикетные формулы извинения с ключевыми лексемами *виноват* и ее устаревшей и просторечной формой *виниться*, которые имеют значение «признаваться в своей вине, извиняться» [180: 176], представляют собой своеобразные высказывания – признания собственной вины, которые также служат для выражения извинения.

Конструкция *уверен, что не рассердитесь* используется автором в качестве психологического приема воздействия на адресата как выражение надежды на его доброту и отзывчивость.

Лексема *жаль* и устаревшие, разговорные лексемы *совестно, посовестился* имеют значение «испытывать раскаяние в чем-либо, чувство стыда за что-либо» [182: 174]. Они используются автором в этикетных формулах извинения для выражения признания собственной вины и стремления ее загладить.

Таким образом, специфические дискурсивные единицы – этикетные конструкции, оформляющиеся с помощью неспециализированных средств выражения извинения, передают осознание автором своей вины, желание наладить отношения с адресатом и, вместе с тем, благодаря использованию стилистически окрашенных обращений (*высокочтимый и многолюбимый князь, дорогой земляче* и др.), а также разговорных и просторечных лексем (*посовеститься, виниться, достодолжный, очевидно, совестно* и др.), придают эпистолярному диалогу простоту и непринужденность.

2.3.4. Формулы и средства завершения эпистолярного диалога в письмах М.А. Максимовича

Эпистолярный дискурс обычно завершается этикетными формулами прощания. Выступая завершающим аккордом взаимодействия коммуникантов, этикетные единицы этого рода в то же время определяют будущие взаимоотношения адресата и адресанта, прогнозируют продолжение или прекращение переписки, а значит, являются чрезвычайно важными элементами взаимодействия корреспондентов.

В эпистолярном наследии М.А. Максимовича прощание – важный этикетный элемент, который несет в себе большую эмоциональную и психологическую нагрузку. Так как, прощаясь, автор всегда стремился оставить о себе приятное впечатление, сохранить и на будущее хорошие отношения с адресатом.

Выбор той или иной этикетной формулы прощания в каждом типе писем и в каждой конкретной ситуации общения регулируется многими факторами, среди которых важнейшими являются фактор адресата (характер субъектно-адресатных отношений), сфера общения и, конечно же, личностные предпочтения автора.

Рассмотрим особенности функционирования этикетных формул прощания в каждом типе писем М.А. Максимовича более подробно.

Концовки официально-деловых писем ученого представляют собой усложненные конструкции комбинированного типа, включающие в себя стереотипные фразы и этикетные формулы (*При сем ..., Предоставляя все сие благоусмотрению и воле Вашего Сиятельства ..., С чувством глубокого почтения к особе Вашей ..., Поручая себя Вашему доброму расположению ...*), сигнализирующие о прекращении эпистолярного диалога, этикетные формулы вежливых повторных просьб (*Мне остается только просить и ждать ответа ..., Обозначив мои настоящие желания и стремления, покорнейше прошу помочь ..., С упованием благосклонного внимания Вашего к вышеизложенным желаниям и просьбам ...*), этикетные формулы благорасположения,

включающие в себя элементы почтительности и благодарности (*с истинным почтением и преданностью к особе Вашей ... , с истинным почтением, признательностью и преданностью к Вам ... , с чувством глубокого уважения и преданности к особе Вашей ... , с совершенным почтением к Вам ... , с моим истинным почтением к Вам ... , с глубоким уважением и сердечною признательностью ...*), а также автографы, состоящие из имени и фамилии автора (*Михаил Максимович, М. Максимович*), включающие развернутые вежливые, характерные для XIX века формулы благорасположения, состоящие из фразеологизмов *честь имею быть, Ваш покорный слуга (честь имею быть навсегда, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою ... , честь имею быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою ... , имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою ...)*:

«При сем, с истинным почтением и преданностью к особе Вашей, честь имею быть навсегда, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
Михаил Максимович»

(к князю С.И. Давыдову) [274: 5];

«Предоставляя все сие благоусмотрению и воле Вашего Сиятельства, с истинным почтением, признательностью и преданностью к Вам честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
Михаил Максимович»

(к князю С.И. Давыдову) [264: 290];

«С упованием благосклонного внимания Вашего к вышеизложенным желаниям и просьбам, и с чувством глубокого уважения и преданности к особе Вашей, честь имею быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою
Михаил Максимович»

(к князю С.С. Уварову) [264: 297].

Такие этикетные формулы, несмотря на официальный характер, в письмах Макамовича являются очень эмоциональными, так как выражают искренние чувства уважения, признательности, почтительности, преданности автора посланий своим официальным адресатам.

Между тем, в официально-деловых письмах, адресованных в официальные учреждения, традиционные формулы прощания, характерные для данного типа, отсутствуют. Здесь в концовках представлены только автографы, включающие фамилию автора и его должность: *Профессор Максимович*, а также имя и фамилию автора *М. Максимович*.

Языковые и содержательные особенности, позволяющие соотносить публицистические письма М.А. Максимовича с жанром критических статей и путевых очерков, а научные письма – с жанром научных статей, обуславливают частое отсутствие традиционных концовок и подписей, характерных для ЭТ XIX века, как, например, в «Письмах о князьях Острожских» к графине А.Д. Блудовой, некоторых «Письмах о Богдане Хмельницком» к М.П. Погодину, Н.И. Костомарову и др., соотносимых с публицистическим стилем, а также в некоторых «Филологических и Новых филологических письмах» к М.П. Погодину и др., соотносимых с научным стилем.

Анализ композиционной структуры данных дискурсов показал преимущественное использование единиц, содержащих информацию, указывающую на итог, достигнутый в результате изложения критических и научных мыслей автора, иногда в сопровождении лексемы *прощай*:

«На этом и кончу мой отчет тебе о том, что относится собственно к разрешению Западного вами вопроса о наречии Малороссийском... Прощай!» (к М.П. Погодину) [254: 311]; *«Приведенных мною доказательств, кажется, достаточно для пояснения и оправдания моего мнения»* (к Н.И. Костомарову) [257: 252]; *«Итак, пока не откроется современного свидетельства, что Хмельницкий в сороковых годах был войсковым писарем, оставим его в скромном звании Чигиринского сотника, в каком знает его современное козачество под конец его догетманской жизни»* (к Н.И. Костомарову) [257: 257].

В письмах, входящих в научные и полемические циклы, концовки часто содержат высказывания, предваряющие содержание следующего письма, являясь своеобразной связкой между элементами цикла:

«Теперь обратимся к твоим выпискам» (к М.П. Погодину «Филологические письма», письмо четвертое) [254: 210]; *«Однако – прощай! За мной разбор еще 18-ти твоих выписок»* (к М.П. Погодину «Филологические письма», письмо шестое) [254: 219]; *«Но довольно выписок из Киевской Летописи. Обратимся к Нестору»* (к М.П. Погодину «Филологические письма», письмо седьмое) [254: 225]; *«Но об этом в следующем письме, при разборе тех оснований, на которых опирается вышеприведенное положение г. Лавровского»* (к М.П. Погодину «Новые письма», письмо первое) [254: 280].

Некоторые письма данных типов могут заканчиваться вопросом в функции стимула ответа адресата, который служит одним из средств реализации категории диалогизации:

«Не правда ли?» (к М.П. Погодину «Новые письма», письмо второе) [254: 292]; *«Не правда ли?»* (к М.В. Юзефовичу «Исторические письма о козаках Приднепровских», письмо пятое) [257: 149].

Наряду с вышеперечисленными нетрадиционными концовками ЭТ М.А. Максимовича, соотносимых с публицистическим и научным стилями, в некоторых из них также употребляются и традиционные этикетные формулы, служащие оформлению этикетных ситуаций прощания. К ним относятся этикетные формулы *«Прощай»*, *«Прощайте»*, а также этикетная конструкция *«До следующего письма»*, в которой предложно-падежное сочетание *до следующего письма* указывает на то, что разлука будет длиться до новой встречи:

«Прощай!» (к М.П. Погодину «Новые письма», письмо четвертое) [254: 311]; *«Прощайте!»* (к Н.И. Костомарову «Письма о Богдане Хмельницком», письмо седьмое) [257: 221]; *«До следующего письма!»* (к М.П. Погодину «О горе Щекавице») [253: 160].

Этикетные формулы *«Прощай»*, *«Прощайте»* семантически отличаются от этикетной конструкции *«До следующего письма»*, так как они, в основном, означают разлуку на длительное время или навсегда [181: 548]. Именно этот

факт обуславливает их частое использование в последнем письме целого научного или полемического цикла.

Однако такие этикетные формулы используются автором и как знак скорого свидания в конце очередного письма цикла, но с обязательным замечанием о продолжении эпистолярного общения:

«Однако – прощай! За мной разбор еще 18-ти твоих выписок» (к М.П. Погодину «Филологические письма», письмо шестое) [254: 219].

Следует отметить, что лексемы *прощай, прощайте* сохраняют также свою связь с соответствующим полнозначным глаголом *прощать*, основное лексическое значение которого «снять какую-либо вину с кого-либо, не поставить чего-либо в вину, извинить» [181: 525]. Прощаясь с адресатом таким способом, автор не только сигнализирует о завершении письма, но и просит своего собеседника перед разлукой извинить возможные обиды или вину. В таком же значении М.А. Максимович в публицистических письмах употребляет и лексему *простите*, о которой говорилось выше.

В некоторых публицистических и научных письмах, конкретными адресатами которых являются преимущественно лица, состоящие с М.А. Максимовичем в официальных или официально-дружеских отношениях, ситуации прощания оформляются с помощью развернутых высказываний, включающих в себя этикетные формулы пожелания (*желаю Вам ..., душевно желаю ..., вседушевным желанием ..., да будет ему подобающая честь ...* и др.), просьбы (*благоволите передать ..., попрошу ..., помилуй Бог ...* и др.), благорасположения (*свидетельствую Вам истинное почтение, душевно Вас почитающий и преданный Вам ..., снимаю с головы своей прилбицу ...* и др.), поздравления (*поздравляю ..., поздравляя ...*), а также этикетные формулы описания таких вербальных жестов прощания, как поклон и объятие (*мысленно кланяюсь ..., обнимаю Вас ...*):

«Благоволите передать мой поклон г. Палазову и фофудьями и ортмами; а перед всею Археографическою Комиссиею и всеми редакторами летописей – снимаю с головы своей прилбицу, т.е. шапку с меховым

околышем, как это пояснил я Погдину, и прежде и теперь, приводя ему это слово и из литовского статута» (к Н.П. Барсукову) [253: 425]; «Доканчиваю письмо это в последний день истекающего года, и, поздравляя вас с наступлением нового года, желаю душевно, чтобы он принес нам новый том ваших повестей на Малороссийском языке; а вам принес бы в изобилии – «уполе ядро, а в дом добро!» (к Г.Ф. Квитке-Основьяненко) [254: 328]; «Такой же след остался и от бедового города Родни, бывшего над Днепром, близ устья Роси, видного мне повседневно из окон моей Михайлогорской хаты, из которой свидетельствую вам истинное почтение и мысленно кланяюсь» (к графу А.С. Уварову) [253: 352].

Такие усложненные прощальные конструкции являются полифункциональными, поскольку они в одинаковой степени выражают и пожелание, и поздравление, и просьбу, и уважение, и прощание.

Автографы в данных типах писем автор использует редко, что объясняется, как указывалось выше, их языковыми и содержательными особенностями. В некоторых письмах данных типов в конце отдельного послания или в завершающем определенный цикл письме представлен автограф, состоящий из инициалов имени и полной фамилии: *М. Максимович* (к П.А. Кулешу «О Григории Николаевиче Теплове и его записке «О не порядках Малороссии»; к Г.П. Галагану «Об историческом романе г. Кулеша «Черная Рада» и др.), что указывает на официальный характер отношений между коммуникантами. В научно-полемиическом цикле «Филологические письма» к М.П. Погдину автограф представлен только инициалами имени и отчества, то есть криптонимами: *М.М.*, использование которых характерно для собственно личных писем М.А. Максимовича, и указывает на дружеские, неофициальные отношения между автором и адресатом.

Наибольшим разнообразием в языковом оформлении этикетных формул прощания отличаются собственно личные письма М.А. Максимовича: бытовые, интимные и дружеские. Здесь важное значение в отборе языковых средств имеет не только фактор адресата, но и тематика письма, настроение адресанта,

целеустановки, время, которое отделяет адресанта от предыдущего эпистолярного общения с адресатом, а также индивидуальные предпочтения автора. Данные факторы обуславливают разнообразие выбора тех или иных языковых средств для оформления указанных дискурсивных единиц в каждой конкретной ситуации.

Официально-дружеские отношения, связывающие М.А. Максимовича со многими писателями, выдающимися деятелями науки и культуры: В.А. Жуковским, Д.М. Княжевичем, П.А. Вяземским, П.Г. Лебединцевым, И.С. Снегиревым и др., определяют использование в собственно личных письмах автора традиционных этикетных формул прощания, характерных для официальных писем XIX века.

Концовки данных писем представляют собой усложненные конструкции комбинированного типа, характерные для официально-деловых писем XIX века, сочетающие в себе этикетные формулы пожелания (*желаю вам ...*, *желая вам ...*), благодарности (*с чувством признательности...*), просьбы (*прошу не забывать ...*, *остается только просить ...*, *благоволите адресовать ...*, *надиктуйте хоть строчку ...*), благорасположения (*с моим истинным уважением и совершенной преданностью ...*, *свидетельствуя вам мое почтение ...*, *не перестану питать в душе моей живейшего чувства уважения и преданности к Вам ...*, *остаюсь навсегда вам преданный ваш покорный слуга ...*, *имею честь быть вашим покорным слугою ...*):

«С моим истинным уважением и совершенной преданностью остаюсь вашим, милостивый государь, покорным слугою» (к князю П.А. Вяземскому) [256: 85]; *«Желая вам всего доброго и прекрасного, с чувством признательности и почтения остаюсь навсегда вам преданный ваш покорный слуга»* (к князю П.А. Вяземскому) [256: 91]; *«При сем свидетельствуя вам мое почтение, имею честь быть вашим покорным слугою»* (к О.М. Бодянскому) [266: 132]; *«Кроме того, прошу не забывать желающего Вам всякого блага и навсегда Вам преданного и почитающего Вас покорнейшего слугу»* (к К.С. Сербиновичу) [249: 263].

Однако чаще всего концовки собственно личных писем М.А. Максимовича все же оформляются с помощью этикетных формул, характерных для данного типа писем.

Наиболее распространенными в таких письмах являются этикетные формулы пожелания, основная семантическая нагрузка которых связана с понятиями здоровья, успеха, оптимизма, благополучия:

«Желаю вам здоровья и крепости душевной» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 397]; *«Душевно желаю вам доброго здоровья и успеха в делах ваших»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 411]; *«Будьте здоровы и благополучны»* (к С.П. Шевыреву) [263: 294]; *«От всей души желая вам здоровья и долгоденствия остаюсь искренно преданный вам»* (к О.М. Бодянскому) [266: 172]; *«Да благоприятствует погода вашему странствию на родную землю»* (к О.М. Бодянскому) [266: 173]; *«Желаю тебе здоровья и бодрости душевной»* (к жене М.В. Максимович) [245: 32, 59].

Этикетные формулы пожелания в ситуации прощания оформляются с помощью глагола *желать* с различными этикетными расширителями (*душевно, от души* и др.) в сочетании с именными лексемами *здоровье, успех, благополучие* и др., глагола *быть* в форме императива в сочетании с прилагательными *здоровый, благополучный*, а также глаголов *здоровствовать и бодриться* в форме императива:

«От всей души желая вам здоровья и долгоденствия остаюсь искренно преданный вам» (к О.М. Бодянскому) [266: 172]; *«Скажите о себе хоть малым писанием в замен несбывшихся личных бесед на высотах надднепровских. Бордитесь и здравствуйте на продолжение ваших достополезных для науки трудов»* (к О.М. Бодянскому) [266: 174].

Отличительной чертой этикетных формул пожелания в письмах М.А. Максимовича, придающей им большую выразительность и индивидуализирующей эпистолярный стиль автора, является их ориентация на устно-разговорную речь украинского народа. В связи с этим в концовке писем к своему земляку О.М. Бодянскому ученый использует украинскую этикетную

формулу пожелания с суффиксами-модификатами в составе слов (*бувайте ж здоровеньки*), которая является средством выражения эмоций адресанта, а также подчеркивает искреннее, доброжелательное отношение к адресату. Кроме того, используются усложненные этикетные формулы пожелательного характера с эмоционально-окрашенными обращениями, выраженными украинскими словоформами *друже, земляче, душенько, серденько, серденьтко* и др.:

«Бувайте ж здоровеньки! Кланяюсь вам и целую ручку жинки вашей. Обнимаю вас!» (к О.М. Бодянскому) [266: 164]; *«Прощайте-же, любезнейший друже, и будьте здоровы! Обнимаю Вас от души»* (к С.П. Шевыреву) [263: 287]; *«Прощай, друже! Вспоминай меня, любящего тебя украинца Максимовича. Господь да хранит тебя!»* (к С.П. Шевыреву) [263: 294]; *«Прощайте, земляче! Будьте здоровы и полюбите меня вновь, как и я вас»* (к О.М. Бодянскому) [266: 133]; *«Но довольно на этот раз. Вы позволите мне, любый земляче, ожидать скорого отзыва Вашего на это писанье; ибо Вы знаете из моего 1-го письма, что общение с Вами обратилось для меня в душевную потребность. От всей души желаю Вам здоровья, устройства житейского Вашего и настроения мыслей Ваших на заданное себе святое дело. Возмогайте о Господе и благоденствуйте!»* (к С.И. Пономареву) [265: 41]; *«Будь здорова и спокойна, моя душенько, серденьтко мое милое, дружино моя верная»* (к жене М.В. Максимович) [245: 5].

Мастерское вплетение украинских этикетных лексем или формул обращения, пожелания в этикетные формулы прощания служит ярким средством интимизации, создания непринужденной, доброжелательной атмосферы близких по происхождению и духу людей.

В концовках писем М.А. Максимовича также широко используются этикетные формулы пожелания, в которых отражаются мировоззренческие представления и верования автора. Такие формулы оформляются с помощью устойчивых выражений, смысловым центром которых являются понятия *Бог и*

Господь. Формулы этих пожеланий, как правило, имеют побудительный характер, выражающийся с помощью частицы *да* и императива:

«Да хранит Господь милосердный здравие ваше на многие лета» (к князю П.А. Вяземскому) [256: 100]; *«Помогай Бог Вам трудиться и да хранит Он вас в добром здравьи»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 402]; *«Прощайте пока, дражайший Петр Гаврилович! Пошли вам Господь здоровье и бодрость на совершение благих дел ваших и завершение трудов годовичных»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 410]; *«Господь с вами»* (к О.М. Бодянскому) [266: 157]; *«Да хранит же Господь тебя и детей! Целую тебя мысленно»* (к жене М.В. Максимович) [245: 39].

Данные этикетные формулы являются полифункциональными, поскольку они в одинаковой степени выражают и прощание, и пожелание, и, вместе с тем, свидетельствуют о глубокой религиозности автора.

Как и в других разновидностях писем к конкретным адресатам, в концовке многих собственно личных писем М.А. Максимовича к близким друзьям, родственникам используются этикетные формулы, содержащие вербальное описание жестов объятия, поцелуя, поклона, благословения, которые оформляются с помощью соответствующих глаголов. В дискурсе прощания они обычно сопровождают основные прощальные формулы либо выступают их своеобразными эквивалентами-заменителями:

«От всей души обнимаю Вас» (к С.П. Шевыреву) [263: 289]; *«За сим желаю во всем Вам успеха и обнимаю Вас дружески»* (к С.П. Шевыреву) [263: 280]; *«Кланяюсь супруге вашей и племяннику, от души обнимаю вас и остаюсь навсегда преданный вам»* (к О.М. Бодянскому) [266: 154]; *«Обнимаю тебя крепко – от всего сердца, с братскою любовью»* (к брату В.И. Тимковскому) [240: 4979]; *«От всей души обнимаю и целую и благословляю тебя, мое сердечко милое»* (к жене М.В. Максимович) [245: 19]; *«Будьте же здоровы и благополучны! Целую тебя и детей»* (к жене М.В. Максимович) [245:40].

Этикетные формулы со значением «поцелуй», «объятие», «благословение» характеризуются высокой степенью эмоциональности и

используются автором в неофициальной, теплой, дружеской переписке с О.М. Бодянским, С.П. Шевыревым, Т.Г. Шевченко, С.И. Пономаревым, а также в семейной переписке с двоюродным братом В.И. Тимковским, дедушкой Иваном Ивановичем и бабушкой Еленой Васильевной Максимовичами, женой Марией Васильевной и сыном Алексеем.

Формулы со значением «поклон» отличаются высокой степенью почтительности и уважения, и используются автором по отношению к двоюродному брату П.Л. Деркачу, друзьям Т.Г. Шевченко, П.Г. Лебединцеву, а также в некоторых письмах к О.М. Бодянскому и С.И. Пономареву.

Прощальные выражения со значением «поцелуй» и «объятие» оличаются богатством и разнообразием форм и, вместе с тем, являются свидетельством яркой индивидуальности и неповторимого стиля автора. Лексемы *целую и обнимаю* могут функционировать как самостоятельные этикетные единицы («*Обнимаю и целую!*» письмо к жене) или сочетаться с различными расширителями, как видно из вышеприведенных фрагментов.

В качестве этикетных расширителей чаще всего выступают этикетные наречия разной степени эмоциональности (*мысленно, крепко, дружески, вседушевно, нежно* и др.) или предложно-падежные именные сочетания (*от души, от всей души, от всего сердца, с любовью, с братской любовью* и др.), придающие этикетным формулам экспрессивно-эмоциональную окраску и выражающие различное отношение автора к своим адресатам. Так, в собственно личных письмах М.А. Максимовича в прощальных выражениях со значением «поцелуй» и «объятие» среди этикетных расширителей выделяются нейтральные этикетные наречия и именные сочетания, используемые автором относительно адресатов, к которым он испытывал благосклонность и уважение (*мысленно, крепко, от души* и др.), а также эмоционально-окрашенные, индивидуально-авторские, подчеркивающие особенно близкие отношения между коммуникантами (*с братской любовью, вседушевно, нежно-нежно, от всего любящего сердца, от щирого сердца* и др.).

Богатством и оригинальностью подобных формул характеризуются письма М.А. Максимовича к жене. В них, кроме любви и нежности, ощущается наставническое, отеческое отношение к ней, что, вероятно, обусловлено их большой разницей в возрасте (он был старше Марии Васильевны на 27 лет). Оригинальность и неповторимость этикетных формул выражается и в необычной сочетаемости лексем, в искусном использовании словообразовательных средств, синтаксической организации предложений, а также в традиционной для собственно личных писем М.А. Максимовича ориентированности на народно-поэтическую речь. Важную эмоционально-смысловую нагрузку несут слова с суффиксами-модификатами и украинизмы, которые служат ярким средством интимизации, создания теплой, доброжелательной атмосферы общения, раскрывают психологическое состояние автора письма, маркируют его национальную самоидентификацию:

«От всей души обнимаю тебя, и целую тебя в уста твои сахарные, очки твои терновые, в долоньки и пальчики (коли воны не бьют никого), и в головку твою разумную под час, и всегда мою милую» (к жене М.В. Максимович) [245: 20].

Эмоциональность прощальных формул усиливается еще благодаря таким стилистическим приемам, как инверсия, повтор и др.

Важное значение в ситуации прощания в собственно личных письмах М.А. Максимовича имеет описание вербального жеста «поклон». Этикетные конструкции, служащие описанию этого жеста, оформляются с помощью лексем *кланяться*, (свидетельствовать, посылать, принимать) *поклон*:

«Кланяемся вам все трое» (к Т.Г. Шевченко) [267: 648]; *«Ваше известие о Кубареве умилительно. Извещайте меня о себе и Москве хоть изредка: вы один уже из немногих, к кому обращаюсь по-товарищески в ожидании щирого слова. Господь да хранит вас и пошлет новые силы на полезное деяние ваше! Целую ручку супруге вашей и обнимаю вас от щирого сердца. Маруся моя с своим любимым да гарным хлопчиком свидетельствует вам обоим усерднейший поклон и привет»* (к О.М. Бодянскому) [266: 159]; *«Бувайте ж здоровеньки!*

Кланяюсь вам и целую ручку жинки вашей. Обнимаю вас!» (к О.М. Бодянскому) [266: 164]; *«Кланяюсь супруге вашей, а вас обнимаю и здоровья желаю»* (к О.М. Бодянскому) [266: 170]; *«Примите от меня и Марьи Васильевны моей усерднейший поклон наш Вам и супруге Вашей и желание Вам всякого благополучия»* (к М.Г. Щербаку) [246: 87].

Прощальные выражения с опорными компонентами *кланяться, свидетельствовать поклон, посылать поклон, принимать поклон* расширяются с помощью традиционных этикетных прилагательных (*усерднейший, низенько* и др.), а также индивидуально-авторских описательных конструкций, часто ориентированных на украинскую устно-разговорную речь, что проявляется, как уже отмечалось выше, в широком использовании украинских лексем:

«Мысленно обнимаю вас, – низенько кланяюсь подружню вашему» (к О.М. Бодянскому) [266: 176]; *«Все мы вкупе посылаем Вам наш Михайлогорский четвероцветный поклон и дружеский привет»* (к С.И. Пономареву) [265: 44].

Лексема *поклон*, наряду с лексемой *привет*, в концовках писем М.А. Максимовича к близким друзьям и родственникам также функционирует в этикетных формулах просьбы передать приветствия как от себя лично, так и при передаче приветствий от имени жены и сына, которые часто наблюдаются в сочетании с другими этикетными формулами:

«Поклонитесь от меня всем нашим Славянам, не забывают меня, я же желаю вам, надеюсь от вас великого успеха и остаюсь вам преданный» (к О.М. Бодянскому) [266: 131]; *«Прошу передать мой поклон дружине вашей; а я остаюсь неизменно преданный и уважающий вас»* (к О.М. Бодянскому) [266: 169].

В данных типах писем встречаются также концовки, оформленные с помощью традиционных этикетных выражений прощания: *прощай, до свидания* в сочетании с различными этикетными формулами адресации, использующимися в сопровождении этикетных формул пожелания, просьбы, благодарности, а также формул с вербальным описанием жестов прощания:

«Прощайте пока, дражайший Петр Гаврилович! Пошли вам Господь здоровье и бодрость на совершение благих дел ваших и завершение трудов годичных. Остаюсь при ваших молитвах и благословении» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 410]; *«Прощай, друже! Вспоминай меня, любящего тебя украинца Максимовича. Господь да хранит тебя»* (к С.П. Шевыреву) [263: 294]; *«Прощайте, земляче! Еще раз спасибо вам за все!»* (к О.М. Бодянскому) [266: 167].

Этикетная формула прощания *прощай* является стилистически нейтральной и, как показывают вышеприведенные примеры, в письмах М.А. Максимовича иногда расширяется за счет введения наречия *пока*, которое указывает на недлительный период расставания. Стилистически нейтральной, независимой от социального статуса коммуникантов и временного фактора является также конструкция *до свидания*, которая иногда «оживляется» этикетным эпитетом *приятного*.

«Итак – до приятного свидания!» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 383].

В некоторых письмах М.А. Максимовича к друзьям и родственникам этикетные формулы прощания сопровождаются предложениями с фразами, указывающими на завершение письма. К таким фразам относятся: *оставляю перо, листок кончается, на сем листе и кончается дело, конец листу, пора кончить, пора за работу, пора печатать письмо, пора на почту, поспешаю отправкою почты, не буду обременять разглагольствованием*. В некоторых письмах функцию размыкания эпистолярного диалога выполняют также союзы *итак, но, однако* и междометие *ну*.

«Оставляю перо мое металлическое, оденусь и пойду освежиться на просторе поднебесном» (к князю П.А. Вяземскому) [256: 105]; *«Листок кончается; развеликоречился некстати, пора обратиться к малословию! Прощайте!»* (к С.П. Шевыреву) [263: 284]; *«А между тем вернее, что на сем листе и кончится дело. Прощайте-же, любезнейший друже, и будьте здоровы! Обнимаю вас от души»* (к С.П. Шевыреву) [263: 287]; *«Но, конец листу... Бог да поможет Вам в работах Ваших. Передайте мой низенький поклон князю»* (к

Г.П. Данилевскому) [255: 24]; *«Но уже половина 10-го – пора кончить; а в окончание кланяюсь Вам со всеми Михайлогорцами, желаю Вам здоровья и вдохновения и дружески обнимаю Вас»* (к С.И. Понмареву) [255: 48]; *«Но не буду обременять вас моим разглагольствованием: у вас мало досуга и много чтения и дела; а у меня наоборот! Итак – будьте здоровы и благоуспешны, и не забывайте душевно преданного вам Михайлогорца»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 394]; *«Поспешаю отправкою почты. Душевно желаю вам доброго здоровья и успеха в делах ваших»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 411]; *«Однако – пора печатать письмо. До свидания, мое сердечко! Еще раз буду писать тебе из Москвы. Целую, обнимаю и благословляю тебя»* (к жене М.В. Максимович) [245: 31]; *«Но пора на почту. Да хранит же вас Господь в здоровье и спокойствии»* (к жене М.В. Максимович) [245: 42].

В концовке некоторых собственно личных писем в этикетных формулах прощания иногда используются высказывания, содержащие просьбы ответа или предвосхищение получения письма в сопровождении вопросов о здоровье адресата и его родственников, о его делах:

«Буду ждать с нетерпением и терпением вашего прислания; хотя уверен, что вы теперь сильно атакованы с литературной стороны» (к князю П.А. Вяземскому) [256: 92]; *«Надиктуйте еще ко мне хоть строчку и скрепите ее рукою властною, на укрепление и воодушевление надднепровского отшельника М. Максимовича»* (к князю П.А. Вяземскому) [256: 102]; *«Но что же теперь с вами? Скажитесь о себе хоть малым писанием в замен не сбывшихся личных бесед на высотах надднепровских. Бодритесь и здравствуйте на продолжение ваших достополезных для науки трудов. От всей души обнимаю вас»* (к О.М. Бодянскому) [266: 174]; *«А как вам можется? И не издадите ли чего другого, кроме Чтений?... Известите меня о том и не забывайте старого земляка своего М. Максимовича»* (к О.М. Бодянскому) [266: 175]; *«Прошу Тебя, любезный брат, отзовись поскорей, - к 9-му мая (день Гоголев). Что с дядей и с его дорогим подружием и со всеми вами?»* (к В.И. Тимковскому) [240: 4978].

Данные высказывания выполняют контактоустанавливающую функцию (а точнее – функцию продолжения контакта), а за счет оформления с помощью стилистически окрашенных единиц (перифраз: *надиктуйте хоть строчку* – пришлите короткое письмо; *надднепровский отшельник, старый земляк* – М.А. Максимович; *прошу, отзовись поскорей* – напиши поскорей письмо; *скажитесь хоть малым писанием* – напишите небольшое письмо; *приятная весточка* – письмо; украинизма *подружие*, антитезы *с терпением и нетерпением*, а также украинских эмоционально-окрашенных словоформ в этикетных формулах обращения к жене *серденьтко, серденько*; этикетных эпитетов *любезный, милое*; уменьшительно-ласкательной лексики *весточка, строчка* и др.) выполняют еще и эмоционально-экспрессивную функцию.

Этикетные формулы прощания в письмах М.А. Максимовича очень редко оформлялись с помощью одной этикетной единицы. Большинство из них содержат две, три и более этикетные единицы, что придает им высокую эмоционально-экспрессивную напряженность, а в некоторых письмах она еще и усиливается за счет включения небольших стихотворений автора на украинском языке как свидетельства искренних чувств автора к адресату (как в письме к П.А. Кулешу):

«Пишите почаще ко мне, если вам эта заочная беседа приносит хоть половину такого удовольствия, какое мне от нее, каждый раз как привезут из Золотоноши ваш конверт. Господь да поможет вам жить там хорошо, а приехать сюда еще лучше, отогреться и освежиться привольем Днепра-Славутицы. Недале, как вчера, Маруся моя с удовольствием румяным говорила мне уже о том, как она по прошлогоднему поедет с вашей жинкою и свестью (купаться) на Днепр ... – кланяйтесь же им обеим от нас обоих, и привозите их скорее! – А Вам пока вот дуэт от меня на память и в дар на нынешний год:

Он

Ой, жинко моя,

Белозирко моя!

Як ты ходишь по хате,

Легко сердцю здыхати!

Она

И вчора кулеш,

И сегодня кулеш:

Приди, приди, серденько,

Мою душу потешь!» [248: 130].

Своеобразны в собственно личных письмах М.А. Максимовича как концовки, так и подписи. Они не только сообщают адресату, кто есть автором письма, но и указывают на характер отношений между М.А. Максимовичем и его адресатами, а также выражают его отношение к ним. Подписи в собственно личных письмах М.А. Максимовича неоднородны по структуре и стилистической окраске. Среди них можно выделить два структурных типа: подписи, включающие имя (полное или инициалы) и фамилию автора или инициалы имени и фамилию, например, «*Михаил Максимович*», «*М. Максимович*», «*М. М.*»; и подписи, имеющие в своем составе, кроме форм имени или/и фамилии, этикетные формулы благорасположения, а иногда и формы самохарактеристики автора. Первые встречаются в письмах к адресатам-друзьям и являются стилистически нейтральными, лишены эмоциональной окраски. Вторые выражают уважительное, почтительное отношение к адресатам менее близким.

В письмах к близким друзьям и родственникам этикетные формулы благорасположения осложняются еще использованием наименований-регулятивов (*друг, отец, внук, брат*), конкретизирующих тип отношений между автором и его адресатом, а также этикетными эпитетами и наречиями (*преданный, неизменно преданный, душевно преданный, уважающий, истинно уважающий, почитающий, любящий, верный*), выражающими также, в зависимости от адресата, искреннее, уважительное, преданное, сердечное отношение к нему:

«*Неизменно преданный вам Михаил Максимович*» (к князю П.А. Вяземскому, к О.М. Бодянскому); «*Ваш преданный Максимович*» (к

С.П. Шевыреву, О.М. Бодянскому); *«Истинно уважающий Вас Михаил Максимович»* (к С.П. Шевыреву); *«Преданный тебе М. Максимович»* (к С.П. Шевыреву); *«Преданный вам М. Максимович»* (к О.М. Бодянскому, к А.Ф. Кистяковскому); *«Душевно преданный и почитающий вас М. Максимович»* (к П.Г. Лебединцеву); *«Искренно преданный вам Михаил Максимович»* (к П.Г. Лебединцеву); *«Любящий и преданный Вам М. Максимович»* (к С.И. Пономареву); *«Почитающий внук и покорнейший слуга Михаил Максимович»* (к бабушке и дедушке); *«Твой верный друг Михаил»* (к жене М.В. Максимович); *«Любящий тебя отец М.М.»* (к сыну Алексейку).

Такие этикетные формулы благорасположения, за счет использования развернутого ряда этикетных эпитетов и наречий, стилистических приемов делают подписи М.А. Максимовича живыми и эмоционально-экспрессивными.

Некоторые подписи М.А. Максимовича осложняются еще и устойчивыми конструкциями, характерными для официально-деловой переписки XIX века, оформляющимися с помощью глагола *остаюсь* с различными именными компонентами: *с истинным почтением, с сердечною преданностью*:

«С моим к вам почтением и сердечною преданностью остаюсь навсегда ваш М. Максимович» (к П.Г. Лебединцеву) [262: 402]; *«Остаюсь неизменно преданный вам М. Максимович»* (к О.М. Бодянскому) [266: 180]; *«За тем, в ожидании приятной весточки от тебя остаюсь твой М.М.»* (к жене М.А. Максимович) [245: 55].

Такие подписи выступают функциональными эквивалентами-заменителями основных прощальных формул и свидетельствуют о глубоком уважении автора к своим адресатам, хотя в официально-деловых письмах М.А. Максимовича они не используются.

Еще одной особенностью оформления концовок в собственно личных письмах М.А. Максимовича является мастерское вплетение традиционных подписей в этикетные формулы прощания, которые, благодаря использованию в них образных форм самоназвания, приобретают ту или иную стилистическую окраску:

«Надиктуйте еще ко мне хоть строчку и скрепите ее рукою властною, на укрепление и воодушевление надднепровского отшельника М. Максимавича» (к князю П.А. Вяземскому) [256: 102]; *«Во всяком случае примите уверение в истинной преданности к вам душевно уважающего вас старика Михаила Максимовича»* (к П.Г. Лебединцеву) [262: 385]; *«Прощай, друже! Вспоминай меня, любящего тебя украинца Максимовича. Господь да хранит тебя»* (к С.П. Шевыреву) [263: 294]; *«А как вам можется? И не издадите ли чего другого, кроме Чтений?... Известите меня о том и не забывают старого земляка своего М. Максимовича»* (к О.М. Бодянскому) [266: 175].

Такие концовки являются чрезвычайно эмоциональными и точно отражают настроение автора в момент написания письма.

Таким образом, являясь одним из обязательных структурных элементов письма, подпись выполняет две основные функции: функцию самоназывания адресанта, а также коммуникативно-прагматическую функцию, выступая средством воздействия на адресата и реализуя категорию диалогизации текста.

В высказываниях, оформляющих размыкание речевого контакта в собственно личных письмах, как правило, одновременно эксплицитно выражены и адресант и адресат:

«Вседушевно обнимаю вас» (к О.М. Бодянскому); *«Обнимаю тебя крепко – от всего сердца, с братскою любовью»* (к брату В.И. Тимковскому); *«Обнимаю и благословляю тебя с любовью»* (к жене М.В. Максимович).

Единицы, оформляющие размыкание речевого контакта (типа *«Обнимаю ...»*, *«Целую ...»*, *«Кланяюсь ...»*) и употребляющиеся в конце письма, создают эффект непосредственного присутствия адресата, естественного (устного) диалога, вызывая ощущение стирания расстояния между адресантом и адресатом и свидетельствуют о диалогичности текста письма.

Подпись, как и формулы прощания, служит средством поддержания (продолжения) речевого контакта, что выражается в использовании контактно

расположенных по отношению к подписи глаголов или побудительных предложений-высказываний, ориентированных на получение ответа.

2.4. Отражение языковой личности М.А. Максимовича в его эпистолярии

Как уже отмечалось выше, важнейшая категория, определяющая особенности эпистолярного дискурса, – категория диалогизации – предопределяет существование в письме двух центров – адресанта и адресата. Причем адресант, его языковая личность является детерминатором композиционного, тематического, прагматического и лингвистического устройства текста, а в тексте, иногда независимо от воли адресанта, манифестируются лингвистические, речевые, когнитивные, прагматические, этнокультурные и др. характеристики ЯЛ. Таким образом, анализируя произведения того или иного автора, – как письменные, так и устные, – исследователь может восстановить, реконструировать особенности ЯЛ последнего, составляя полную картину индивидуального стиля и его истоков, включая коммуникативные аспекты. Такая работа активно ведется в современной лингвистике. Языковая личность представителей литературы, культуры, науки, различных профессий в том или ином аспекте анализируется в работах Я. Бондаренко [28], Т. Должиковой [67], Н. Майбороды [128], Л. Подъяпольской [156], И. Сеницы [175], Т. Космеды [111], А. Загнитко [78], Л. Пелепейченко [109] и многих других. В диссертации И. Сеницы при реконструкции общей картины языковой личности украинского ученого-гуманитария анализируются те черты ЯЛ М.А. Максимовича (в ряду других украинских ученых-гуманитариев XIX века), которые проявились в его научных трудах, в том числе и научных письмах.

Мы, опираясь на проведенное исследование, охарактеризуем основные, наиболее яркие черты ЯЛ М.А. Максимовича, реконструируемые по его письмам.

Как отмечают исследователи, эпистолярный текст проявляет те стороны ЯЛ, которые часто не отражаются в других текстах автора (Л. Подъяпольская [156], И. Сеница [175], А. Загнитко [78]). Это обусловлено подчеркнуто личностным характером такого вида текста, коммуникативной направленностью, а также обязательным учетом фактора адресата. Кроме того, в силу политематичности, полииллокутивности и полифункциональности писем, автор, придерживаясь стандартизированной композиции, наполняет ее своим индивидуальным содержанием в довольно свободной форме, что дает ему возможность проявить все свои как речевые, так и ментальные и прагматические способности, сформировавшиеся в определенный период, в определенной среде, под воздействием определенных факторов, отразить свою картину мира.

«Формирование картины мира происходит под воздействием личного жизненного опыта индивида, его контактов с окружающим миром при участии всех форм сознания: дотеоретической (повседневной), теоретической (научной, философской), внетеоретической (религиозной, творческой) – при активном воздействии языка» [175: 56].

Картина мира М.А. Максимовича формировалась в то время, когда Украина находилась под протекторатом России, в связи с чем искоренялось все национальное, проводилась тотальная русификация. Но после польского восстания 50-х годов курс империи несколько изменился: стали приветствоваться исследования местной национальной старины в антипольском ключе. «Такие социокультурные обстоятельства создавали возможность для ряда ученых проводить академические изыскания, направленные на изучение «народного духа», и одновременно сохранять лояльность, и, более того, исполнять непосредственные установки имперской власти» [219: 52]. К таким ученым относился и М.А. Максимович.

Будучи природоведом-биологом и имея украинские корни, ученый проникся интересом и любовью к украинской истории и культуре. Его страстью стало собирание фольклора. Он с огромным интересом изучал истоки русского

и украинского языков. При этом на «научно-просветительской ниве Максимович выступал как представитель общероссийских культурных и академических практик, направленных на соревнование с польским социальным и культурным влиянием в юго-западных областях империи и опирающихся на идею осознания русского народного духа в местном, малороссийском контексте» [219: 54]. Выйдя в отставку и работая в качестве частного профессора, Максимович написал большую часть своих научных и публицистических трудов в виде писем, в которых, следуя принципу «... подвергнуть исторической критике все важные малороссийские летописи и новейшие произведения по истории Малороссии. Независимо от личностных взаимоотношений и самолюбия, отделяя от них истину историческую и делая ее предметом моих критических замечаний» [250: 527], интерпретировал и сделал достоянием общественности историческое прошлое Украины. В обращении к указанной тематике, в скрупулезном и «любовном» анализе источников, памятников малороссийской истории проявился и этнолингвистический компонент ЯЛ М.А. Максимовича.

Свои замечания он излагал, как уже говорилось, в форме писем друзьям, единомышленникам, издательствам журналов. Это были и сугубо научные письма разного объема, и публицистические, но всегда с признаками личных писем, как отмечал И. Житецкий, с лирическими побочными замечаниями в связи с различными воспоминаниями, а бывало с шуточными или юмористическими выпадами, – этот жанр написания небольших по объему, но важных и ценных по содержанию научных работ был излюбленным его жанром, – способ чрезвычайно характерный и как будто приспособленный к характеру, типу и личностному духовному облику нашего украинского ученого» [77: 21].

Наиболее ярко ЯЛ проявляет организация продуцируемых ею высказываний и система языковых средств, используемых для отражения своего сознания, картины мира, интенций. Именно поэтому обратимся к характеристике ЯЛ М.А. Максимовича в этом аспекте.

Как показал анализ эпистолярного наследия Максимовича, все его письма имеют четкую, прозрачную структуру, обусловленную нормами XIX века. Четкость и последовательность изложения в любом виде писем свидетельствует о высоком уровне ментальной и речевой организации автора. Зрелость ЯЛ проявляется также и в наличии субъективной оценочности даже в письмах официального-делового и научного характера. Адресаты всех писем всегда обозначены в их зачине, по необходимости и в зависимости от сферы общения там же указываются их должности и регалии. Это может быть конкретное единичное лицо, конкретная группа лиц и обобщенно-потенциальный адресат. Адресатное начало практически во всех письмах обозначено личными и притяжательными местоимениями 2 лица и соответствующими глагольными формами. Эпистолярный диалог поддерживается обращениями, вопросительными и восклицательными предложениями, пояснениями, предполагающими ответную реакцию – реальную или гипотетическую – адресата. Как дань канонам эпистолярного жанра и как показатель уважительного отношения к адресату используются необходимые этикетные формулы инициализации – представления и приветствия, просьб, извинения, благодарности и прощания. Наполнение этих формул разнится в зависимости от сферы и характера адресата, но всегда отражает высокий коммуникативный уровень ЯЛ М.А. Максимовича.

Синтаксическая организация писем также характеризует высокий уровень лингвистической компетенции М.А. Максимовича. В официально-деловых письмах в основном используются сложные конструкции с последовательным подчинением и соподчинением, которые помогают охарактеризовать предмет обсуждения со всех сторон: как объемно – с помощью единиц с соподчинением, так и вглубь – с помощью конструкций с последовательным подчинением. В официальных письмах-описях синтаксис простой и имеет характер побочных замечаний. В публицистических письмах М.А. Максимовича, насыщенных нарративными элементами, встречаются все разновидности синтаксических конструкций – от простых односоставных

предложений и до сложных синтаксических структур. Здесь используются и средства синтаксической выразительности – инверсии, риторические вопросы и восклицания. Для научных писем характерны сложные синтаксические конструкции – многокомпонентные сложные предложения, сложноподчиненные с причинно-следственными отношениями частей, помогающие передать логику научных рассуждений, а также с присубстантивными придаточными, позволяющие описать объект со всех сторон, осложненные двусоставные предложения. Особенностью синтаксиса научных текстов М.А. Максимовича является использование сравнительных сочетаний и оборотов как выразительного средства, что в целом не характерно для сухого научного языка. Синтаксис личной переписки разнообразен, носит разговорный характер, изобилует различными включениями в виде цитат, пояснений. Здесь частотны неполные предложения, реализующие категорию имплицитности, инверсии, перечислительные ряды, градации и т.д. Это все указывает на то, что автор всегда учитывал характер адресата и умел активизировать его внимание, поддержать интерес и сформировать позитивный настрой при восприятии его писем.

Лексика эпистолярия М.А. Максимовича в основе своей книжная и общеупотребительная, но в зависимости от назначения письма дополняется теми или иными характерными элементами. В официальной переписке это специальные клише и штампы, в основном в этикетных формулах: *Честь имею препроводить вторую статью мою; Милостивый Государь Константин Степанович; я покорнейше прошу уведомить меня; При сем, с истинным почтением и преданностью к особе Вашей, честь имею быть навсегда, Милостивый Государь Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Михаил Максимович.*

В научных письмах используется общенаучная лексика (*закон, следствие, предмет, значение, система, введение, заключение, анализ, синтез*), а также терминологическая – при описании специфических объектов (*материализм, идеализм, схоластизм, стоицизм, эпикуреизм*, например, – при

описании сущности философии). Иногда в письмах научного содержания встречаются единицы высокой поэтической лексики, перифразы, метафоры, эпитеты и сравнения (*пустыня бытия, божественное чувство, созидать, благоговение, греховный, гонения, гений истины, пучина; Подобно зимнему солнцу, она (философия) только светит на предметы, не пробуждая в них жизни; и от света ее часто на душу стелются только мрачные тени и леденеет чувство; Потому она (философия) являлась столь же всеобщей, повсюдною, многосмысленною и разнообразною, как сама любовь*), средства субъективной оценки (*частехонько, маленько, словцо*). Они оживляют научный текст, воздействуют на эмоциональную сферу адресата, вызывая интерес как к тексту, так и к самой проблеме.

Публицистические тексты, в силу своей более свободной формы стилистических особенностей, наполнены лексикой различной стилиевой принадлежности в зависимости от интенций автора и характера адресата: здесь и общеупотребительные слова, и единицы высокого стиля (*странствия по благодатно-прекрасным местам достославной Тивриды*); разговорные элементы (*не великая важность*), цитаты из стихотворений, летописей и украинских песен (из поэмы В. Жуковского «Туда, туда! Но быть ли там когда!!!!!»; «*еже море слово Русское*», по выражению Нестора; а в украинской песне и ветер говорит могиле так: «*Ой хоч буду віять,/ Не переставати,/ Да вже того не одвіять,/ Що має Бог дати!*»); фразеологические единицы (*Но – своего будущего не угадаешь, а прошедшего не вернешь, как и ветра в поле* и др.). Эти включения несут экспрессию, актуализируют общекультурные пресуппозиции, апеллируют к национальному сознанию читателя. Такой характер писем указывает на отношение автора к адресату как равной себе, высокообразованной личности, владеющей языком в той же мере, что и автор, знающей и понимающей историю и культурные традиции народа. Частотны в публицистических письмах выразительные средства языка – эпитеты, метафоры, сравнения: «*Солнце склонялось к западу, когда мы стали взбираться, пробитою зигзагами дорогою, на другую,*

крутогорную полосу, поросшую таврической сосною. С ее легким, бальзамическим паром сливалось прохладное веянье с моря и ходило между дерев тихим, таинственным шорохом» [250: 144] Они создают определенный эмоциональный настрой текста.

Наиболее богатыми в плане лексического наполнения являются собственно личные письма, которым присущи некая спонтанность, непринужденность, динамичность и в которых наиболее полно проявляются человеческие качества и чувства автора, его отношение к друзьям и членам семьи, а следовательно, и особенности его неофициальной, естественной речи. Письма имеют конкретных адресатов и в зависимости от их характера наполняются лексически. Здесь и общеупотребительная книжная лексика, и разговорные элементы (*огорошили было; что на год с лишком застряли в граде Петровом; перебрать бумажный хлам; недалеко, как вчера; от чего трещала голова и гнулся мозг в молодые лета мои; чуется; ляпнул; крепко* (в значении очень); *маленько; стукнет* (о возрасте); *авось; горемычный; тамошняя* и др. Широко представлены средства субъективной оценки: частотны лексемы с суффиксами-модификатами (*монастырек, скиток, прудок, письмецо, примечаньеце, статейка, хмелинка, заметочка, книжечка, здоровьячко, стишки, городишко* и др.); фразеологические единицы, демонстрирующие высокую лингвистическую компетенцию и приобщенность М.А. Максимовича к опыту поколений (*Что делать, такая уж доля человеку в подлунном, вольном свету, как выражаются слепые певцы Русские, в своих Стихах про Лазаря убогого и прочих; отложить эту биографию в долгий ящик не должно; все вы, друзья мои, сказать просто, пересыпаете из пустого в порожнее!; пробежали мурашки; коротко да ясно; служить спустя рукава; взять на откуп; сойти как с гуся вода; по уши закопались, как мыши в крупу; шила в мешке не утаишь; попасть впросак; нет ни слуха, ни духа* и др.); средства художественной выразительности: эпитеты и метафоры (*Маруся моя с удовольствием румяным говорила; выхожу из монастыря в Полки и Сотни; историческая пыль; купец на издание стихотворений; первый период*

козачества покрывается новым туманом и др.); перифразы (на все праздники уединился в Межгорский монастырь и др.); элементы языковой игры в поэтических миниатюрах собственного сочинения (Он: *Ой, жинко моя, / Белозирко моя! / Як ты ходишь по хате, / Легко сердцю здыхати!* / Она: *И вчора кулеш, / И сегодня кулеш: / Приди, приди, серденько, / Мою душу потешь!*) – из письма П. Кулешу, чья жена в девичестве была Белозирская). Такое лексическое богатство собственно личных писем отражает мастерское владение М.А. Максимовича словом, богатство его словаря, показывает его умение учитывать и сферу общения, и характер адресата.

Наиболее интересным лексическим пластом и характерной особенностью частной переписки М.А. Максимовича являются украинизмы. Их использование характерно практически для всех ученых-гуманитариев XIX века, имевших украинские корни, но писавших на русском языке. И. Саница подробно исследовала типы и причины включения украинизмов в русскоязычные научные тексты таких ученых [175: 250-260], охарактеризовав их как культурно-национальную составляющую обобщенной языковой личности ученого-гуманитария. В официально-деловой переписке они не встречаются, в публицистике они немногочисленны и связаны с описываемыми украинскими реалиями, а в собственно личной переписке они представлены широко и разнообразно, отражая особенности устной разговорной речи автора, к которой близки письма такого характера.

Украинизмы наблюдаются и в письмах к друзьям, но чаще – в письмах к семье. Сразу заметим, что все они транслитерированы на русский язык, а украинская графика встречается только в цитатах из украинского фольклора, произведениях или их фрагментах собственного сочинения М.А. Максимовича (они были приведены выше). Это может быть свидетельством того, что в то время в письменной речи использовался русский язык, а украинским пользовались только в разговорной.

Украинские включения подразделяются на несколько групп. Выделяются лексические украинизмы – слова украинского языка, используемые вместо

соответствующих русских слов: *до смаги на губах; в червонные чоботы обуйся; с вашей жинкою; хоть по трошку; коли там уже придбалось дещо; добрые документы; стрехи; вечеря; коханий сыночку; любый земляче; и старейшие и молодшие меня; что-то деется; особливо; будьте здоровы обое; вам вдячность моя; дуже дякую за это прислание; великодное письмоце; на Великодень; целую тебя в ... очки твои терновые, в долоньки и пальчики (коли воны не бьют никого), и в головку твою разумную под час, и завсегда мою милую; от щирого сердця; низенько кланяюсь подружсию вашему; с своим любым да гарным хлопчиком; Все мы вкупе посылаем Вам....привет и др. Встречаются также дискурсивные слова и сочетания: *если уже есть ваша на то ласка; но в таком разе; Добрыдень тебе; Здорова була, моя голубушка сизенькая; Бувайте здоровы, мои милые; Бувайте ж здоровеньки!; Будьте здоровеньки* и т.д.*

Многочисленны так называемые грамматические украинизмы – звательный падеж в позиции обращения: (*милый, любый, коханий*) *друже, моя милая Марусенько; милая Машечко моя; моя зозуленько, Варочко; моя дружино милая; сынку мой; коханий земляче Тарас Григорьевич; любезнейший земляченьку* и др.; особое место здесь занимают перифразы – ласковые номинации жены и ближайших родственников, подчас содержащие различные типично украинские суффиксы-модификаты: *моя милая, моя добрая, моя Голубице; Ты пишешь, голубко моя; как ты, моя зозулько; спасибо тебе, мое серденько милое; Ты пишешь, мое серденятко; мое золото дорогое, мой квите ты ненаглядный; Не скучай, моя любочко Машечко; моя душенько, серденятко мое милое, дружина* и др. Почти всегда такие обращения сопровождаются притяжательным местоимением первого лица или эпитетами, причем эпитеты эти могут быть как русскими, так и транслитерированными украинскими. Такие формы интимизируют эпистолярное повествование и придают ему истинный национальный колорит.

На грамматическом уровне встречаются также формы родительного и винительного падежей, присущие украинскому языку: *на смерть Шевченка;*

целую Алексейка и Олютку; С благодарностью вспомянем Величка! – а также деепричастные формы на **–учи** и **–вши**, свойственные украинскому языку, но в то время еще не вышедшие из употребления и в русском языке: *буду рукоплескать припеваючи; вспоминаючи, отдыхаючи; вздохнувши, отдохнувши*) и др.

В целом, такое обилие украинизмов в частной переписке свидетельствует о тесной связи М.А. Максимовича с украинской культурой, с народными корнями, с друзьями-земляками. Кроме того, отсутствие украинизмов в деловой переписке, их нечастое и целесообразное употребление в научных и публицистических письмах характеризует аккуратность и тщательность М.А. Максимовича в выборе соответствующих лингвистических средств в зависимости от сферы, цели и темы письма, а следовательно, высокий уровень организации его языковой личности.

Выводы ко II разделу

1. Анализ языкового эпистолярного наследия М.А. Максимовича позволил, в зависимости от сферы общения, целеустановки и характера отношений коммуникантов, а также на основании максимальной представленности признаков того или иного функционального стиля создать типологию его эпистолярных текстов.
2. Все выделенные типы эпистолярных текстов М.А. Максимовича имеют конкретного адресата, а письма, соотносимые с публицистическим и научным стилями, предполагают еще и обобщенно-потенциального адресата, в роли которого выступает определенная высокообразованная аудитория читателей того или иного периодического издания. Тексты художественного характера среди писем ученого не обнаружены.
3. В структурно-композиционной организации писем М.А. Максимовича различной функциональной соотнесенности наблюдается вариативность элементов: жесткая трехчастная композиция (зачин, информационная часть,

концовка) характерна для писем, содержащих элементы официально-делового стиля. В эпистолярных текстах, проецируемых в другие функциональные стили, структурная организация в большинстве случаев является незавершенной: традиционные зачины или концовки могут отсутствовать.

4. Анализ структуры СФЕ писем М.А. Максимовича, соотносимых с разными функциональными стилями, показал, что в письмах, проецируемых в официально-деловой и научный стили, в большинстве случаев они имеют трехчленную композицию – зачин, основную часть и концовку. Для писем, содержащих элементы публицистического и разговорного стилей, характерна наибольшая частотность двучленных СФЕ (без концовки или зачина), что объясняется фрагментарностью и политематичностью этих типов писем.
5. Для структурно-синтаксической организации всех типов писем М.А. Максимовича характерна цепная местоименная синонимическая связь – как внутри СФЕ, так и между ними, – которая выражается в использовании существительных, реже имен собственных и их субститутов – местоимений и словосочетаний.
6. Сюжетная организованность писем публицистического и научного характера отличается наличием опорного предложения, содержащего семантическую доминанту как СФЕ, так и текста в целом, располагающегося, как правило, в первом или последнем предложении первого СФЕ.
7. Глобальным средством связности всего ЭТ в единое целое в письмах, соотносимых с официально-деловым, научным и разговорным стилями, выступают номинационные цепочки автора и адресата с характерным для них выражением местоименными и глагольными формами.
8. Лексический уровень всех типов писем М.А. Максимовича представлен преимущественно нейтральными и книжными словами. Вместе с тем, в зависимости от стилевой направленности в письме могут быть представлены

и другие элементы. Лексика официальных писем содержит также характерные для официально-делового стиля XIX века клише и штампы. В лексическом наполнении публицистических писем наблюдаются вкрапления высокой, разговорной, просторечной, устаревшей и нетранслитерированной лексики. В научных – общенаучные слова и специальная терминология, а также небольшое количество поэтической и разговорной лексики и фразеологии. Лексический состав собственно личных писем разнообразен. В публицистических и собственно личных письмах, изредка и по необходимости – в научных отмечается также использование украинизмов.

9. Практически все письма М.А. Максимовича, за исключением официально-деловых, содержат средства субъективной оценки, в том числе выразительные средства языка – эпитеты, метафоры, перифразы. Отмечены также стилистические фигуры – как инверсия, антитеза и ирония – в письмах, соотносимых с публицистическим и разговорным стилями в небольшом количестве – в научных письмах, где наблюдается также поэтическая лексика, сравнения и сравнительные обороты.
10. Синтаксическое своеобразие эпистолярных текстов М.А. Максимовича проявляется в синтезе разговорных и книжных конструкций. В официально-деловых письмах используются в основном книжные конструкции: простые двусоставные распространенные предложения, сложносочиненные, сложноподчиненные и многокомпонентные сложные предложения, осложненные причастными, деепричастными и сравнительными оборотами, вводными словами, вставными конструкциями, перечислениями. Из разговорного синтаксиса используются односоставные определенно-личные, неопределенно-личные, безличные, вопросительные и восклицательные предложения.
11. Письма М.А. Максимовича, соотносимые с публицистическим, научным и разговорным стилями, относятся к текстам со сложной структурой: в них

широко используются цитаты, пословицы и поговорки, отрывки из стихотворений и песен.

12. Категория диалогизации ярко проявляется во всех типах писем М.А. Максимовича. Основными адресатными синтаксическими средствами являются местоимения и глаголы 2-го лица, обращения, вопросительные, восклицательные и побудительные предложения. Адресантные синтаксические средства представлены местоимениями и глаголами 1-го лица, а также оценочными и эмоционально-оценочными адресантными высказываниями.
13. Категория имплицитности проявляется только в собственно личных письмах М.А. Максимовича и реализуется в использовании сокращенных имен собственных, отсылок к событиям, а на синтаксическом уровне – в широком употреблении односоставных и сложноподчиненных предложений с односоставной или неполной предикативной единицей в главной части, полный смысл которых с легкостью восстанавливается адресатом за счет общих с автором пресуппозиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено исследованию эпистолярного наследия М.А. Максимовича.

В работе определен статус эпистолярного жанра в системе функционально-стилистических отношений и продемонстрировано, что данное понятие, прочно вошедшее в научный обиход, не соответствует традиционной для лингвистической науки трактовке жанра как разновидности того или иного функционального стиля, поскольку письмо может представлять собой и синтезированный текст, сочетающий в себе элементы нескольких функциональных стилей одновременно. Исходя из данного факта, в нашем исследовании эпистолярный рассматривается в качестве особого речевого жанра, что обусловлено определяющей коммуникативно-прагматической характеристикой письма – диалогичностью.

Интегративный принцип анализа, используемый в данной работе, позволил рассмотреть письмо одновременно и в русле традиционной лингвистики текста, и в рамках теории коммуникации, что дало возможность глубже исследовать свойства эпистолярного текста.

Письмо определяется нами как сложное коммуникативное явление, отражающее вербализованную речемыслительную деятельность, с одной стороны, а также совокупность процесса и результата – с другой, что позволяет рассматривать его как эпистолярный дискурс, включающий и сам текст письма, и его экстралингвистические факторы: фактор адресата, замысел автора, тематическое содержание, ситуативный контекст, пресуппозиции. Данные экстралингвистические факторы определяют внутритекстовые параметры эпистолярного текста: особенности структурно-композиционного построения, тематического наполнения, функционального назначения и стилистического оформления. Кроме того, они оказывают влияние на специфику реализации таких категорий текста, как категория адресованности, диалогизации, имплицитности, которые являются доминантными для данного типа текста.

Категория адресованности является также определяющей при выборе той или иной формы обращения или прощания в составе этикетных формул, так как она предполагает учет таких экстралингвистических факторов, как степень знакомства адресанта и адресата, характер их личных отношений: официальные (переписка М.А. Максимовича с министром Народного Просвещения С.С. Уваровым, попечителем Киевского Учебного Округа Е.Ф. Бадке, Советом Императорского Университета Св. Владимира, Киевским Цензурным Комитетом и др.), официально-дружеские (переписка М.А. Максимовича с редакторами журналов П.Г. Лебединцевым, К.С. Сербиновичем и др.), фамильно-дружеские (переписка М.А. Максимовича с родственниками, близкими друзьями). Кроме того, учет фактора адресата обуславливает и отбор лингвистических средств для передачи содержания того или иного текста.

Анализ эпистолярных текстов М.А. Максимовича показал, что основными средствами реализации категории диалогизации в письмах данного автора являются: высказывания с личными местоимениями 1-го лица и глаголами 1-го лица, оценочные и эмоционально-оценочные адресантные высказывания, – маркирующие адресанта; а также высказывания с местоимениями 2-го лица и глаголами 2-го лица, обращения, вопросительные, восклицательные и побудительные предложения-высказывания, оценочные и эмоционально-оценочные адресатные высказывания, – маркирующие адресата.

Категория имплицитности является также одной из доминантных категорий эпистолярных текстов. Однако, как показывают результаты исследования, она характерна только для собственно личных писем М.А. Максимовича, что обусловлено близким знакомством коммуникантов и их общими пресуппозициями, и реализуется в этих видах текста с помощью сокращенных имен собственных, а на синтаксическом уровне отражается в широком употреблении односоставных и сложноподчиненных предложений с односоставной или неполной единицей в главной части.

Наличие у адресанта и адресата общих пресуппозиций является важным условием не только для декомпрессии информации, но и для обеспечения

успешности коммуникации посредством эпистолярных текстов вообще, так как коммуниканты разъединены во времени и пространстве.

Совокупность экстралингвистических факторов – сфера общения, целеустановка и характер отношений коммуникантов – послужила основанием для создания универсальной классификации эпистолярных текстов, так как внутритекстовые характеристики эпистолярного текста (структурные, функциональные, тематические, стилистические и др.) не могут быть применены в качестве классификационных в связи с политематичностью, полифункциональностью эпистолярных текстов, а также их стилистическим и структурным разнообразием.

С применением созданной классификации установлена типология эпистолярных текстов М.А.Максимовича.

При исследовании писем М.А. Максимовича выявлено, что, несмотря на относительную жесткость структурно-композиционной рамки эпистолярных текстов, автор часто опускает некоторые облигаторные элементы структуры (зачин или концовку) эпистолярных текстов, соотносимых с различными функциональными стилями, соблюдая строгие правила лишь в официально-деловых письмах.

Исследование структуры СФЕ в письмах М.А. Максимовича, проецируемых в официально-деловой и научный стили, показало, что в них преобладают трехчленные СФЕ, содержащие зачин, среднюю часть и концовку. Для писем публицистической и разговорной направленности характерны двучленные СФЕ (без концовки или зачина).

Наблюдения над степенью синтаксической спаянности единиц (предложений) в СФЕ и СФЕ между собой показывают, что для них характерна цепная местоименная синонимическая связь. Глобальным средством связности в эпистолярных текстах М.А. Максимовича, проецируемых в официально-деловой, научный и разговорный стили, выступают номинационные цепочки автора и адресата. В письмах, соотносимых с публицистическим стилем, структурно-семантическим центром является автор.

Основной функцией, характерной для всех эпистолярных текстов, является коммуникативная. Вместе с тем проведенный анализ писем М.А. Максимовича позволил выделить доминирование в деловых письмах, помимо ярко выраженной этикетной функции, информативной (доложить о положении дел, изложить благодарность), а также апеллятивной функции (выразить просьбу, пожелание). Открытые эпистолярные тексты (публицистические и научные) выполняют преимущественно информативную и апеллятивную функции, а также эмоционально-оценочную и эстетическую. Собственно личным эпистолярным текстам М.А. Максимовича в рамках переписки с друзьями и родственниками свойственен почти весь набор функций, характерных для эпистолярных текстов, но прежде всего в них проявляются фатическая, информативная и апеллятивная функции.

М.А. Максимович, как личность высокообразованная, обладал высокой речевой культурой, тонко чувствовал особенности функциональных стилей, функциональную природу слова. Анализ лексического наполнения его писем показал, что основу в них составляют нейтральные и книжные слова, с целесообразным использованием вкраплений высокой, разговорной, просторечной, устаревшей и нетранслитерированной лексики, специальной терминологии. Отдельно следует выделить использование М.А. Максимовичем украинизмов в письмах, адресованных его землякам (Т.Г. Шевченко, П.А.Кулешу, О.М. Бодянскому и др.) и членам семьи, что является одной из черт индивидуального стиля данного автора и показателем его национально-культурной принадлежности.

Эпистолярный М.А. Максимовича имеет ярко выраженный эмоционально-оценочный характер (исключение составляют официально-деловые письма), который достигается использованием слов с субъективной модальностью, например, с суффиксами-модификатами, широким употреблением вразительных средств языка – эпитетов, метафор, перифразов, а также таких стилистических фигур, как инверсия, антитеза и ирония.

Анализ эпистолярных текстов М.А. Максимовича позволил также отметить широкое использование автором пословиц и поговорок, цитат, куплетов из народных песен, стихотворений в письмах, соотносимых с публицистическим, научным и разговорным стилями. В зависимости от сферы употребления они либо способствуют созданию более яркого образа, либо помогают автору аргументативно обосновать свою точку зрения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что для языковой личности ученого, некоторые особенности которой восстанавливаются по его эпистолярному наследию, характерны высокий уровень владения языком и энциклопедическая грамотность, четкое разграничение допустимых в том или ином типе писем элементов и синтаксических конструкций (например, просторечные слова и украинизмы не встречаются в письмах делового характера и незначительны в научных письмах), логичность изложения (постановка проблемы, гипотеза и пути решения проблемы – в научных письмах), уважительное отношение к адресату (этикетные формулы приветствия, прощания, просьб и т.д.), аккуратность и экспрессивность высказывания (использование точных формулировок, выразительных средств языка). В публицистических и собственно личных письмах проявился билингвизм М.А. Максимовича, о котором упоминала И. Синица, исследуя языковую личность ученого-гуманитария украинского происхождения, вынужденного в XIX веке писать по-русски об Украине, ее реалиях и истории, отстаивая таким путем свою национальную самоидентичность.

Изучение эпистолярного наследия М.А. Максимовича не ограничено аспектами, заявленными в данном диссертационном исследовании. В качестве исследовательской перспективы может служить более глубокое изучение функционирования изобразительно-выразительных средств в различных типах писем М.А. Максимовича.

Плодотворным представляется также путь дальнейшего исследования эпистолярных текстов в сопоставлении с другими произведениями автора с целью изучения индивидуального языкового стиля М.А. Максимовича.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнабаева Л.А. Категория адресата в речи и в языке / Л.А. Азнабаева // Germanika. Slavika. Turkika. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2000. – С. 310-316.
2. Акишина А.А. Письмо как один из видов текста / А.А. Акишина // Русский язык за рубежом. – 1982. – №2. – С. 57-63.
3. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма: [учебн. пособие для студентов-иностранцев] / А.А. Акишина, Н.И. Формановская. – 3-е изд. испр. – М.: Рус. язык, 1986. – 191 с.
4. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме научной лингвистики / Р.С. Аликаев – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 317 с.
5. Аникина Н.Н. Народно-разговорная лексика и фразеология в прозаических текстах М.В. Ломоносова (письма 1737-1765 гг.) / Н.Н. Аникина // Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики: межвуз. сб. науч. Тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. – Куйбышев: КГПИ, 1989. – С. 23-32.
6. Антоненко С.В. Синтактико-стилистическая структура эпистолярного текста (на материале писем А.С. Пушкина): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Антоненко Светлана Владимировна. – К., 1995. – 208 с.
7. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / Ирина Владимировна Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
9. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1981. – № 5. – С. 356- 367.
10. Арутюнова Н.Д. Жанры общения / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-56.

11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Ольга Сергеевна Ахманова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
12. Бабенко Н.С. О лингвистическом смысле разграничения текстов на жанры / Н.С. Бабенко // Лексика и стиль: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Розен. – Тверь: ТГУ, 1993. – С. 9-16.
13. Балли Ш. Французская стилистика / Шарль Балли; [пер. с фр. К.А. Долинина]. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
14. Баранов А.Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А.Г. Баранов // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 4-12.
15. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250-296.
16. Бацевич Ф.С. Категорії комунікативної лінгвістики: спроба визначення / Ф.С. Бацевич // Мовознавство. – 2003. – №6. – С. 25-32.
17. Безменова Н.А. Неориторика: проблемы и перспективы / Н.А. Безменова // Семиотика. Коммуникация. Стиль: сборник обзоров. – М.: АН СССР, 1983. – С. 44-80.
18. Белунова Н.И. Дружеское письмо в функционально-стилистическом аспекте / Н.И. Белунова // Русский язык в школе – 2000. – №1. – С. 75-78.
19. Белунова Н.И. «Комфорт речевого общения» (Дружеское письмо) / Н.И. Белунова // Русский язык в школе. – 1996. – №5. – С. 80-84.
20. Белунова Н.И. Нормы письменной речи и место в ней эпистолярная как письменной формы коммуникации / Н.И. Белунова // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и вузе). – СПб., 1995. – С. 37-38.
21. Белунова Н.И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX-первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): дисс. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Белунова Нина Иосифовна. – СПб., 2000. – 475 с.
22. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста /

- Валерий Павлович Белянин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – 123 с.
23. Біленький С. Роль М. Максимовича у формуванні українських академічних традицій та українознавчих дисциплін у Київському університеті (1834 – 1845 рр.): дис. ... канд. істор. наук: 09.00.12 / Сергій Геннадійович Біленький. – К., 2001. – 176 с.
24. Билецкая О.П. Письмо как межстилевой тип текста / О.П. Билецкая // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1985. – Вып. №250. – С. 93-102.
25. Білоконь І.П. Михайло Олександрович Максимович / І.П. Білоконь // Окремий відбиток із збірника біологічного факультету. – К., 1954. – № 11. – С. 219-265.
26. Бойко Н.І. Історіософський аспект методології дослідження М. Максимовичем українського історичного процесу / Н.І. Бойко // Вісник Черкаського університету. – Черкаси, 2001. – Вип. 27. – С. 25-28.
27. Бойко Н.І. Вчений-енциклопедист М.О. Максимович як історик України: дис. ... канд. істор. наук: 07.00.01 / Надія Іванівна Бойко. – Черкаси, 2001. – 192 с.
28. Бондаренко Я.О. Дискурс акцентуєваних мовних особистостей: комунікативно-когнітивний аспект (на матеріалі персонажного мовлення в сучасній американській художній прозі): дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Яна Олексівна Бондаренко. – К., 2002. – 243 с.
29. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка: [учеб. для студ. ин-тов и фак. иностр. яз.] / Маргарита Петровна Брандес. – М.: Высш. шк., 1983. – 271 с.
30. Братаніч О.В. Лінгвостилістика епістолярію Г.П. Кочура (на матеріалі листування 60-80 рр. ХХ ст.): автореф. ... дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / О.В. Братаніч. – К., 2004. – 20 с.
31. Братаніч О.В. Лінгвостилістика епістолярію Г.П. Кочура (на матеріалі листування 60-80-х рр. ХХ століття): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Оксана Василівна Братаніч. – Київ, 2004. – 215 с.

32. Валгина Н.С. Функциональные стили русского языка: [учеб. пособ.] / Нина Сергеевна Валгина. – М., 1994. – 195 с.
33. ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. №8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
34. ван Дейк Т.А. Эпизодические модели в обработке дискурса / Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 68-100.
35. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод., допов. та CD) / [укл. і голов. ред. В.Т. Бусел]. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2009. – 1736 с.
36. Вежбицка А. Речевы акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 251-275.
37. Верховський М. Питання історії козацтва в працях М.Максимовича / М. Верховський // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку: Матеріали Четвертих Всеукраїнських читань. – Київ – Черкаси, 1994. – С. 153-155.
38. Ветрова Е.С. Семантика і функціонально-комунікативний аспект етикетних одиниць в епістолярній спадщині українських письменників ХІХ ст.: дис. ... канд. філол. наук:10.02.01 / Ельвіра Сабірівна Ветрова. – Донецьк, 2004. – 220 с.
39. Виденеева Е.Г. Частные письма как источник изучения истории русского языка / Е.Г. Виденеева // Вопросы изучения русского языка ХІХ-ХХ в. / [отв. ред. Г.И. Добродомов]. – М., 1988. – С. 18-27.
40. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – №1. – С. 60-87.
41. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
42. Виноградова Е.М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Е.М. Виноградова. – М., 1991. – 20 с.

43. Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи / Т.Г. Винокур // Развитие функциональных стилей русского языка советской эпохи. – М., 1968. – С. 12-100.
44. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Петровна Воробьева. – М., 1993. – 382 с.
45. Воронцова Т.И. О тексте / Т.И. Воронцова // Сб. ст. «Studia Linguistica» – № 9. – Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб.: Тригон, 2000. – С. 151-158.
46. Гайнуллина Н.И. Эпистолярный жанр петровской эпохи как историческая категория и приемы его познания / Н.И. Гайнуллина // Сб. науч. тр. – Семантико-стилистические исследования. – Алма-Ата: Каз. ГУ им. Кирова, 1989. – С. 19-26.
47. Гальперин И. Р. О понятии «текст» / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 68-77.
48. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / Илья Романович Гальперин. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.
49. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Илья Романович Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
50. Гарбовский Н.К. Письменный текст // Синтаксис и просодия / Г.И. Бубнова, Н.К. Гарбовский. – Изд-во Московск. гос. ун-та, 1991. – С 9-85.
51. Гаузенблас К. О характеристике и классификации речевых произведений / К. Гаузенблас // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – 1978. – Вып. №8. – С. 57-78.
52. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка / Александр Николаевич Гвоздев. – М., 1965. – 408 с.
53. Гиндин С.И. Понятие текста и единицы литературной коммуникации / С.И. Гиндин // Литературный текст: проблемы и методы исследования. –

- Калинин: КГУ, 1987. – С. 16-23.
54. Глушко М.М. Организация научного текста в свете системности его прагматических, семантических и синтаксических характеристик / М.М. Глушко // Лингвостилистические исследования научной речи. – М.: Наука, 1979. – С. 224-244.
55. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: [учеб. пособ.] / Ирина Борисовна Голуб. – М.: Логос, 2002. – 432 с.
56. Голубовский П. Исторические труды М.А.Максимовича / П. Голубовский // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. – 1904-1905. – Кн.18. – Вып. 3-4, – Отд. 1. – С.118-123.
57. Горленко В.Ф. Максимович як етнограф / В.Ф. Горленко // Народна творчість та етнографія. – 1984. – № 6. – С. 31-36.
58. Городникова М.Д., Супрун Н.И. Лингвистика текста и обучение ознакомительному чтению в средней школе / М.Д. Городникова, Н.И. Супрун. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
59. Григорьева А.С. Статистическая структура русского эпистолярного текста (лексика частных писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / А.С. Григорьева. – Л., 1981. – 19 с.
60. Гусева О.В. Лингвопрагматический анализ дискурсивно-идиоматических параметров открытого письма в современном английском языке): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ольга Вячеславовна Гусева. – Иркутск, 2000. – 153 с.
61. Данкер З.М. Функционально-семантическая организация текста письма (ситуация установления контакта): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зинаида Михайловна Данкер. – СПб., 1992. – 243 с.
62. Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма: на материале русского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гузьяль Хайриваровна Даутова. – Уфа, 2004. – 246 с.

63. Данилов В. П.А. Куліш і М.О. Максимович / В. Данилов // Україна. – 1926. – Кн. 5. – С. 13-25.
64. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной лингвистике / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – №1. – С. 109-120.
65. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 37-55.
66. Демешкина А.К. Жанровое своеобразие высказываний – пожеланий / А.К. Демешкина // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой организации / [отв. ред. Н. С. Болотнова]. – Томск, 1995. – С. 45-58.
67. Должикова Т.І. Мовна особистість Пантелеймона Куліша: дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Тетяна Іванівна Должикова. – Луганськ, 2003. – 186 с.
68. Долинин К.А. Интерпретация текста / Константин Аркадьевич Долинин. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
69. Долинин К.А. Стилистика французского языка / Константин Аркадьевич Долинин. – Л.: Просвещение, 1987. – 303 с.
70. Драгоманов М. М.А.Максимович: Его литературное и общественное значение. Некролог / М. Драгоманов // Вестник Европы. – 1874. – С. 442-453.
71. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: [учеб. пособ.] / Тамара Моисеевна Дридзе. – М.: ВШ, 1980. – 224 с.
72. Дускаева Л.Р. Диалогичность речи / Л.Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под. ред. Кожиной М.Н.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: 2006. – С. 45-53
73. Елина Е.Г. К теории эпистолярия / Е.Г. Елина // Поэтика и стилистика. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – С. 26-34.
74. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи / Александр Иванович Ефимов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 519 с.

- 75.Єфремов С. Максимович в історії української самосвідомості / С. Єфремов //Літературно-критичні статті. – К., 1993. – С. 318-321.
- 76.Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Николай Иванович Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 273 с.
- 77.Житецький І. Життя М.О. Максимовича / І. Житецький // Україна. – 1927. – Кн. 6. – С. 14-24.
- 78.Загнітко А.П. Мовна особистість вепістолярному дискурсі: типологія лінгвоіндивідуацій і лінгвоіндивідуалізацій / А.П. Загнітко // Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах. – № 33. – Київ, 2016. – С. 58-71.
- 79.Залевская А.А. Введение в психолінгвістику / Александра Александровна Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
- 80.Залевская А.А. Текст и его понимание / Александра Александровна Залевская. – Тверь: НУ, 2001. – 177 с.
- 81.Замлинський В. Михайло Максимович / В. Замлинський // Ранок. – 1995. – № 1. – С. 24 – 34.
- 82.Зарубина Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста / Н.Д. Зарубина // Синтаксис текста. Академия Наук СССР. Институт русского языка. – М.: Наука, 1979. – С. 79-120.
- 83.Захарова Е.В. Сравнение в письмах А.П. Чехова как изобразительное средство / Е.В. Захарова // Творческий метод А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 130-135.
- 84.Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения: [учеб. пособ.] / Елена Андреевна Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.
- 85.Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения / И.А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): [Отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев; И.А. Зимняя и др]. – М.: Издательство «Наука», 1976. – С. 5-33.
- 86.Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку (на материале русского

- языка как иностранного) / Ирина Алексеевна Зимняя. – М.: Русский язык, 1989. – 219 с.
87. Зиновьева А.Ф. Коммуникативный ход текста делового стиля общения / А.Ф. Зиновьева // Лингвометодическая концепция обучения иностранному языку бизнеса и профессиональной коммуникации в Госуниверситете управления: Сб. научн. тр.: [под ред. А.Ф. Зиновьевой]. – М., 1999. – С. 32-37.
88. Зорина Т.П. Лингвистическая характеристика современной немецкой корреспонденции как жанра деловой прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки» / Т.П. Зорина. – М., 1971. – 24 с.
89. Зорина Т.П. К проблемам эпистолярного стиля / Т.П. Зорина // Уч. Записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – М. – 1970. – Т. 55. – С. 38-44.
90. Иванчук И.А. Становление норм русской разговорной речи: На материале лексики писем Пушкина и его современников) / И.А. Иванчук. – Саратов, 75 с.
91. Ильинская И. О языке писем Грибоедова / И. Ильинская // Литературное наследство. – №47-48. – 1946. – С. 285-296.
92. Каирова Т.С. Особенности коммуникативной направленности эпистолярного текста / Т.С. Каирова // Труды МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1986. – Вып. 269. – С. 87-103.
93. Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. – Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. – С. 185-197.
94. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
95. Каримова Р.А. Семантико-структурная организация текста: на материале устных и письменных текстов / Роза Ахметовна Каримова. – Уфа: Издательство Башкирского университета, 1991. – 154 с.
96. Карпанюк М.П. До проблеми епістолярної спадщини М.О. Максимовича / М.П. Карпанюк // IV Республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства. – К., 1989. – С. 169-170.

97. Карпенко М.А. «Новая схема языков славянских» М.А. Максимовича и становление Киевской историко-филологической школы в университете Св. Владимира / М.А. Карпенко // Русский язык и литература. – 2004. – №5. – С. 1-9.
98. Качкан В. Етнологічний світ Михайла Максимовича / В. Качкан // Українське народознавство в іменах. – К., 1995. – Ч. 2. – С. 26-39.
99. Кедайтене Е.И. М.А. Максимович / Е.И. Кедайтене // Русская речь. – 1984. – №5. – С. 79-84.
100. Кецба Л.Н. Место эпистолярного стиля в системе функциональных стилей / Л.Н. Кецба // Изв. АН АзССР. Сер. лит-ры и яз. – 1971. – №3-4. – С. 94-100.
101. Кецба Л.Н. Речевая реализация эпистолярного стиля в литературных письмах Т. Манна и Райнера Марии Рильке / Л.Н. Кецба // Сб. научн. Тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М. – 1974. – Вып. №77. – С. 168-185.
102. Клепацький П. М.О. Максимович як історик / П. Клепацький // Україна. – 1927. – Кн.6. – С. 80-84.
103. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX века (Коммуникация. Жанр. Речевая структура): дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Анатольевна Ковалева. – М., 2002. – 537 с.
104. Ковалева Т.В. Лингвопрагматический аспект текста «письмо» (на материале современной немецкой литературы): автореф. ... дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки» / Т.В. Ковалева. – М., 1993. – 21 с.
105. Ковшикова Е.В. Коммуникативная точность делового письма / Е.В. Ковшикова // Языковая личность: культурные концепты / [науч. ред. В.И. Карасик]. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 243-249.
106. Коготыжева А.Л. Коммуникативная организация научного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Асият Львовна Коготыжева. – Нальчик, 2002. – 145 с.

107. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / Маргарита Николаевна Кожина. – М.: Просвещение, – 1985. – 223 с.
108. Комарова С.И. Функционирование перифразы в эпистолярном стиле вт. п. XVIII века: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / С.И. Комарова. – Днепропетровск, 1990. – 17 с.
109. Комуникативна особистість військовослужбовця Національної гвардії України в сучасному соціальному контексті: [моногр.] / [Пелепейченко Л.М., Лисичкіна І.О., Лисичкіна О.О., Михайлова О.Г., Павлова О.О., Посмітна В.В., Ревуцька С.М.]; за ред. Л.М. Пелепейченко. – Харків: Національна академія НГУ, 2014. – 221с.
110. Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах к жене / М.А. Кормилицына // Вопросы стилистики. – Вып. 26. – Саратов, 1996. – С.63-71.
111. Космеда Т.А. Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комуникативному просторі щоденникового дискурсу: [моногр.] / Тетяна Анатоліївна Космеда. – Дрогобич: Коло, 2012. – 372 с.
112. Кручинина Н.И. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра / Н.И. Кручинина // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 24-43.
113. Крюков Д.В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дмитрий Владимирович Крюков. – Волгоград, 2001. – 238 с.
114. Куликов С.В. Минимальная единица смысловой структуры текста. (Психолингвистический анализ): автореф. дис... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «теория языка» / С.В. Куликов. – М, 1985. – 20 с.
115. Курьянович А.В. Комуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.Н. Цветаевой: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Владимировна Курьянович. – Томск, 2001. – 227 с.
116. Кустова О.Ю. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения: (на материале творчества Теодора

- Фонтане): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ольга Юрьевна Кустова. – СПб, 1998. – 225с.
117. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: [учеб. пособие] / Валерия Андреевна Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
118. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка / Ольга Алексеевна Лаптева. – М.: Высшая школа, 2003. – 351 с.
119. Левковская Н.А. В чём различие между сверхфразовым единством и абзацем / Н.А. Левковская // Филологические науки. – 1980. – №1. – С. 75-87.
120. Лисоченко Л.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) / Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко // Эстетика и поэтика языкового творчества. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2000. – С. 128-142.
121. Лихтман Р.И. Язык писем / Р.И. Лихтман // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 196-205.
122. Лобода А. Заслуги М.А. Максимовича в области языка и словесности / А. Лобода // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. – 1904-1905. – Кн.18. – Вып. 3-4. – Отд.1. – С. 111-117.
123. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История / Юрий Михайлович Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
124. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам IX: Учёные записки Тартуского государственного университета. – Вып. 422. – Тарту, 1977. – С. 55-61.
125. Лузина Л.Г. О содержании понятия «стилистический эффект» с точки зрения речевого воздействия / Л.Г. Лузина // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 27-40.
126. Львов М.Р. Основы теории речи: [учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений] / Михаил Ростиславович Львов. – М.: Академия, 2000. – 248 с.

127. Ляпунова В.Е. Частное письмо как жанр русского литературного языка (на материале писем А.П. Чехова) / В.Е. Ляпунова // Исследование языка художественных произведений. – Куйбышев, 1975. – С. 33-37.
128. Майборода Н. Мовна особистість Д.І. Яворницького: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Наталія Григорівна Майборода. – Дніпропетровськ, 2010. – 220 с.
129. Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста: [конспект лекций] / Михаил Львович Макаров. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. – 52 с.
130. Малаховский В.А. Язык писем А.С. Пушкина / В.А. Малаховский // Известия АН СССР Отдел. обществ. наук. – 1937. – № 2-3. – С. 503-568.
131. Марков П.Г. Фольклорно-етнографічна діяльність М.О. Максимовича та її значення для розвитку суспільної думки в ХІХ ст. / П.Г. Марков // Народна творчість та етнографія. – 1976. – № 1. – С. 69-80.
132. Марченко М. Початок науково-критичного дослідження історії України. М.О. Максимович / М. Марченко // Марченко М. Українська історіографія (з давніх часів до середини ХІХ ст.). – К.: КДУ, 1959. – С. 194-251.
133. Маслова В.А. Лингвокультурология: [учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений] / Валентина Авраамовна Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
134. Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра / Т.В. Матвеева // Collegium. Международный научно-художественный журнал. – Киев, 1995. – №1-2. – С. 65-71.
135. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Тамара Вячеславовна Матвеева. – Свердловск, 1990. – 172 с.
136. Мацько Л.І. Стилїстика української мови: [підручник] / Л.І. Мацько, О.М. Сидоренко, О.М. Мацько– К.: Вища школа, 2003. – 462 с.
137. Наер В.Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) / В.Л. Наер // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. – М.: Наука, 1985. – С. 14-25.

138. Нажуа Б. Особенности эпистолярного жанра в свете теории текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык как иностранный» / Б. Нажуа. – М., 1984. – 23 с.
139. Найрулін А.О. Епістолярій Михайла Коцюбинського в історії української літературної мови (особливості конотації епістолярію письменника): автореф. ... дис. канд. філол. наук: 10.02.01 «українська мова» / А.О. Найрулін. – Луганськ, 2006. – 19 с.
140. Насырова Г.Н. Функционально-прагматические характеристики текстов малоформатной деловой корреспонденции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Гульнара Наилевна Насырова. – СПб., 1997. – 174 с.
141. Науменко В. Заметки для будущего биографа М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская Старина. – 1896. – Т. 55. – №10. – С. 48-50.
142. Науменко В.П. М.А. Максимович как этнограф / В.П. Науменко // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. – 1904-1905. – Кн.18. – Вып. 3-4, отд.1. – С. 107-110.
143. Нефёдова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации: дис. ... док. филол. наук: 10.02.20 / Лилия Амирянвна Нефёдова. – Челябинск, 2001. – 308с.
144. Нижникова Л.В. Письмо как текст: на материале писем Т. Харди / Лариса Викторовна Нижникова. – Одесса: Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова, 1988. – 23 с.
145. Нижникова Л. В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 «германские языки» / Л.В. Нижникова. – Одесса, 1991. – 17 с.
146. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 5-12.
147. Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация / А.И. Новиков // Вопросы филологии. – М.: Институт иностранных языков, Институт языкознания РАН, 1999 – №3. – С. 43-48
148. Новиков А.И. Извлечение знаний из текста как результат его осмысления /

- А.И. Новиков // Языковое сознание. Содержание и функционирование: Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Смысл, 2000. – С. 170-172
149. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Шведова Н.Ю. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 2001. – 944 с.
150. Павлик Н.В. Типологія дискурсивних одиниць в українському епістолярному мовленні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / Н.В. Павлик. – Донецьк, 2005, – 22 с.
151. Павлик Неля Типологія дискурсивних одиниць в українському епістолярному мовленні: [монографія] / Неля Павлик. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2007. – 177 с.
152. Паперно И.А. Переписка как вид текста. Структура письма / И.А. Паперно // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974. – №1. – С. 214-215.
153. Пархоменко О.М. М.О. Максимович (1804-1873) / О.М. Пархоменко // Українська мова в школі. – 1955. – №2. – С. 12-20.
154. Пешкова Н.П. Типология научного текста. Психолингвистический аспект Наталья Петровна Пешкова. – Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2002. – 261 с.
155. Плотникова Л.И. Семантический потенциал текстов малой формы (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лариса Ивановна Плотникова. – Тула, 2004. – 209 с.
156. Подъяпольская О.Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Юрьевна Подъяпольская. – Челябинск, – 2004. – 193 с.

157. Пономарев С.И. Михаил Александрович Максимович (Биографический и историко-литературный очерк) / Сергей Иванович Пономарев. – СПб., 1872. – 75 с.
158. Потапенко Л.В. Антропоцентризм как коммуникативно ориентированная категория жанра письма (на материале писем А.П. Чехова) / Л.В. Потапенко // Язык и культура. – Вып. №6. – Т. III. – Ч. 2. – Серия «Филология»: Лингвокультурологическая интерпретация текста. – К., 2003. – С. 200-205.
159. Прохоров Е.И. Изучение эпистолярного наследия / Е.И. Прохоров // Принципы издания эпистолярных текстов. – Вып. №3. – М.: Наука, 1964. – С. 6-56.
160. Радзієвська Т.В. Текст як засіб комунікації / Тетяна Вадимівна Радзієвська; НАН України. Інститут української мови. – К., 1999. – 191 с.
161. Разинкина Н.М. Об устойчивости функционального стиля / Н.М. Разинкина // Вопросы языкознания. – 1986. – №4. – С. 114-119.
162. Разинкина Н.М. О возможности приложения некоторых критериев эстетики к формулировке лингвостилистического понятия «функциональный стиль» / Н.М. Разинкина // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. – М., 1985. – С. 3-14.
163. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Елизавета Артуровна Реферовская. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 166 с.
164. Ризель Э.Г. Стилистика немецкого языка: [учеб. на нем. яз.] / Элиза Генриховна Ризель. – М.: Высш. шк., 1963. – 481с.
165. Рогоза О.Б. Структурно-композиційні та семантико-прагматичні особливості французького епістолярного роману XVIII-XX ст. (на матеріалі творів Ш. де Лакло, О. де Бальзака, А. де Монтер лана): автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.05 «романські мови»/ О.Б. Рогоза. – К., 2005. – 20 с.

166. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Дитмар Эльяшевич Розенталь. – М., 1987. – 398 с.
167. Русский язык и культура речи / [под. ред. О.Б.Сиротининой]. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 211 с.
168. Сахарный Л.В. Актуальное членение и компрессия текста: к использованию методов информатики в психолингвистике / Л.В. Сахарный // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982. – С. 29-38.
169. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: [курс лекций] / Леонид Волькович Сахарный. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 181 с.
170. Седова О.Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей / О.Н. Седова // Филолог. науки. – 1985. – №6. – С. 57-62.
171. Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования / Ирина Платоновна Севбо. – М.: Наука, 1969. – 132 с.
172. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / Майя Петровна Сенкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1984. – 319 с.
173. Серкова Н.И. Предпосылки членения текста на сверхфразовом уровне / Н.И. Серкова // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. – С.75-82.
174. Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики / Тамара Исааковна Сильман. – Л., 1967. – 150 с.
175. Сеница И.А. Языковая личность автора в научно-гуманитарном тексте XIX века (коммуникативный, культурологический, образно-стилистический аспекты): дисс. ... док. филол. наук: 10.02.02 / Ирина Анатольевна Сеница. – К., 2007. – 518 с.
176. Сениця І.А. Діалогічність у науковому тексті / І.А. Сениця // Мовознавство. – 2004. – №2-3. – С. 55-60.
177. Сиротинина О.Б. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) / О.Б. Сиротинина // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969. – С. 373-391.

178. Сиротинина О.Б. Разговорная речь / О.Б. Сиротинина // Функциональные стили и формы речи. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – С. 136-147.
179. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности / Ольга Борисовна. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.
180. Словарь русского языка: В 4-х т. [под ред. А.П. Евгеньевой]. – 4-е изд. стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А.-Й. – 702 с.
181. Словарь русского языка: В 4-х т. [под ред. А.П. Евгеньевой]. – 4-е изд. стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. П.-Р. – 752 с.
182. Словарь русского языка: В 4-х т. [под ред. А.П. Евгеньевой]. – 4-е изд. стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. С.-Я. – 800 с.
183. Словарь современного русского литературного языка: В 17т. [под ред. В.И. Чернышева]. – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1956. – Т. 5. И.-К. – 1918 с.
184. Словник символів культури України / [за заг. ред. В.П. Коцура, О.І. Потапенка, М.К. Дмитренка]. – К.: Міленіум, 2002. – 260 с.
185. Солганик Г.Я. Журналистика и язык / Г.Я. Солганик // Социальная практика и журналистский текст / [под. ред. Засурского Я.Н., Пронина Е.И.] – М.: Высшая школа, 1973. – С. 150-173.
186. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / [отв. ред. А.И. Новиков]. – М.: Наука, 1985 – 168 с.
187. Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX века / Н.Л. Степанов // Русская проза. – Л., 1926. – С. 74-101.
188. Стешенко И. М.А. Максимович / И. Стешенко // Киевская старина. – 1904. – Т. 86. – № 9. – С. 347-377.
189. Стилистика русского языка / [под ред. Н.М. Шанского]. – Л.: Просвещение, 1982. – 286 с.
190. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц / [отв. ред. Н.М. Фирсова]. – Калинин, 1984. – С. 3-12.

191. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики / И.П. Сусов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 3-15.
192. Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): автореф. дисс. ...канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «теория языка» / О.С. Сыщиков. – Волгоград, 2000. – 23 с.
193. Таюпова О.И. Членение текста как экстралингвистическое средство выражения текстовой модальности / О.И. Таюпова // Инновационные проблемы филологической науки и образования: Материалы региональной научно-практической конференции 16 декабря. – Уфа, 1998. – С. 65-67.
194. Тураева З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика) / Зинаида Яковлевна Тураева. – М.: Прогресс, 1986. – 127 с.
195. Тураева З.Я. Этнопсихологические особенности адресованности текста / З.Я. Тураева // Сб. ст. «Studia Linguistica». – №8. – Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб.: Тригон, 1997. – С. 185-203.
196. Ушакова Т.Н. Текст как объект психолингвистического анализа / Т.Н. Ушакова // Современные модели психологии речи и психолингвистики. Изд-во Институт психологии. – М.: Наука, 1990. – С. 29-45.
197. Федас В.В. Науково-теоретичні засади фольклористичної діяльності М. Максимовича: автореф. ... дис. канд. фольклорист. наук: 10.01.07 «фольклористика» / В.В. Федас. – К., 2006. – 16 с.
198. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» / М.Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры / [отв. ред. Т.А. Матвеева]. – Екатеринбург, 1996. – С. 73-94.
199. Фёдорова Л.Л. Типология речевого воздействия и её место в структуре общения / Л.Л. Фёдорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С.46-50.
200. Формановская Н.И. Речевой этикет // БЭС Языкознание: [словар. статья]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 413-414.

201. Формановская Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. – 1984. – №6. – С. 67-72.
202. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XIX вв. / [под ред. А.И. Федорова]. – М.: Топикал, 1995. – 608 с.
203. Фризман Л.Г., Лахно С.Н. Два выпуска альманахов М. Максимовича «Денница» (1830, 1834) / Л.Г. Фризман, С.Н. Лахно // Литературоведческий сборник. – 2001. – № 5 – 6. – С. 113-119.
204. Фризман Л.Г., Лахно С.Н. М. А. Максимович – литератор. / Л.Г. Фризман, С.Н. Лахно – Харьков: Издательство ХНАДУ, 2003. – 495 с.
205. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика / Ревекка Марковна Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
206. Храпченко М.Б. Текст и его свойства / М.Б. Храпченко // Вопросы языкознания. – 1985. – №2. – С. 3-9.
207. Цыцарина О.Ф. О понятии «эпистолярный жанр» в современной лингвистической литературе / О.Ф. Цыцарина // Функционально-семантические аспекты языковых явлений. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 1989. – С. 103-109.
208. Шадрина М.Г. К вопросу о становлении и развитии жанра путешествий / М.Г. Шадрина // Русский язык в школе. – 2003. – №3. – С.78-83.
209. Шапа Е.П. Роль и взаимосвязь структурных речевых единиц в интегрировании спонтанных диалогических текстов / Е.П. Шапа // Текст как единица коммуникации. – М., 1991. – Вып. 371. – С.4-19.
210. Швейцер А.Д. Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей) / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1991. – №4. – С. 31-45.
211. Шейнова Т.В. Письма Г.Р. Державина как лингвистический источник / Т.В. Шейнова // Вопросы изучения русского языка XIX-XX в. – М., 1988. – С. 28-36.

212. Шендельс Е.И. Внутренняя организация текста/ Е.И. Шендельс // Иностранные языки в школе, 1987. – №4. – С. 9-12.
213. Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка / Евгения Иосифовна Шендельс. – М.: Высш. шк., 1979. – 397 с.
214. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления / Т.В. Шмелева // Collegium. Международный научно-художественный журнал. – Киев, 1995. – №1-2. – С. 57-65.
215. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык / Л.В. Щерба // Русский язык в школе. – 1939. – №4. – С. 19-26.
216. Юганов В.И. Текст как продукт коммуникации / В.И. Юганов // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин: КГУ, 1980. – С. 73-79.
217. Юнг А.В. Когнитивные основы текста делового письма на английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Владимировна Юнг. – Владивосток, 2004. – 192 с.
218. Ядренкина Е.А. Социолингвистические факторы, влияющие на выбор форм обращения / Е.А. Ядренкина // Многомерность языка и науки о языке: Материалы Всероссийской научной конференции. 2-3 июня. – Бирск: Изд-во Бирского гос. пед. ин-та, 2001. – Ч. 1. – С. 101-104.
219. Ясь О. Рациональне та ірраціональне в науковій творчості Михайла Максимовича / О. Ясь // Генеза. – 2006 – №1 (11). – С. 51-63.
220. Brinker K. Linguistische Textanalyse. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2001. – 168 s.
221. Grosse E.U. Texttypen. Linguistik gegenwärtiger Kommunikationsakte. Theorie und Deskription. – Stuttgart u. a.: Verlag W. Kohlhammer, 1974. – 620 s.
222. Meier R.M. Deutsche Stilistik. – München, 1913. – 200 s.
223. Sowinski B. Deutsche Stilistik. Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979. – 401 s.

224. Spitzer Leo. Les «Lettres Portugaises». Romanische Literaturstudien. 1936-1956. – Tübingen, 1959. – p. 210-247.
225. Багале́й Д. Письма М.А. Максимовича к Г.П. Данилевскому / Д. Багале́й // Киевская старина. – К., 1903. – Т. 35. – №1-3. – С. 220-223.
226. Бартене́в П. Письмо М.А. Максимовича к Н.Н. Похвисневу / П. Бартене́в // Русский архив. – М., 1910. – Кн. 3. – №12. – С. 676-677.
227. Данилевский М.Г. Г.П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке / М.Г. Данилевский. – Харьков: типография «Южного края», 1893. – 92с.
228. Государственный архив г. Киева. – Ф.16. – Оп. 275, №285. Письма М.А. Максимовича. – Л. 5, 79.
229. Государственный архив г. Киева. – Ф.16. – Оп. 308, №197. Письмо М.А. Максимовича. – Л. 32.
230. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 174. Письмо Максимовича М.А. к Г.П. Галагану. – Л.1.
231. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4747. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.1.
232. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4752. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
233. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4787. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
234. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4788. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.1.
235. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4847. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.1.

236. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4850. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
237. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III.– Ед. хран. 4852. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
238. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III.– Ед. хран. 4854. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
239. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III.– Ед. хран. 4855-4857. Письма к П.Г. Лебединцеву.– Л. 4.
240. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4978-4981. Письма к В.И.Тимковскому. – Л. 4.
241. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 5538. Письмо Максимовича М.А. к Шутовой Е.П. – Л.2.
242. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 5744. Письмо Максимовича М.А. к Кошелевой О.Ф. – Л.2.
243. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 66955. Письмо Максимовича М.А. к Антоновичу В.Б. – Л.2.
244. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 68858-68859. Письма Максимовича М.А. к Кистяковскому А.Ф. – Л. 3.
245. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 1-84. Письма жене М.В. Максимович. – Л. 158.

246. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 86-88. Письма М.А. Максимовича. – Л. 5.
247. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 445. Письмо Петру Дмитриевичу. – Л.2.
248. Каманин И. Письмо М.А. Максимовича к П.А. Кулишу [20 січ. 1854 р.] / И. Каманин // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца / Под ред. А.М. Лободы. – К., 1905. – Кн. 18. – Вып. 3/4. – С.128-130.
249. Короткий В., Біленький С. Листування М.О. Максимовича та К.С. Сербіновича (1834-1838 рр.) // М. Максимович та освітні практики на Правобережній країні в першій половині ХІХ ст. – К.: Видавничий центр «Київський університет», 1999. – С. 229-273.
250. Максимович М.А. Письма о Киеве и Воспоминание о Тавриде / Михаил Александрович Максимович. – Спб, 1871. – 154 с.
251. Максимович М.А. Письмо о философии Е.П. Ю-ой / М.А. Максимович // Телескоп. – М., 1833. – №10-12. – С. 423-431.
252. Максимович М.А. Собрание сочинений М.А. Макксимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – К.: Типография М.П. Фрица, 1876. – 847 с.
253. Максимович М.А. Собрание сочинений М.А. Макксимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – К.: Типография М.П. Фрица, 1877. – 524 с.
254. Максимович М.А. Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 3. Языкознание. История словесности / Михаил Александрович Максимович. – К.: Типография Е.Т. Керер, 1880 . – 847 с.
255. Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей ХІХ в. I Письма к Гр. Петр. Данилевскому / [под. ред.

- Д.И. Багалея]. – К.: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1903. – 100с.
256. Максимович Михайло. Листи / [упор. і вст. ст. В. Короткого]. – К.: Либідь, 2004. – 312 с.
257. Максимович Михайло. У пошуках омріяної України: Вибрані українознавчі твори / [упор. і вст. ст. В. Короткого]. – К.: Либідь, 2003. – 360 с.
258. Максимович М.О. Київъ явился градомъ великимъ...: Вибрані українознавчі твори / [упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису В.О. Замлинський]. – К.: Либідь, 1994. – 448 с.
259. Науменко В. Автобіографія М.А. Максимовича (письмо М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву) / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1904. – Т. 86 – №9. – С. 322-346.
260. Науменко В. Заметки для будущего биографа М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1896. – Т. 55 – №10. – С. 15-17; 48-51.
261. Науменко В. Два рукописных стихотворения М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1891. – Т. 35. – №12. – С. 481-482.
262. Науменко В. Переписка М.А. Максимовича с П.Г. Лебединцевым (1864-1873) / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1904. – Т. 86 – №9. – С. 378-418.
263. Науменко В. Письма М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1896. – Т. 54. – №9. – С. 275-294.
264. Науменко В. Скорбная страничка из жизни М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1898. – Т. 63. – №11. – С. 273-307.
265. Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова и др. к библиографу С.И. Пономареву с примечаниями издателя / [издат. Л.Э. Бухгейм] – М.: Издание Л.Э. Бухгейм, 1915. – 231 с.
266. Письма М.А. Максимовича к О.М. Бодянскому (1838-1873) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / изд. под завед. Е.В. Барсова. – Спб., 1887. – Кн.1. – С. 127-182.

267. Пономарев С. Из писем Максимовича к Шевченку / С. Пономарев // Киевская старина. – К., 1884. – Т. 8. – №4. – С. 644-648.
268. Украинские письма к П.А. Кулешу от М.А. Максимовича: Письмо первое. О сотнике Харьке и запорожце Чупрыне. Письмо второе. Объяснение некоторых украинских песен / М.А. Максимович // Русская беседа. – М., 1857. – Т.1. – Кн. 5. – Отд. 5. – С. 38-64.
269. Филипович П. Историко-літературні матеріали до Шевченка: 1. Листи Максимовича до Шевченка. 2. Нові рядки Т. Шевченка / П. Филипович // Наше минуле: журнал історії літератури і культури. – К., 1919. – №1-2. – С. 25-33.
270. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 293. – Оп. 1. – Д. 14. Письмо М.А. Максимовича в Киевский Цензурный Комитет. – С. 9.
271. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 610. Письма М.А. Максимовича. – С. 2-3, 8-9.
272. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 630. Письмо М.А. Максимовича попечителю Киевского учебного округа. – С. 2-3.
273. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 631. Прощение М.А. Максимовича попечителю Киевского учебного округа. – С. 4.
274. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 11. – Д. 22. Письмо М.А. Максимовича к князю С.И. Давыдову – попечителю Киевского учебного округа. – С. 5.
275. Шугуров Н. Воспоминание о Тимковских (письмо М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву) / Н. Шугуров // Киевская старина. – К., 1898. – Т. 63. – №11. – С. 255-272.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.**Воспоминания о Тавриде****письмо князю Петру Андреевичу Вяземскому**

Незабвенно для меня Черное море и мое плавание по его благоприятным для меня волнам. К нему часто неслись отсюда, вместе с Днепром, мои благословения и печали.... Незабвенна для меня и моя отдохновительная гульба по Южному берегу Крыма, о котором вспоминая, я не раз говорил себе:

«Туда, туда!

Но быть ли там когда?»

К вам некогда писал я из Москвы о моем первоначальном, несбывшемся желании быть в Крыму.... Вам ныне хочу вспомнить мой первый день на том Синем море – «еже море словеть Русское», по выражению Нестора, и мои первые странствия по благодатно-прекрасным местам достославной Тавриды.

Весною 1836 года, получив четырехмесячный отпуск из Киева, для поправления здоровья, я отправился из Одессы в Крым 28 мая на пароходе Петре-Великом. Между тем как другим пассажирам становилось дурно и худо, мне напротив того, с каждым часом, было все лучше и лучше, как-будто год за годом спадал с моих труженных костей.... И вспомнил я тогда моряка Матюшкина, говорившего в Москве, что для него нет большого наслаждения, как быть в открытом море, под парусами.... И когда мы плыли открытым морем, я пожалел-было: зачем я отказался от путешествия вокруг света, на которое некогда звали меня, как ботаника? Но – своего будущего не угадаешь, а прошедшего не вернешь, как и ветра в поле; а в украинской песне и ветер говорит могиле так:

«Ой хоч буду віять,

Не переставати,

Да вже того не одвіять,

Що має Бог дати !»

С наступлением вечера, я устроил себе ночлег в лодке, висевшей с правого боку парохода. Долго я лежал в ней, глядя на звездное небо и вслушиваясь в шумное море.... «Небеса поведают славу Божию и о делах рук его вещает твердь...». И сладко заснул я, как дитя в люльке. Радостно мне было встречать первый день на море и ожидать восхода солнца. И вот – «оно выходит, как жених из брачного чертога своего, как исполин, веселясь, пробегает путь...». Господи, как мне хорошо тогда было!

Между тем пароход несся с нами по зеркальной зыби, чертя на ней пенный след своего бега; за ним тянулась в воздухе длинная дымная коса; а мимо нас бежали уже картинные берега Тавриды; и наконец – мы стали у Ялты.

Она в то время строилась вновь, с нарочито узкими и кривыми улицами; беспрестанно визжали татарские гарбы своими немазаными колесами, и гудели камни, взрывааемые порохом; пыль и духота были невыносимые после свежего дыханья на море. И я немедленно отправился в Магарач, к Паисию Сергеевичу Кайсарову, поджидавшему меня на своей даче.

Торопясь в Варшаву, к своему корпусу, он пробыл в Крыму еще около недели. С ним вместе начались мои купанья в море и прогулки по Южному берегу – сперва до Аюдага, а на другой день в другую сторону, до Мальцовой дачи. В эту вторую поездку мы посетили знаменитую южнобережную княгиню Голицыну, урожденную Всеволожскую, к которой было у меня письмо из Киева от ее сверстницы, Александры Петровны Хвостовой. Та старожитная и строгая княгиня, носившая всегда нагайку на своем поясе, имела большой авторитет и для высшего одесского круга. Под ее защиту являлась в то лето из Одессы покинутая и обиженная графом Виттом – для него покинувшая своего мужа, графиня Собанская, в альбоме которой видел я стихи, некогда написанные ей Пушкиным:

«Что в имени тебе моем?..»

По отъезде Кайсарова, мой буколический досуг в Магараче делил я с поселившимися там, в домике Шуазель, двумя девицами, порученными в мое знакомство профессором Розбергом, при отплытии нашем из Одессы. То были:

дочь варшавского профессора Андрея Снядецкого, болевшая сердцем, и ее смиренная спутница, Пелагея Имхарт, сбравшаяся описывать свое путешествие.

Но у меня в виду был желаннейший и со дня на день ожидаемый спутник – мой возлюбленный ректор Киевской академии, архимандрит Иннокентий. Первое посещение Крыма будущим святителем и достопамятным подвижником Таврическим еще неизвестно, кажется, в биографических о нем воспоминаниях; а потому я опишу вам его подробно, насколько оно сохранилось в моей памяти.

Иннокентий прибыл из Одессы в Крым 12-го июня, в день Онуфрия Великого, во имя коего любили некогда на Руси киевской основывать скиты и пустыни, о них-же давно и память исчезла. Предуведомленный о прибытии его в тот день, я дожидался в Ялте; и когда пароход приближался уже к якорному месту, я поспешил туда на баркасе. Видел я издали, что кто-то в круглой священнической шляпе, сидел неподвижно, сложа обе руки на борт и положив на них голову; а когда останавливались, как-будто ко мне улыбнулся.

Но я узнал в нем Иннокентия только тогда, когда его первого стали спускать ко мне с парохода: он был – как с креста снятый, и пришел в себя, когда уже высадились на берег. Тогда он, вздохнувши, обнял меня и говорил: «Благодарю вас.... Я увидел вас, как моего хранителя.... Ах, какие страдания испытал я.... Теперь я знаю разлучение души с телом». Вот первые слова его в Крыму, крепко запечатленные в моей памяти! А помещение его было – в крайнем с берега гостином домике. Там, когда напились чаю, я оставил его в покое, с бывшим при нем келейником. Страдание его морскою болезнью было так велико, что он не захотел уже возвращаться на пароходе, и того же дня написал в Одессу, чтобы оставленный там его экипаж выслали в Херсон.

На другой день, в одиннадцатом часу утра я нашел его уже бодрствующего и беседующего с собравшимися у него крымскими священниками. Под тяжелым впечатлением неприязненного к нему Черного моря, не показалась ему сначала и красота Южного берега Крыма. Глядя на Ялы, ушедшие там от моря дальше и выше, чем в других местах, и ставшие

картинным полукругом, он говорил: «да эти горы не многим чем выше наших киевских!» Вечером однако же он с большим удовольствием гулял со мною по Магарачу, где мы и заночевали. Но и тут случилась неудача. В новоизбранном для нашего помещения домике оказалось многочисленное собрание домашних насекомых. (А в описании Таврической области Карла Габлица было сказано, что они «нигде еще в домах не усмотрены»). Не могли заснуть целую ночь, мы на рассвете перебрались на прежнюю квартиру в Ялте.

С наступлением прекраснейшего утра в тот третий день, в воскресенье, Иннокентий не только примирился с Крымом, но и полюбил его.

Мы отправились в Массандру, отличавшуюся от других южнобережных дач своею роскошною травною зеленью и безыскусственною сельскою красотою. Там Иннокентий молился у обедни, в небольшой церкви, поставленной над самым истоком светловодного ручья.

Отдохнувши достаточно после обеда в Ялте, мы собрались на прогулку в горы, наметив себе пределом главную вершину, называемую Лапата. Мой проводник – татарин, ежедневно приходивший ко мне со своим конем, явился теперь с двумя. Я предложил Иннокентию садиться на коня, изведенного мною, в седло, оставленное Кайсаровым. «Какой же я всадник» – говорил он, смеясь. «Отличный будете – сказал я: думайте, что это жребя ослие, и восседайте!» И когда уже трогались в ход, молодой Келейник с удивлением глядел на своего отца ректора, и усмехался.

Не знаю, кто бы мог оставаться равнодушным, проезжая в первый раз по той благодатной полосе Южного берега, где под открытым небом растут – смоковница и масличина, лавр и кипарис, айва и гранат, не говоря уже о многоразличных виноградных лозах и о прочем богатстве растительной жизни. Любитель садов и природы, Иннокентий был в восхищении.

Солнце склонялось к западу, когда мы стали взбираться, пробитою зигзагами дорогою, на другую, крутогорную полосу, поросшую таврическою сосною. С ее легким, бальзамическим паром сливалось прохладное веянье с моря и ходило между дерев тихим, таинственным шорохом.... Когда мы

остановились там для отдыха, Иннокентий, положив руку на свою иногда болящую грудь, говорил с умилением: «Господи, не забуду никогда этого дыхания!»

Приспала и верхняя, горнокаменная полоса, на которой не было уже деревьев, а только низкорослая трава и мох, да кое-где мелкий кустарник. Там приходилось нам продвигаться вверх иногда по самому краю стремнин, над глубокою пропастью. Привычные кони ступали осторожно, как-бы пробуя сперва копытом, надежно ли в том месте. Два раза мимо нас промчались, будто по воздуху, дикие козы. По мере восхождения нашего и море, казалось, поднимается в уровень с нами. А когда мы были у самой вершины, на встречу нам оттуда появилось светло-туманное облако. Когда же взойдя ускорено на верх, мы сидели уже на скале отдыхая, все облако спустилось вниз и – прогремел под нами гром.... Иннокентий, в трепетном восторге, крестился, и радовался этим неожиданным явлениям. Между тем, как прогремевшее под нами облако было уже далеко над морем, настигло и другое, окропившее нас тихим, теплым дождем. Мы нашли впадину под тою скалою, и сидя в ней, готовились уже там заночевать; но через полчаса прояснилось на небе, и полная луна просветила нам пройденный путь, и показала в новой красе бывшую перед нами чудесную картину.

Тогда мы начали свой возвратный путь – пешком и ползком, вслед за татаринном, сводившим потихоньку своих коней; и когда были недалеко уже от соснового бора, там запылал огонь и раздались протяжные крики. То были греки балаклавской роты, работавшие новую горную дорогу и ставшие на ночлег, – как узнали мы, подойдя к ним. Вместе с ними и мы приотдохнули, подсевши к огню; когда же они принялись за свою вечерю, и мы подживились ею немножко: ибо, предполагая возвратиться к заходу солнца, мы запаслись только десятком апельсинов. Спускаясь мало по малу по тем же местам, и любуясь ими заново, при озарении лунном, мы воротились в Ялту к двум часам по полуночи.

Обогащенные впечатлениями, мы остались без сна, и в десять часов отправились на тележке в Алупку, где была спокойная гостиница, отдельно стоявшая на холме и содержимая прежним поваром графа Воронцова, находившимся при нем во всех походах его до окончания войны с Бонапартом. Обновив силы наши послеобеденным сном, мы с удовольствием ходили по верхней половине знаменитой дачи. Иннокентию там не показалось только то, что был уже на половину отделан великолепный зеленокаменный дворец, красовалась уже новая золототерная мечеть, а православной церкви не было еще и заложено. Приятно было среди прогулки посидеть у того маленького прудка, который устроен на каменной скале, и окружен, как венком, розовыми кустами. Там Иннокентия долго занимали золотые рыбки, гулявшие по каменному дну.... Но внезапный сильный ветер прогнал нас оттуда. С балкона гостиницы смотрели мы на смутное зрелище, которое Иннокентий называл «проявлением бурного духа».

Вы помните гору Айпетри, которая стоит, как неуклюжий великан, при въезде в Алупку, и служит ей своею макушкою вместо ледника. Половина той горы в незапамятное время откололась во всю длину и, упав к морю, положила собой мыс Айтодор. Вот, при вершине Айпетри, часу в пятом пополудни, показалась черная туча. Оставаясь там около двух часов все в том же своем виде, она разражалась не громом и молнией, и не дождем, а только неистовою сухою бурей, потемнявшею воздух, возметаемым ею прахом и несметным множеством древесных листьев и ветвей, безжалостно его срывааемых. Когда исчезла тучка – и буря утихла, только на море продолжалось сильное волнение. Мы возобновили нашу прогулку, и видели печальное крушение претерпенное Флорою и Помоною. Сойдя на прибрежную скалу, мы долго смотрели на бушующее море. Передовые волны его с воем и ревом кидались на скалу, как бы желая проглотить нас; но достигали только до половины ее и падали с шумом.

На другой день, после спокойного ночлега в гостинице, мы совершили приятнейшую прогулку по Ориандам, где южнобережная таврическая природа

является в полной своей красе и роскоши. Там внимание моего дорогого спутника прежде всего остановила собою, в верхней или виттовой Орианде, отдельно стоящая каменная горка, на которой тогда был новый золоченый шар с крестом, а в давнее время – монастырек или скиток греческий. Мы всходили на нее, и долго любовались ненаглядною ее окрестностью. Иннокентий говорил, что та горка представляет собой кафедру в великолепном храме природы.

Весь следующий пасмурный день он провел в Ялте, занявшись делами своей училищной визитации и письмами.

А в седьмой день, 18-го июня, мы простились – до свидания в Киеве. Он уехал в Симферополь, а оттуда в Херсон. На этом дне кончаю и мое нынешнее воспоминание о Тавриде.

Ровно полжизни моей прошло с той поры, как я благоденствовал на Южном берегу Крыма. Тогда мне был 32-й, ныне 64-й год. Но не прошло еще ни желание, ни упование мое побывать и погулять там вторично. И для меня стали заветными слова поэта, вами в первый раз объявленные изданием «Бахчисарайского фонтана»:

«Приеду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный,
И вновь Таврические волны
Обрадуют мой жадный взор».

Простите!

Михаил Максимович.

24 марта 1868 г.

Михайлова гора,

Золотоношского уезда.

Письмо о философии

Е.П. Ю-ой

Вы не напрасно полюбили философию: без неё нет полного знания. Но, говоря это, я понимаю не ту философию, которая свои построения основывает на расчётах одного разума. Такая философия может быть весьма умная, но всегда холодная собеседница жизни и часто скучная педантка. Она не согревает души. Подобно зимнему солнцу, она только светит на предметы, не пробуждая в них жизни; и от света её часто на душу стелются только мрачные тени и леденеет чувство. Разум сам собою не даёт живого знания, полного убеждения: его стихия – сомнение; и я думаю, у многих бывает та пора жизни, когда хочешь всё решить своим разумом, не даёшь веры ни чему, чего не изъяснит он – и заходишь в такую пустыню бытия, для которой не стоит родиться, которая не стоит труда жить. Такая пора была и в жизни образованного человечества в прошедшем веке.

Но где же убеждение? На это слово, как созвучная струна, верно уже отвечало вам сердце. В сердце заключается убеждение; от теплоты чувств оно зависит; и только в союзе с сею теплотою, свет разума даёт искры и пламя живого знания. Душа своим чувством проникает в самые непрозрачные глубины бытия, в тайны жизни недоступные для одного разума; ибо в природе, как и в душе человеческой, всегда остаётся нечто выше разысканий нашего разума, выше законов, по которым он решает и поверяет свои следствия. Для полного знания и убеждения необходимо живое, посредственное объятие предмета чувством, которое служит то вестником, то вожатаем разуму, на пути его к стране ему обетованной.

Но основное всеобщее чувство есть любовь. Она есть высшее чувство нашей души, главное чувство природы, наконец, чувство божественное: ибо Бог есть любовь, и пребывающий в любви в Боге пребывает. И так: без любви нет полного разумения; и можно доказать живыми ещё примерами, что

отличного разума мудрец, но с холодной, нелюбящей душой, не есть вещатель плодотворной мудрости. Разум кичит, любовь созидает. Истинная, живая мудрость разума утверждается на любви.

Отсюда открывается значение философии: это любовь к мудрости! Потому она являлась столь же всеобщей, повсюдной, многосмысленной и разнообразной, как сама любовь. Подобно любви, она то возвышалась до религиозного благоговения, то искажалась и упала до греховного материализма; была чтима, счастлива и терпела беды и гонения; была безотчётным созерцанием ума, исключительным чувством сердца, холодным расчетом рассудка и забавою общественного. Также как любовь, она являлась светлым гением истины и добра, и мрачным демоном зла и искушения; простиралась на всю жизнь, на все знание и уединялась в тесную хранилищу особой науки. Кого люди не называли философом? Про что не говорят они люблю?

Но что есть наука философия? Какой предмет её?.. Что философия может быть наукою, тому доказательство множество курсов философии. Каждый из них определяет её по своему; все определения сии различны, и между тем все они идут к ней, все ей к лицу, как наряды красавице. Но, признаюсь, я не мог доселе выбрать из сих нарядов ни одного вполне ей приличного; я скажу вам, как сам думаю: что лучшее убранство для неё есть прекрасное имя её, данное Пифагором: любовь к мудрости. Я не сумею и отказываюсь говорить об ней, как об особой, отдельной от других наук. Она как любовь к мудрости представляется мне стремлением к живому знанию предметов и их сущности, желанием согласовать, одушевить наши знания. Потому она является особливим взглядом на предметы, который обнимает особое существование их и с тем вместе проникает в их внутреннее значение и единство. Таким образом она может быть в каждом умном человеке, составляя его образ мыслей и направление к полноте и гармонии знаний, чем и отличается любознание от простого любознания. Таким образом философия может быть в каждом произведении ума; может входить в поэзию, простираться на жизнь.

Но преимущественно пред всеми философом называется тот, кто смог главнейшие отростки знания свести к единому, общему началу, и нею развивать знания в стройной системе. Такого человека образ мыслей и взгляд на предметы, называются преимущественно философией его имени. Эти общие начала, главные умоположения составляют отличие, гордость и вместе недостаток различных систем философии, причину их временного разлива, возвышения и бывшего потом сокращения, упадка. Ибо эти общие начала, на коих философы основывали свои системы, были и значительны, и справедливы, и достаточны для того, чтобы развить из себя известный, ограниченный круг знания. Но систематики большую часть утверждали сии общие начала в своём собственном, частном разуме; и когда, придавая кому-нибудь из них лишнюю значительность, пытались наполнять им всю беспредельную пучину знания, то оно оказывалось недостаточным и слишком частным, скоро истощалось и уступало место новому роднику, изливавшему из себя новую систему, которая в свою очередь, оросив и освежив на время поле нашего знания, сокращалась в тесные берега и впадала в море истории философических систем.

Таким образом изменяется главный образ мыслей, основной взгляд в мире знания, или что всё равно: изменяется философия.

Что касается до разных наук или частных отраслей знания, то и в них один общий взгляд должен простираться до самых мелких подробностей, подобно тому, как жизнь какого-либо тела, составляющая сущность его и основное начало, простирается до самых мелких его частей. При настоящих успехах ума стали требовать, что бы наука была системою, т.е. представлением всех частей своего предмета в стройном единстве и целости. Потому философия должна составлять уже не отдельное введение или заключение в какой-либо науке; но вся наука должна быть философическая, от своих главных и общих положений, до самых частных исследований: тогда только она и может сделаться системою, состояться как наука.

Ботаника, зоология, физика так же суть философии, как и логика, эстетика, психология; ибо везде желаем системы, везде хотим полноты и гармонии знания. Потому мы не довольствуемся чувственным исследованием внешней стороны явления (эмперией), не довольствуемся дробным различением частных (анализом), не удовлетворяемся отвлечением разума в бестелесную, мысленную сторону бытия (идеализмом), избегаем произвольности в соединении и обобщении частных (синтезе); но стремимся согласовать сии односторонние способы познания и сдружить опыты чувственные с опытами ума в одно полное, живое и положительное знание.

Для полноты знания должно каждый предмет познавать в полноте бытия его или в цельной совокупности его существования действительного, явленного, и бытия возможного, мысленного; должно познавать его, как он есть, т.е. как представляющиеся нам явление, и вместе как мысль, им выражающаяся; как отдельное, особое существо и вместе как член целой, единой, общей жизни. И сей-то взгляд на предметы живой, полный, согласующий, есть собственно-философический взгляд и составляет философию.

Поэтому предмет философии может быть всякий предмет, подлежащий нашему познанию, до малейших своих подробностей. Но, смотря по временным потребностям жизни, по особенной склонности умов, смотря потому, в чём полагаемая была мудрость, сей взгляд мог останавливаться, средоточиться преимущественно на некоторых предметах, на исключительных вопросах, мог вдаваться в крайности других вышесказанных способов познания, кои он (как стихии свои) согласовать в себе должен. От того имя философии принимали на себя разные науки: богословие, психология, логика, математика, метафизика, физика, (которую и теперь Англичане называют натуральной философией); в наше же время главнейшие вопросы её связаны с наукой историей. От того философия бывала схолатизмом, формализмом, материализмом, критицизмом, мистицизмом и т.п.; и наконец она получает характер исторический. Иногда обращалась философия на практическую

жизнь, являясь стоицизмом, эпикуреизмом и т.п. Иногда она, переходя в поэзию, устремлялась на предметы фантастические, причудливые, каковы например, гадание судьбы людей по течению светил, вызывание бесплотных духов и усопших, составление философского камня; но всему этому верили, в этом поставляли мудрость великие люди, целые народы, в продолжение нескольких веков; и философия тогда жила в астрологии, магии, алхимии.

Так-то изменялась она и в направлении и в значении своём; подобно тому, как с возрастами, отношениями, переворотами жизни нашей меняются наш образ мыслей, наш взгляд на мир, наши любимые желания, мечты, идеалы.

Столь многозначительною, разнообразною являлась философия! Заметьте однако же, что она устремлялась всегда на предметы, в коих думали находишь источник мудрости; всегда имела влияния на судьбу наук и оставляла поучительные уроки потомству, хотя часто отрицательные своими неудачами и заблуждениями, в кои она впадала по односторонности своих стремлений, по исключительности своих предметов.

Теперь, изведав столько идеалов, надежд, увлечений, философия научилась дорожить действительностью; она желает согласить в себе разум и сердце; полюбила гармонию жизни, и старается одушевить, устроить ею все, что становится ей доступным и прикосновенным, не говорю близким, ибо она, как любовь, ничего не чуждается,

1833.

М. Максимович.

Сентября 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.**Письмо двоюродному брату Василию Ильичу Тимковскому****от 28 января 1873 г.**

Не пора-ли, наконец, аукнуться нам с тобою, мой возлюбленный брат и друг, Василий Ильич?.. После приятнейших дней, проведенных с тобою в прошлом мае, на Неве и на Славянке; а вместе с тобою и вся, там приветяющая Тимковщина наша, так часто, и наяву и во сне, мне представляется очень живо, в моем Михайлогорском отшельничестве. Под час, мне желалось, чтобы и без моих письменных вопросов, прилетели ко мне вести о вас: каково здоровье твое, по возвращении из Турановки, так надолго тобою почти покинутой? Как здравствуют ныне наши старейшины, Егор Федорович с Юлией Павловной? Что ныне с нашею ... с нашею Елисаветой Ильиничной и всеми членами ее семейства? При первом свидании с ними, прошу тебя, милый брат, передай им мой полносердечный, родственный привет и поклон, – а также и от Маруси моей, и от моего сынишки Алексейка, – которым хорошо уже известно, что лучшая сторона моего бытия, от рождения и до старости – Тимковщина. Мне весело и пером написать тебе это, помнится сказанное тебе в наших майских личных беседах. В ту пору были у нас с тобою и речи, и чтения для биографии пяти братьев Тимковских, некогда означенной мною в скороспешном наброске, для покойного Шевырева написанного в посланном мною сестре Лизе, а ею переданном тебе. Отложить эту биографию в долгий ящик не должно. Всего лучше, если б и окончательную обработку ее, и ее издание в свет, ты взял бы на себя, при пособии наших благонадежных Новгородсеверцев Заблоцких. Всего лучше – издать бы ее особою книжкою; а не то, в Старине Семевского, так как корректуру вы в Питере сообща держать можете.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.**Развернутый список писем М.А. Максимовича,
хранящихся в библиотеках и архивах Украины**

1. Багале́й Д. Письма М.А. Максимовича к Г.П. Данилевскому / Д. Багале́й // Киевская старина. – К., 1903. – Т. 35. – №1-3. – С. 220-223.
2. Бартене́в П. Письмо М.А. Максимовича к Н.Н. Похвисневу / П. Бартене́в // Русский архив. – М., 1910. – Кн. 3. – №12. – С. 676-677.
3. Данилевский М.Г. Г.П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке / М.Г. Данилевский. – Харьков: типография «Южного края», 1893. – 92с.
4. Государственный архив г. Киева. – Ф.16. – Оп. 275, №285. Письма М.А. Максимовича. – Л. 5, 79.
5. Государственный архив г. Киева. – Ф.16. – Оп. 308, №197. Письмо М.А. Максимовича. – Л. 32.
6. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 174. Письмо Максимовича М.А. к Г.П. Галагану. – Л.1.
7. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4747. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.1.
8. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4752. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
9. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4787. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.
10. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4788. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.1.
11. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4847. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.1.
12. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4850. Письмо к П.Г. Лебединцеву.– Л.2.

13. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4852. Письмо к П.Г. Лебединцеву. – Л.2.
14. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4854. Письмо к П.Г. Лебединцеву. – Л.2.
15. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4855. Письмо к П.Г. Лебединцеву. – Л.1.
16. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4856. Письмо к П.Г. Лебединцеву. – Л.1.
17. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4857. Письмо к П.Г. Лебединцеву. – Л.2.
18. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4978. Письмо к В.И.Тимковскому. – Л.2.
19. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4979. Письмо к В.И.Тимковскому. – Л.2.
20. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4980. Письмо к В.И.Тимковскому. – Л.1.
21. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 4981. Письмо к В.И.Тимковскому. – Л.2.
22. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 5538. Письмо Максимовича М.А. к Шутовой Е.П. – Л.2.
23. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 5744. Письмо Максимовича М.А. к Кошелевой О.Ф. – Л.2.
24. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 66955. Письмо Максимовича М.А. к Антоновичу В.Б. – Л.2.
25. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 68858. Письмо Максимовича М.А. к Кистяковскому А.Ф. – Л.1.

26. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. III. – Ед. хран. 68859. Письмо Максимовича М.А. к Кистяковскому А.Ф. – Л.2.

27. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 1. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

28. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 2. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.3.

29. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 3. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

30. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 4. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

31. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 5. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

32. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 6. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

33. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 7. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

34. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 8. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

35. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 9. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

36. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 10. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

37. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 11. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

38. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 12. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

39. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 13. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.3.

40. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 14. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

41. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 15. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

42. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 16. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

43. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 17. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

44. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 18. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

45. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 19. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

46. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 20. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

47. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 21. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1

48. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 22. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

49. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 23. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

50. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 24. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

51. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 25. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.4.

52. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 26. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

53. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 27. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

54. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 28. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.3.

55. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф. XXXII. – Ед. хран. 29. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

56. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 30. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

57. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 31. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

58. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 32. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

59. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 33. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

60. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 34. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

61. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 35. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

62. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 36. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.3.

63. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 37. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

64. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 38. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

65. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 39. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

66. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 40. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

67. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 41. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

68. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 42. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

69. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 43. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

70. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 44. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

71. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 45. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

72. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 46. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.4.

73. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 47. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

74. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 48. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

75. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 49. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

76. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 50. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

77. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 51. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

78. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 52. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

79. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 53. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

80. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 54. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

81. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 55. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

82. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 56. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

83. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 57. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

84. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 58. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

85. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 59. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

86. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 60. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

87. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 61. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

88. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 62. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

89. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 63. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

90. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 64. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

91. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 65. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

92. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 66. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

93. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 67. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

94. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 68. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

95. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 69. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

96. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 70. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

97. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 71. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

98. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 72. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

99. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 73. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

100. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 74. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

101. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 75. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

102. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 76. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

103. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 77. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

104. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 78. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

105. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 79. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

106. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 80. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

107. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 81. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

108. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 82. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.2.

109. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 83. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

110. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 84. Письмо жене М.В. Максимович. – Л.1.

111. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 86. Письма М.А. Максимовича. – Л.1.

112. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ.– Ед. хран. 87. Письмо другу Щербакову М.Г. – Л.2.

113. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 88. Письмо Григорию Антоновичу. – Л.2.

114. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.ХХХІІ. – Ед. хран. 445. Письмо Петру Дмитриевичу. – Л.2.

115. Каманин И. Письмо М.А. Максимовича к П.А. Кулишу [20 січ. 1854 р.] / И. Каманин // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца / под ред. А.М. Лободы. – К., 1905. – Кн. 18. – Вып. 3/4. – С.128.

116. Короткий В., Біленький С. Листування М.О. Максимовича та К.С. Сербіновича (1834-1838 рр.) // М. Максимович та освітні практики на Правобережній країні в першій половині ХІХ ст. – К.: Видавничий центр «Київський університет», 1999. – С. 229-273.

117. Максимович М.А. Биографическое примечание о преподобном архимандрите Макарии Токаревском (Письмо к старому Переяславцу, о. Иоанну Крамаренку) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 532-536.

118. Максимович М.А. Заметка о записи Владимира Ольгердовича на Евангелии Смединской Никольской церкви (Письмо к П.А. Муханову) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 156.

119. Максимович М.А. Заметка о козацких гетманах (Письмо к С.М. Соловьеву) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 317-320.

120. Максимович М.А. Заметка о первых гетманах козацких и первых полковниках Прилуцких (Письмо к Н.А. Маркевичу) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 321-325.

121. Максимович М.А. Заметки о некоторых летописных названиях местностей (Письмо графу А.С. Уварову) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 349-352.

122. Максимович М.А. К истории малорусского языка: Филологические письма к М.П. Погодину / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 3.

Языкознание. История словесности / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография Е.Т. Керер, 1880. – С. 183-243.

123. Максимович М.А. К истории малорусского языка: Новые письма к М.П. Погодину о старобытности малороссийского наречия/ Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 3. Языкознание. История словесности / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография Е.Т. Керер, 1880. – С. 312-327.

124. Максимович М.А. К истории малорусского языка: Ответные письма к М.П. Погодину / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 3. Языкознание. История словесности / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография Е.Т. Керер, 1880. – С. 244-272.

125. Максимович М.А. Литовский замок в Киеве (Письмо к М.П. Погодину) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С.155-157.

126. Максимович М.А. О Богдане Братковском (Письмо к В.Б. Антоновичу) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 539-540.

127. Максимович М.А. Об издании Нестеровой летописи и о городе Устье (На прощанье с 1867 годом. Письмо к М.П. Погодину) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С.353-355.

128. Максимович М.А. Об историческом романе г. Кулеша «Черная Рада» 1857г. (Письмо к Г.П. Галагану) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 515-532.

129. Максимович М.А. О горе Щекавице (Письмо к М.П. Погодину) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 158-160.

130. Максимович М.А. О грамматике Ломоносова (Письмо к Председателю II-го Отделения Академии Наук, г. Давыдову) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 3. Языкознание. История словесности / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография Е.Т. Керер, 1880. – С. 175-182.

131. Максимович М.А. О Григории Николаевиче Теплове и его записке «О беспорядках в Малороссии» (Письмо к П.А. Кулешу) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 545-564.

132. Максимович М.А. О десяти городах и некоторых селах древней Украины (Письмо М.П. Погодину) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 343-348.

133. Максимович М.А. О древнем вале, бывшем еще при Владимире Св. Южнее Киева, на границе земли Печенегов (Письмо графу А.С. Уварову) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 341-342.

134. Максимович М.А. О значении имени «Троян», упоминаемом в Слове о полку Игоря (Письмо графу А.С. Уварову) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 426-433.

135. Максимович М.А. О Киевском Синописе и о некоторых урочищах древнего Киева, упоминаемых в описании Киева Закревского / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 84-88.

136. Максимович М.А. О Литовском гетмане князе Острожском (Письмо к М.О. Кояловичу) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 196-199.

137. Максимович М.А. О правописании малороссийского языка (Письмо к Основьяненку) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 3. Языкознание. История словесности / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография Е.Т. Керер, 1880. – С. 312-328.

138. Максимович М.А. О предметах древности, сообщенных автором в музей Московского Археологического Общества (Письмо графу А.С. Уварову) / Собрание сочинений М.А. Максимовича: в 3 т. Т.2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 434-436.

139. Максимович М.А. О происхождении Варяго-Руссов (Письмо к М.П. Погодину) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 93-104.

140. Максимович М.А. О путешествии в Святую Землю Московского священника Иоанна Лукьянова (Письмо к П.И. Бартеневу) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С.537-538.

141. Максимович М.А. О храме Богоматери Влахернской в Киеве (Письмо в Киев П.Г. Лебединцеву на новый 1866 год) / Собрание сочинений

М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 2. Отделы: историко-типографический, археологический и этнографический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1877. – С. 89-90.

142. Максимович М.А. Память о Киевском воеводе Григории Ходкевиче (Письмо к М.П. Погодину) / Собрание починений М.А. Максимовича: в 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Михаил Александрович Максимович. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С.157-159.

143. Максимович М.А. Письма о Киеве и Воспоминание о Тавриде / Михаил Александрович Максимович. – Спб, 1871. – 154 с.

144. Максимович М.А. Письмо о философии Е.П. Ю-ой / М.А. Максимович // Телескоп. – М., 1833. – №10-12. – С. 423-431.

145. Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей XIX в. I Письма к Гр. Петр. Данилевскому / [под. ред. Д.И. Багалея] – К.: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1903. – 100с.

146. Максимович Михайло. Листи / [упор. і вст. ст. В. Короткого]. – К.: Либідь, 2004. – 312 с.

147. Максимович Михайло. У пошуках омріяної України: Вибрані українознавчі твори / [упор. і вст. ст. В. Короткого]. – К.: Либідь, 2003. – 360 с.

148. Максимович М.О. Києвъ явился градомъ великимъ...: Вибрані українознавчі твори / [упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису В.О. Замлинський]. – К.: Либідь, 1994. – 448 с.

149. Науменко В. Автобиография М.А. Максимовича (письмо М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву) / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1904. – Т. 86 – №9. – С. 322-346.

150. Науменко В. Два рукописных стихотворения М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1891. – Т. 35. – №12. – С. 481-482.

151. Науменко В. Заметки для будущего биографа М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1896. – Т. 55 – №10. – С. 15-17; 48-51.

152. Науменко В. Переписка М.А. Максимовича с П.Г. Лебединцевым (1864-1873) / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1904. – Т. 86 – №9. – С. 378-418.
153. Науменко В. Письма М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1896. – Т. 54. – №9. – С. 275-294.
154. Науменко В. Скорбная страничка из жизни М.А. Максимовича / В. Науменко // Киевская старина. – К., 1898. – Т. 63. – №11. – С. 273-307.
155. Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова и др. к библиографу С.И. Пономареву с примечаниями издателя / [издат. Л.Э. Бухгейм]. – М.: Издание Л.Э. Бухгейм, 1915. – 231 с.
156. Письма М.А. Максимовича к О.М. Бодянскому (1838-1873) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / изд. под завед. Е.В. Барсова. – Спб., 1887. – Кн.1. – С. 127-182.
157. Пономарев С. Из писем Максимовича к Шевченку / С. Пономарев // Киевская старина. – К., 1884. – Т. 8. – №4. – С. 644-648.
158. Украинские письма к П.А. Кулешу от М.А. Максимовича: Письмо первое. О сотнике Харьке и запорожце Чупрыне. Письмо второе. Объяснение некоторых украинских песен / М.А. Максимович // Русская беседа. – М., 1857. – Т.1. – Кн. 5. – Отд. 5. – С. 38-64.
159. Филипович П. Історико-літературні матеріали до Шевченка: 1. Листи Максимовича до Шевченка. 2. Нові рядки Т. Шевченка / П. Филипович // Наше минуле: журнал історії літератури і культури. – К., 1919. – №1-2. – С. 25-33.
160. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 293. – Оп. 1. – Д. 14. Письмо М.А. Максимовича в Киевский Цензурный Комитет. – С. 9.
161. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 610. Письма М.А. Максимовича. – С. 2-3, 8-9.

162. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 630. Письмо М.А. Максимовича попечителю Киевского учебного округа. – С. 2-3.

163. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 631. Прошение М.А. Максимовича попечителю Киевского учебного округа. – С. 4.

164. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. – Ф. 707. – Оп. 11. – Д. 22. Письмо М.А. Максимовича к князю С.И. Давыдову – попечителю Киевского учебного округа. – С. 5.

165. Шугуров Н. Воспоминание о Тимковских (письмо М.А. Максимовича к С.П. Шевыреву) / Н. Шугуров // Киевская старина. – К., 1898. – Т. 63. – №11. – С. 255-272.